

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (35)

Октябрь – декабрь 2012

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА.

Издается Тюменским государственным нефтегазовым университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-39119
Выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН,
Институт социологии РАН,
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
Н. Н. Карнаухов

Редакционная коллегия
К. Г. Барбакова, О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, В. Е. Генин, З. Т. Голенкова,
В. К. Левашов, Н. П. Нарбут, В. В. Пленкина,
Н. Г. Хайруллина (зам. главного редактора)

Ответственный редактор – Л. Н. Морокова
Редактор, оператор электронной верстки – Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 227
Тел./факс: 8 (3452) 41-82-05
E-mail: nur@tsogu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993-1824

© ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
Социология. Экономика. Политика, 2012

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

№ 4(35)

October – december 2012

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS.**

Published by Tyumen State Oil and Gas University, Since 2002

Registration Certificate of SMI PI № FS 77-39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Founder Tyumen State Oil and Gas University

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief

N. N. Karnaukhov

Editorial Board

Klara G. Barbakova, Oleg M. Barbakov, Marina L. Belonozhko, Vlad E. Genin,
Zinaida T. Golenkova, Viktor K. Levashov, Nikolai P. Narbut, Vera V. Plenkina,
Nursafa G. Khairullina (Deputy Editor-in-Chief)

Contributing editor – L. N. Morokova

Editor, computer Design – N. V. Shuvaeva

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, offices 227

Telephone/Fax: +7 (3452) 41-82-05

E-mail: nur@tsogu.ru

**Included in the RF Ministry of Education and Science SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993-1824

© NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS.
Sociology. Economics. Politics, 2012

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
MANAGERIAL PROCESSES

Бачинина Ю. П., Андропова И. В. Bachinina Y. P., Andronova I. V.	
Государственно-частное партнерство в приоритетных проектах развития региона Public-private partnership in the region development priority projects	6
Пестова П. А. Pestova P. A.	
Формирование самоуправляемых команд в предприятиях и организациях Formation of self-governing commands in the organization	9
Самборецкий И. С., Гаврин А. С. Samboretskiy I. S., Belonozhko M. L.	
Проблемы монопрофильных городов в России: ретроспективный анализ The problems of single-industry towns in russia: a retrospective analysis	11
Зобнин Ю. А. Zobnin Yu. A.	
Государственное управление современной банковской системой Российской Федерации State administration of the modern banking system of the Russian Federation	13
Фау В., Кулгемайер Т. А., Голубничий Н. А. Pfau W., Kulgemeyer T. A., Golubnichiy N. A.	
Дисгармонии в бизнес-интеракциях в нефтегазовой отрасли России и Германии Disharmonies in business interactions in the Russian-German pipeline-bound energy sector	17

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Зюбин А. А. Zyubin A. A.	
Инструментарий реализации региональной экономической политики Tools of the regional economic policy implementation	21
Кот П. А. Kot P. A.	
Учет макроэкономических рисков при оценке эффективности освоения месторождений углеводородов Integrating macroeconomic risks for the evaluation of hydrocarbon deposit development	24
Ленкова О. В., Антонов М. Л. Lenkova O. V., Antonov M. L.	
Сущность и виды инноваций в нефтехимии The essence and types of innovations in petrochemistry	27
Орлов А. В. Orlov A. V.	
Эконометрическое моделирование электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» The econometric modeling of the electric intensity of the company «Manufacturing activities»	30

Русакова Л. Н. Rusakova L. N.	
О факторах воздействия на развитие инновационного предпринимательства Factors of influence on innovative entrepreneurship development	34

Сафонов А. А. Safonov A. A.	
Возможные источники внебюджетного финансирования предприятий ЖКХ Possible sources of non-budgetary funding of municipal utilities	36

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

Койше К. К., Гульятяев В. Н. K. K. Koishe, V. N. Gulyaev	
Тюменская область – пространство межэтнического диалога Tyumen region as a space of interethnic polylogue	41

Колтунов Д. А. Koltunov D. A.	
Молодое лицо протестной России The young face of Russian protest	45

Кузнецов И. С. Kuznetsov I. S.	
Социальный портрет иждивенца глазами населения Тюменской области A social portrait of a dependent in the eyes of population of Tyumen region	47

Старикова Е. П. Starikova E. P.	
Социальная стратификация населения Красноярского края: кластерный анализ Social stratification of Krasnoyarsk krai population: cluster analysis	50

Устинова О. В., Артюхов А. В. Ustinova O. V., Artyukhov A. V.	
Влияние ценностных ориентаций граждан на их репродуктивное поведение Influence of the value orientations of citizens upon their reproductive behavior	55

Шарипова Э. М., Гаврилова Н. Ю. Sharipova E. M., Gavrilova N. Y.	
Состояние религиозности населения Тюменской области State of religiousness of Tyumen region`s population	58

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT

Анисимова Л. В. Anisimova L. V.	
Трансформация системы инженерного образования как условие эффективного развития региональной экономики Transformation of engineer education system as a condition of effective development of regional economics	62

Барбаков О. М., Барбакова К. Г. Barbakov O. M., Barbakova K. G. Управление бизнес-образованием в Российской Федерации Business education management in the Russian federation	66
Голиков Н. А. Golikov N. A. Социальные эффекты образования: от имеющегося к необходимому Social effects of education: from available to the necessary one	70
Куликова Ю. П. Kulikova J. P. Западные модели реализации молодежной политики в условиях национальной модернизации Western models of the youth policy realization in the conditions of national modernization	74
Новикова А. А. Novikova A. A. К вопросу формирования социальной компетентности студентов в высшей школе Formation of students social competence in the higher education institution	77
Трушников Д. Ю., Трушникова В. И. Trushnikov D. Yu., Trushnikova V. I. Гуманитарные технологии в проектировании воспитательного пространства инженерного вуза: кластерный подход Humanity technologies in designing the educational space of the engineering higher education institution: cluster approach	83

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 332.1

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ПРИОРИТЕТНЫХ ПРОЕКТАХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE REGION DEVELOPMENT PRIORITY PROJECTS

Ю. П. Бачинина, И. В. Андропова
Y. P. Bachinina, I. V. Andronova

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, региональное развитие, экономика региона

Key words: public-private partnerships, regional development, the region's economy

Представлен анализ применения в практике регионального развития механизмов государственно-частного партнерства. Даны авторские рекомендации, направленные на создание условий для дальнейшего развития государственно-частного партнерства в регионе.

The application of public-private partnership mechanisms in practice of the regional development is analyzed. Some recommendations are given that are aimed at creating the conditions for such partnership further development in the region.

Достижение целей развития, успешная модернизация экономики и социальной сферы предполагают выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между обществом, бизнесом и государством, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов бизнеса и различных социальных групп при выработке и проведении социально-экономической политики. Инновационный тип развития требует создания максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских частных компаний, расширения их способности к работе на открытых глобальных и региональных рынках в условиях жесткой конкуренции — поскольку именно частный бизнес является основной движущей силой экономического развития.

В целях перехода к инновационному социально-ориентированному развитию государство в отношениях с субъектами предпринимательской деятельности должно ориентироваться на развитие государственно-частного партнерства (ГЧП), направленного на снижение предпринимательских и инвестиционных рисков, прежде всего, в сферах исследований и разработок, распространения новых технологий, развития транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры.

К настоящему времени основная часть инвестиционных проектов, имеющих стратегически важное значение для российских регионов, предусматривает иные, отличные от государственно-частного партнерства, формы реализации. В процессе изучения причин данной ситуации, провели сравнительный анализ (относительно общероссийских процессов) состояния ГЧП в Тюменской области, который показал, что ГЧП находится на ранней стадии развития: в настоящее время ведется совместная работа Правительства Тюменской области, а также органов местного самоуправления с бизнес-структурами по реализации партнерских проектов с использованием различных форм сотрудничества.

Из числа совместных проектов региональных властей и представителей частного бизнеса в форме ГЧП в Тюменской области планируется к реализации только около 7% от всех разработанных, они ориентированы на объекты инфраструктуры (в частности, проект по развитию коммунальной инфраструктуры, используемой для производства товаров (оказания услуг) в целях обеспечения водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод г. Тюмени; проект по развитию системы коммунальной инфраструктуры, используемой для производства товаров (оказания услуг) в целях обеспечения теплоснабжения города; проект строительства мусороперерабатывающего комплекса и др.).

В то же время, в число крупных инвестиционных проектов Тюменской области (в соответствии с Концепцией долгосрочного развития Тюменской области до 2020 г. и на перспективу до 2030 г.) входят проекты отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК), машиностроения, лесопромышленного комплекса, сельского хозяйства, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, проекты по развитию транспортной, инженерной и энергетической инфраструктуры. Наиболее крупные проекты планируется реализовать в рамках топливно-энергетического комплекса, в частности, в нефтегазодобывающей отрасли. Проекты ТЭК можно разделить на три группы: добыча углеводородов, их переработка и производство электроэнергии.

Самым большим объемом инвестиций характеризуются проекты добычи нефти и газа: освоение Уватской группы месторождений нефти. Помимо инвестиций, планируемых в заявленные сроки, региональными органами государственной власти прогнозируется сохранение размера капиталовложений на значительном уровне в последующие годы для развития и поддержания добычи углеводородов. В сфере нефтепереработки планируется ряд инвестиционных проектов (создание нефтеперерабатывающих производств). В их числе — строительство второй очереди Антипинского нефтеперерабатывающего завода, строительство завода по производству битума.

На территории Тюменской области планируется развивать химическую промышленность, в частности, создавая и расширяя нефтегазохимические мощности. Наиболее значительным проектом в этой сфере может считаться создание на Тобольской промышленной площадке комплекса производств полимеров. Объем капиталовложений только по первой очереди производства составит не менее 36 млрд рублей. В области перспективно развитие строительства предприятий по производству продукции из полипропилена.

В сфере металлургического и машиностроительного производства значительные капиталовложения предусмотрены в рамках строительства электрометаллургического завода в г.Тюмени. Проекты в машиностроении ориентированы, в основном, на производство оборудования и комплектующих для нефтегазового комплекса.

Проекты стройиндустрии, включенные в Концепцию развития Тюменской области, ориентированы на производство кирпича, газобетонных блоков, строительных смесей, ЖБИ, теплоизоляционных материалов.

В рамках реализации проектов в лесопромышленном комплексе органами государственной власти Тюменской области запланировано создание лесозаготовительных и деревообрабатывающих мощностей.

Транспортный комплекс предполагает реализацию инвестиционных проектов, затрагивающих строительство и реконструкцию автодорог, создание логистических терминалов и новых железнодорожных линий. В числе приоритетных инвестиционных проектов – развитие Западно-Сибирского инновационного центра нефти и газа (технопарка). Крупнейшие проекты ГЧП, реализуемые на территории Тюменской области – проект «Урал промышленный – Урал Полярный», Тюменская ТЭЦ-3 и прочие.

Все перечисленные проекты, имеющие огромное значение для экономики региона вполне могут быть реализованы на принципах государственно-частного партнерства (или хотя бы отдельные составляющие этих проектов).

Изучение и обобщение теоретических исследований ведущих российских и зарубежных ученых, практики реализации проектов ГЧП в Тюменской области, а также опрос представителей региональных органов власти, местного самоуправления и бизнес-сообщества позволили выявить основные проблемы и недостатки в организации альянсов между властью и бизнесом, затрудняющие развитие ГЧП в регионах РФ, в том числе в Тюменской области. К их числу можно отнести:

- 1) отсутствие четкой региональной стратегии развития приоритетных направлений взаимодействия государства и бизнес-структур (в стратегии развития региона проектам ГЧП не уделяется должного внимания);

- 2) несовершенство законодательной базы (в том числе отсутствие на федеральном и региональном уровнях закона о ГЧП), налоговой политики, механизмов тарифного регулирования;

- 3) дефицит квалифицированных кадров, имеющих опыт управления и реализации проектов ГЧП, в том числе среди представителей региональных органов государственной власти;

4) неотработанность механизмов, обеспечивающих прозрачность процедур реализации проектов государственно-частного партнерства, а также степени ответственности и последствий для чиновников и руководителей проектов в случае неудачной реализации региональных ГЧП-проектов;

5) неготовность российского общества к передаче частному сектору функций владения и пользования объектами государственной и муниципальной собственности;

6) низкая информированность представителей бизнеса о возможности участия в проектах ГЧП, их преимуществах относительно иных форм взаимодействия, конечных результатах партнерства и др.

На основе вышеизложенного сделаны выводы, с одной стороны, об имеющихся в Тюменской области возможностях использования ГЧП как инновационной формы взаимодействия власти и бизнеса и, с другой, о незначительном практическом их применении. Для осуществления процессов внедрения проектов ГЧП в практику регионального управления федеральным и региональным органам власти, по-нашему мнению, необходимо активизировать работу по совершенствованию нормативно-правового и методического обеспечения процессов взаимодействия власти и частного бизнеса, а также активно воздействовать на общественное сознание путем проведения специализированных акций информационно-имиджевого сопровождения региональных ГЧП-проектов.

Перспективы и пути развития государственно-частного партнерства непосредственно связаны с территориальным стратегическим планированием, которое не только инициирует возникновение совместных проектов государства и частного сектора экономики, но и выступает действенным организационным механизмом разработки и реализации данных проектов.

Изучение практического опыта реализации проектов позволяет выделить ряд принципиальных условий формирования и реального осуществления ГЧП в современной экономике. Среди этих условий:

- наличие политической воли, стратегии развития страны с четким выделением приоритетных социально-экономических проектов и путей их реализации;

- благоприятное правовое поле, не только легализующее, но и содействующее развитию партнерства власти и бизнеса на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ и муниципальных образований;

- прогрессивная институциональная среда, адекватная имеющемуся финансово-экономическому потенциалу и выдвигаемым перед партнерством задачам, учреждение специального федерального органа, формирование органов исполнительной власти в субъектах РФ и муниципальных образованиях, агентств и других институтов, обеспечивающих эффективную реализацию проектов государственно-частного партнерства;

- подготовка управленческих кадров (менеджеров), обладающих прогрессивным менеджментом и способных с учетом мирового опыта инициировать и планировать проекты, осуществлять мониторинг реализации и необходимую коррекцию сотрудничества;

- создание и поддержание благоприятного имиджа проектов государственно-частного партнерства, формирование позитивной репутации сотрудничества не только среди потенциальных партнеров, но и в бизнес-среде в целом, а также у экономически активного населения.

Основываясь на результатах проведенного исследования, могут быть даны следующие рекомендации, позволяющие создать условия для дальнейшего развития ГЧП в регионе, а именно:

- формирование общей среды развития ГЧП;
- усиление нормативно-правового обеспечения ГЧП;
- повышение поддержки и гарантий государства партнерам из частного сектора;
- федеральная поддержка региональных и муниципальных проектов ГЧП;
- единый государственный орган и система подготовки специалистов по вопросам ГЧП;
- использование деловых объединений;
- более тщательная проработка проектов с обеих сторон и с общественностью.

Сведения об авторах

Бачина Юлия Петровна, к. э. н., доцент кафедры «Менеджмент в отраслях ТЭК», Тюменский государственный нефтегазовый университет, тел.: 8(3452)416369, *bachinina_07@mail.ru*

Андропова Ирина Владимировна, д. э. н., профессор кафедры «Экономика товарных рынков», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел.: 8(3452)416368

Bachinina Yu.P., Ph.D., associate professor of the chair «Management in the fuel and energy sector branches», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416369, bachinina_07@mail.ru

Andronova I. V., Doctor of Economics, professor of the chair «Economics of commodity markets», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416369

**ФОРМИРОВАНИЕ САМОУПРАВЛЯЕМЫХ КОМАНД
В ПРЕДПРИЯТИЯХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ**
FORMATION OF SELF-GOVERNING COMMANDS IN THE ORGANIZATION

П. А. Пестова

P. A. Pestova

Ключевые слова: команда, самоуправляемая команда, социальная самоорганизация, самоорганизационные механизмы.

Key words: command, self-governing command, social self- organization, self-organization mechanism

Рассматриваются эффективность командной работы, условия формирования самоуправляемых команд, отличительные особенности самоуправляемых команд от других видов команд, цель и задачи создания самоуправляемых команд, описывается актуальность формирования самоуправляемых команд посредством самоорганизационных механизмов в предприятиях и организациях, модель ее функционирования.

The efficiency of command job, formation of self-governing commands, distinctive features of self-governing commands from other kinds of commands is considered, the purpose and tasks of creation of self-governing commands are considered, the urgency of formation of self-controlled commands by means of self-organizational mechanisms in the organizations and model of its functioning is described.

Личность как человеческий ресурс является важным элементом, включенным в социальный контекст, взаимодействующим с другими личностями в организации. Личность устанавливает коммуникативные отношения с коллективом, образуя формальные и неформальные групповые самоорганизации. В современных условиях решение возникающих проблем в предприятии (организации) определяется не личностью, а командой. Эффективное функционирование предприятия возможно благодаря единомыслию в коллективе и использованию творческого потенциала работников. Командная работа в коллективе играет первостепенную роль, поскольку синергетический эффект совместной деятельности людей выше синергии отдельного индивида.

В постоянно меняющихся условиях внешней среды удержать управление предприятием (организацией) в руках руководителя становится невозможным и неэффективным, поэтому возникает необходимость формировать самоуправляемую команду с демократическим стилем управления. На образование таких команд направляются усилия моральные (умение работать в команде) и материальные (издержки на обучение). Самоуправляемая команда, в отличие от любой другой, функционирует автономно и включает всех членов для принятия общих решений, координирует и контролирует их работу, обучает и поддерживает инициативу, несет коллективную ответственность за результаты своей деятельности. Развитие самоуправляемых команд особенно актуально для предприятий сферы услуг, поскольку данная сфера в настоящее время динамично развивается. Одной из важных особенностей сферы услуг является изменчивость услуги, зависимость от того, кто ее оказывает, и ориентируется на психолого-социологическую квалификацию персонала, работники данной сферы являются фронтлайн-работниками, «...аккумулируя фактические данные о востребованных или, напротив, не пользующихся спросом услугах, являются бесценным источником информации при разработке или корректировке стратегии организации, ... контактный персонал может рекомендовать ту или иную услугу, существенно влияя на выбор клиентов и соответственно в какой-то мере управляя спросом» [1].

В самоуправляемой команде присутствуют социальные, координационные и управленческие связи между ее членами, образуя самоорганизационные механизмы формирования данной команды, тем самым взаимообуславливая качественный трудовой процесс. В социологическом словаре дефиниция понятия «социальная самоорганизация» является одной из составляющих социального управления, отличительным признаком которого является спонтанность, отсутствие единого субъектного начала [2]. Отсутствие субъектного компонента является дестабилизирующим моментом в предприятии, поэтому для эффективного развития самоорганизационных механизмов необходимо формировать организационно-технические (направленные на сохранение и поддержание ресурсов) и социально-экономические (направленные на цели и интересы ресурсов) условия внутри предприятия. Рассмотрим условия, обеспечивающие положительное развитие самоорганизации:

1) в организационно-техническом плане: демократизация властных структур; налаживание эффективной обратной связи руководства с работниками через быстрое информационное обеспечение; профессиональная дифференциация микрогрупп; контролирование работы команды со стороны руководства в случае «выхода за рамки» организационной культуры и политики предприятия (организации); формирование умения переходить к децентрализованной работе;

2) в социально-экономическом плане: освоение новых знаний и применение их на практике; развитие командной работы; межличностное и групповое взаимодействие; идентификация работника с командой, группой; самообучение, самоконтроль, самоуправление сотрудников; формирование организационной культуры; вознаграждение за проявленную инициативу.

Целью создания самоуправляемой команды является получение качественной продукции (услуги) с выраженными подцелями – ориентация на потребителя и кооперирование знаний, умений, навыков членов команды в процессе совместной деятельности. Задачи ориентированы на решение цели и подцелей формирования самоуправляемых команд в предприятиях (организациях), выполнение социально-экономических и организационно-технических условий. Цели и задачи формирования самоуправляемой команды в предприятиях (организациях) сферы услуг представлены на рис. 1.

Рис. 1. Цели и задачи формирования самоуправляемой команды в предприятиях (организациях) сферы услуг

Модель развития самоуправляемой команды вследствие перечисленных условий с образованием ориентированной на потребителя продукции или услуги представлена на рис. 2.

Рис. 2. Формирование самоуправляемой команды посредством самоорганизационных механизмов

Таким образом, условиями деятельности самоуправляемой команды являются: общность личных и групповых интересов, совпадающих с интересами и целями всей организации; интегрирование знаний, умений и навыков членов команды; готовность к обучению и самообучению, разрешению проблем и принятию решений; навыки межличностного и межгруппового взаимодействий; готовность к изменению поведения под воздействием внешних и внутренних факторов.

Список литературы

1. Балаева О. Н., Предводителяева М. Д. Управление организациями сферы услуг. - М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.- С. 160.
2. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. - М.: Инфра – М., 2010. – С. 608.

Сведения об авторе

Пестова Полина Анатольевна, соискатель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел.: 89129282377

Pestova P. A., Doctoral Candidate, Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 89129282377

УДК 314. 93

**ПРОБЛЕМЫ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДОВ В РОССИИ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

THE PROBLEMS OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN RUSSIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

И. С. Самборецкий, А. С. Гаврин

I. S. Samboretskiy, A. S. Gavrin

Ключевые слова: монопрофильный город, градообразующее предприятие, сырьевой город, производственный город, мануфактура

Key words: single-industry, town forming enterprise, raw city, industrial city, the factory

Приводятся причины возникновения монопрофильных городов России, как в дальнейшем они повлияли на возникновение проблем, свойственных этому типу городов.

This article explains how the cause of single-industry towns in Russia further contributed to the occurrence of problems inherent in this type of cities.

Что такое монопрофильные города? Почему они важны для России? В чем их проблемы?

В научной литературе до сих пор нет четкого определения понятия «монопрофильный город». Такие города называют «монофункциональными», «моногогородами», «городами-заводами» и др.

Сегодня многие из этих городов уже не имеют той жизнеспособности и эффективности как раньше, из-за закрытия производств, ради которых они были созданы.

Поэтому необходим анализ исторического опыта создания таких городов, который и даст возможность определить точное его название, а также позволит выявить факторы, способствующие решению проблем современных монопрофильных городов.

Города на Руси изначально были многофункциональными, объединяя в себе административные, религиозные, военные, экономические и производственные функции. Раздробление государства после правления Ярослава Мудрого лишь усилило универсальность крупных городов, ставших столицами княжеств[1].

После централизации власти и объединения княжеств московскими князьями русское государство столкнулось с задачами, решение которых потребовало создания нового типа городов — монопрофильных.

Первое их массовое образование в России пришлось на правление Петра I [1]. Организация новых производств, в первую очередь, суконных мануфактур и железодельных заводов в зонах освоения (Тула, Урал, Подмосковье), требовала много рабочих рук. Однако свободных кадров как

таковых в России не существовало и к заводам либо приписывались казенные крестьяне, либо приобретались крепостные на вывоз. Так же использовались войска и каторжные работники. Часть образованных в то время заводов–поселков развилась впоследствии в крупные промышленные центры (например, Златоуст, Челябинск, Тула), другая же часть так и осталась в состоянии моногородов.

Дальнейшее строительство мануфактур было связано с начавшейся Северной войной, так как король Швеции Карл XII располагал первоклассной армией и сильным военно-морским флотом. Поэтому Петр I все силы бросил на создание сильной армии и строительство морского флота. Спешно открывались предприятия для снабжения армии и флота артиллерией, ружьями, порохом, сукном, пуговицами, ремнями и т. д. Военные нужды (необходимости вооружения армии) привели к росту производства металла. Наряду с Москвой и прилегающими к ней губерниями нечерноземного центра складывались два новых крупных промышленных района: Урал и Петербург, значение которых быстро возрастало [1].

Быстрыми темпами развивалась металлургия России. Одновременно со строительством заводов в Европейской части. Правительство приступило к поискам железных и медных руд и к концу первой четверти XVIII в. Россия стала выплавлять чугуна в полтора раза больше Англии и заняла ведущее место в мире по производству металла. Таких результатов достигли благодаря тому, что наряду с существующими ещё в XVII в. заводами в районе Тулы, Каширы и Калуги, создали металлургические мануфактуры в Карелии, поблизости с театром военных действий, а затем и на Урале. Крупнейшими в мире металлургическими заводами стали Невьянский, Екатеринбургский, Каменский, Нижнетагильский [1]. Производство металла позволило создать оружейные заводы в Сестрорецке, близ Петербурга, и в Олонецком крае, в Карелии. На берегу Онежского озера в 1703 г. построили чугуноплавильный и железоделательный заводы, послужившие основанием города Петрозаводска.

Таким образом, в эпоху петровских преобразований заложена основа множества городов, созданных для решения государственных задач. Многие из поселений того времени не дожили до наших дней, прекратив свое существование после того, как отпала нужда в градообразующих предприятиях. Особенно часто подобная судьба постигала сырьевые города Урала, созданные лишь ради добычи ресурсов. Нужно помнить, что часть городов, например, Екатеринбург или Челябинск, продолжили развиваться, превратившись из моногородов в крупные административные, промышленные, торговые и транспортные центры [1].

Второе массовое развитие монопрофильных городов связано с массовым развитием легкой промышленности. Были образованы мануфактуры, которые располагались преимущественно в центре России и использовали труд крестьян в зимнее время, например, отхожий промысел, с последующим переходом на постоянную работу. В это время возникают такие города как Дрезна, Шуя, Орехово-Зуево, Павлов Пасад. В области народных промыслов образуются центры производства при укрупнении деревенских промыслов: Семенов, Гусь–Хрустальный, Первомайский (фарфоровый завод Попова), Гжель.

Очередной этап создания монопрофильных городов начался в 1891 году. Вместе со строительством Транссибирской магистрали, для снабжения углем паровозов, вдоль трассы создаются шахтерские города-поселки. Во времена сталинской индустриализации возникновение монопрофильных городов происходило в небольшой степени, так как производства или реконструировались, или создавались сразу как комплекс предприятий, имеющий одно или несколько головных предприятий – Магнитка, Новокузнецк, Апатиты [1].

Значительное число городов возникло в военное время за счет эвакуированных предприятий, позднее ряд монопоселков слился с близрасположенным городом (Безымянка и Куйбышев, Танкоград и Челябинск), а предприятия стали градообразующими (Шадринск — за счет эвакуации части ЗИЛа из Москвы) [1]. После пятидесятих годов в размещении производительных сил проявилась тенденция рассредоточения производства из крупных городов и активного привлечения рабочей силы из местного и сельского населения. Система советского капитального строительства из-за постоянного дефицита продукции была направлена на строительство новых мощностей, а не на реконструкцию старых объектов, чем объяснялось активное строительство новых производств в малых и средних городах, где подобные предприятия становились градообразующими.

Реализация оборонной политики привела к созданию закрытых городов с ограничением въезда и выезда граждан, организации спецснабжения и выделения их в самостоятельные административные образования. Соответственно в данных городах никакое другое производство не размещалось. К

подобным городам можно отнести Ленинск (Байконур), Арзамас–39, Снежинск, Полярный, Красноярск–26 и т.д. Развитие научно-технического потенциала страны повлекло создание наукоградов. Первый эксперимент опробовали в Академгородке г. Новосибирска. Позже были созданы города Дубна, Обнинск, Протвино, Троицк, Черногоровка, Зеленоград и др. [1].

Последнее массовое создание монопрофильных городов в России относится к освоению нефтяных и газовых запасов Западной Сибири. Открытие нефтяных месторождений способствовало развитию села Нижневартовского в город, а город Нефтеюганск был создан с нуля, исключительно из необходимости проживания нефтяников [2]. Опыт предыдущих сырьевых монопрофильных городов, которые прекратили свое существование, как только отпала необходимость в градообразующих предприятиях, при этом не учитывался.

Таким образом, процесс становления города на разных этапах развития общества хотя и различался по целям и задачам, но в становлении городов есть одна общая закономерность – они возникали тогда, когда нужно было решать конкретную задачу и в том месте, где решение этой задачи было наиболее эффективно.

Следовательно, независимо от своего типа (сырьевые, производственные, научные и т.д.), монопрофильные города создавались там и тогда, где и когда государство в них нуждалось. При этом совершенно не учитывалось, что города — это не точки на карте, а в первую очередь, — живые люди. Обеспечение их жизнедеятельности, даже в условиях закрытия градообразующего предприятия, является государственной задачей, так как монопроизводственные города могут существовать и развиваться только при определенной поддержке государственных органов власти.

Список литературы

1. Монопрофильные города и градообразующие предприятия. [Электронный ресурс] / под ред. Липсица // Экспертный институт. - 1998 г. Режим доступа: http://www.unioninvest.ru/city_mong.html.
2. «Россия — священная наша держава»: прошлое с нами: Учебное пособие в 5 книгах / А. В. Горожанин, В. В. Рыбников, Г. М. Ипполитов, В. Я. Ефремов, Г. В. Алексушин. - Самара, 2003–2005.

Сведения об авторах

Самборецкий Игорь Сергеевич, ассистент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, тел.: +7(919)9575812

Гаврин Александр Сергеевич, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский государственный нефтегазовый университет, тел.: г. Тюмень, тел.: 8(3452)208456

Samboretzkiy I. S., assistant, Department of Marketing and Municipal Government faculty at Tyumen State oil and gas University, phone: +7(919)9575812

Gavrin A. S., Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil & Gas University, phone: 8(3452)208456

УДК 354

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ STATE ADMINISTRATION OF THE MODERN BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ю. А. Зобнин

Yu. A. Zobnin

Ключевые слова: банковская система, фактический состав, кредитные организации

Key words: banking system, actual structure, credit institutions

О функционировании банковской системы — важном факторе социально-политической стабильности государства, регулируемой федеральным законодательством. Дан анализ функций некоторых государственных органов, что позволяет уточнить фактический состав современной

банковской системы России, сделав вывод о его несоответствии составу, закреплённому в Федеральных законах.

Functioning of the banking system is an important factor of the state's social and political stability. That is why it is regulated by the federal legislation. The analysis of functions of some state authorities allows to specify the actual structure of the modern banking system of Russia and to draw a conclusion about its non-compliance with the structure fixed in the federal laws.

Стабильное функционирование банковских систем является важнейшим фактором поступательного социально-экономического развития любого современного государства. В силу своей специфики банковская деятельность затрагивает интересы неограниченного круга лиц. Поэтому, как и в других странах, действующая в России банковская система, ее составные элементы, структура и органы управления регулируются непосредственно Конституцией РФ, а также Федеральными законами, основными из которых являются «О банках и банковской деятельности» и «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)». Эффективное государственное управление банковской системой невозможно без учета особенностей ее строения и фактического элементного состава.

Действующее законодательство [1] Российской Федерации определяет, что современная российская банковская имеет двухуровневую структуру. На первом (управляющем) уровне находится Банк России, который является основным органом управления банковской системы, на втором (управляемом) — кредитные организации (коммерческие банки и небанковские кредитные организации), а также филиалы и представительства иностранных банков. Вместе с тем, исследователи отмечают, что фактически на первом уровне наряду с Банком России сегодня располагаются Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ) [2], а также Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР) [3], которые идентифицируются также как органы управления современной банковской системой Российской Федерации.

По нашему мнению, отнесение ФСФР к банковской системе вряд ли возможно, даже принимая во внимание аргументы указанной концепции о том, что эта служба осуществляет лицензирование, контроль и надзор за деятельностью коммерческих банков, а также контроль и надзор за деятельностью бюро кредитных историй (БКИ). Однако в этом построении не учитываются следующие особенности деятельности и компетенций ФСФР: во-первых, ФСФР осуществляет функции лицензирования, контроля и надзора не в отношении всех коммерческих банков, а лишь в весьма специфических случаях; во-вторых, ФСФР лицензирует, не банковскую деятельность и не на банковском рынке, но — финансовую и на рынке ценных бумаг; в-третьих, соискателем лицензии выступает не собственно банк, а финансовая организация в статусе профессионального участника рынка ценных бумаг. Таким статусом может обладать не только коммерческий банк, но и другое юридическое лицо. Указанный статус может иметь не любой банк, а лишь соответствующий определенным требованиям.

ФСФР выдает профессиональным участникам рынка ценных бумаг лицензии на осуществление ими следующих видов деятельности: брокерская, дилерская, депозитарная, клиринговая, деятельность по управлению ценными бумагами, по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг, по организации торговли или собственно фондовой биржи. Кроме того, ФСФР выдает соответствующие лицензии участникам рынка коллективных инвестиций — инвестиционным и пенсионным фондам. Отсюда следует, что ФСФР действует в качестве элемента финансовой системы, как системы более высокого порядка относительно банковской. Эта служба является федеральным органом исполнительной власти по принятию нормативных правовых актов, контролю и надзору на финансовых рынках, что отражает наименование службы в сфере формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений и деятельности бирж [4]. Таким образом, ФСФР является уполномоченным государственным регулятором финансового рынка, но никак не элементом банковской системы и не органом ее управления.

Что касается бюро кредитных историй, то эти коммерческие организации создаются для предоставления участникам различных рынков услуг по формированию, обработке и хранению кредитных историй, а также по предоставлению кредитных отчетов и сопутствующих услуг [5]. Кредитные истории, в свою очередь, — это информация об исполнении заемщиком принятых на себя обязательств по договорам займа (кредита). При этом участниками кредитных отношений, то есть заемщиками и кредиторами, а также пользователями кредитных историй выступают не только банки, но и любые другие организации, предприниматели и граждане. В таком случае, БКИ — элемент не

банковской, а кредитной системы, как системы более высокого порядка, а значит, то обстоятельство, что БКИ являются объектом контроля и надзора со стороны ФСФР, также не может являться причиной включения последнего в число элементов банковской системы РФ.

По нашему мнению, оснований для отнесения ФСФР к банковской системе РФ не имеется.

Вместе с тем, мы разделяем позицию указанных выше и некоторых других авторов в отношении включения АСВ в элементный состав первого уровня банковской системы РФ, а значит и в число органов ее управления. Действительно, АСВ не только выполняет банковские операции, но и решает важнейшие государственные задачи в сфере финансов и кредита по защите интересов вкладчиков банков и осуществляет функцию стабилизации банковской системы РФ. Обе эти задачи имеют социальный характер, а их решение обеспечивает выполнение важнейших социальных функций государства. В соответствии с федеральным законодательством [6] Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» в целях обеспечения функционирования системы страхования вкладов выполняет следующие функции:

- осуществляет выплату вкладчикам банков возмещений по банковским вкладам при наступлении страхового случая наличными денежными средствами и перечислением их со вклада на счет в банке, указанный вкладчиком (то есть выполняет банковские операции);
- ведет реестр банков-участников системы страхования вкладов;
- контролирует формирование фонда страхования вкладов, в том числе за счет взносов банков;
- управляет средствами фонда страхования вкладов;
- осуществляет функции корпоративного конкурсного управляющего несостоятельных банков [7];
- осуществляет функции принудительного ликвидатора банков при отсутствии признаков банкротства.

Анализ приведенного перечня функций и указанных целей свидетельствует о следующем.

Во-первых, через АСВ реализуется одно из направлений государственной политики – в области укрепления доверия общества, социальных групп и граждан к банковской системе Российской Федерации. Представляется, что реализация указанной выше совокупности функций АСВ является одной из форм государственного управления банковской системой.

Во-вторых, АСВ наделено правом издавать обязательные для исполнения кредитными организациями нормативные акты по вопросам своей компетенции, в частности, устанавливать ставку и порядок расчета суммы страховых взносов банков. Кроме того, ряд нормативных актов должен приниматься Банком России только по согласованию с АСВ. Наконец, в соответствии с п. 6 ст. 27 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» АСВ участвует в реализации надзора за кредитными организациями, осуществляемого Банком России: служащие АСВ включаются в состав инспекционных бригад ЦБ при проведении ими проверок коммерческих банков [8]. Перечисленные компетенции образуют содержание государственного управления банковской системой с позиций АСВ.

В-третьих, несмотря на то, что АСВ не обладает пока еще достаточными властными полномочиями в отношении кредитных организаций (не может, например, самостоятельно проводить проверки и применять санкции), динамика расширения этих полномочий позволяет обоснованно предположить, что в самом ближайшем времени АСВ приобретет все необходимые признаки органа государственного управления. Сегодня в законодательных органах власти уже ведутся законопроектные работы по расширению компетенции АСВ, в частности, по вопросу наделения АСВ правом самостоятельного проведения проверок кредитных организаций.

В-четвертых, при выполнении своих функций корпоративного конкурсного управляющего при процедурах банкротства банков представители АСВ активно взаимодействуют с органами внутренних дел, судами и прокуратурой. По представлениям АСВ возбуждаются уголовные дела в отношении руководителей банков при наличии в их деятельности признаков преднамеренного банкротства, мошенничества, хищения, злоупотребления и превышения должностных полномочий. Десятки таких дел закончились обвинением в совершении уголовно наказуемого деяния и назначением судами длительных сроков отбывания наказания в тюремном заключении [9]. В течение 7 лет, прошедших с момента образования АСВ, указанные обстоятельства сформировали в банковском сообществе устойчивый образ АСВ как полномочного государственного органа, оказывающего существенное управляющее воздействие на деятельность коммерческих банков,

жестко отстаивающего интересы государства и располагающего для этого достаточными властными полномочиями. Кроме того, АСВ в своей практической деятельности — в реализации процессов финансового оздоровления банков и их банкротства — разрабатывает, согласует с государством и реализует сложные и крупные сделки, связанные с приобретением и продажей капиталов банков, их пассивов и активов, разнообразного имущества. Сторонами сделок выступают коммерческие банки и другие предпринимательские структуры, в том числе федерального значения, а также иностранные компании, Банк России, другие государственные организации и собственно АСВ. Эти особенности деятельности АСВ, их масштаб добавляют в упомянутый выше образ характеристику почти неограниченного влияния АСВ на все стороны сферы оздоровления и ликвидации банков.

В-пятых, АСВ осуществляет деятельность в высшей степени активно и на общегосударственном уровне: помимо выполнения своих прямых функций АСВ участвует в работе общественных органов управления коммерческих банков – ассоциациях и союзах, в работе различных съездов, конференций и совещаний федерального и регионального уровней, проводимых с участием представителей банков и Банка России, Правительства РФ, министерств и ведомств, а также политических партий. Представители АСВ принимают деятельное и заинтересованное участие в парламентских слушаниях и работе комитетов Государственной думы РФ, а также — в учебно-образовательном и научно-методическом процессах, происходящих в банковской среде.

В-шестых, АСВ является инструментом государственного влияния наивысшего уровня на деятельность кредитных организаций, функционируя как некоммерческая организация, действующая в организационно-правовой форме государственной корпорации. Высшим органом управления Агентства является совет директоров, в состав которого входят семь представителей Правительства Российской Федерации, пять представителей Банка России и генеральный директор агентства.

В-седьмых, АСВ осуществляет непосредственное управление банками в процессах конкурсного производства и финансового оздоровления. За время существования под управление АСВ поступило 267 банков, в том числе, в первом полугодии 2011 г. — 18 банков. В настоящее время АСВ осуществляет ликвидационные процедуры в 111 банках. В 46 банках выполнение специализированных работ (бухгалтерский учет, юридическое обеспечение и другие) осуществлялось непосредственно работниками АСВ. Совокупный балансовый объем активов кредитных организаций, находившихся под управлением агентства, в первом полугодии 2011 года, составил 420,5 млрд р. Согласно указанным отчетным данным, АСВ занималось финансовым оздоровлением 11 банков, в ходе которого агентством составлялись планы санации, осуществлялся контроль за их выполнением, обеспечивалось принятие советами директоров банков эффективных стратегических решений посредством «влияющего» участия высокопоставленных представителей АСВ в их работе [10] и др.

Таким образом, деятельность агентства, составляя содержание государственного управления банковской системой РФ, является необходимым элементом социального управления в сфере защиты интересов вкладчиков и иных кредиторов российских банков. Функции АСВ глубоко социальны и позволяют определять агентство как единый центр ответственности перед кредиторами несостоятельных банков, способствующий повышению доверия к банковской системе и институтам государственной власти. АСВ не действует ни в какой из других финансово-кредитных систем, но — лишь внутри банковской системы. Значит АСВ в качестве элемента системы относится к первому уровню банковской системы РФ и является органом ее управления.

На первом (управляющем) уровне современной банковской системы РФ располагаются ее органы управления – Банк России и Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», на втором (управляемом) – кредитные организации: коммерческие банки и небанковские кредитные организации. Отсюда следует вывод: фактический элементный состав современной банковской системы Российской Федерации и органов ее управления не соответствует таковому, закрепленному в положениях действующего Федерального законодательства РФ.

Список литературы

1. Федеральный Закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (ред. От 11.07.2011). / Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, № 6, ст. 492.
2. Тавасиев А. М.. Антикризисное управление кредитными организациями: учеб. Пособие. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. - 480 с.
3. Ефимова Л. Г. Понятие и структура банковской системы Российской Федерации // Банковское право. - М.: Юрист, 2007, № 2. - С. 36-42.
4. Официальный интернет-сайт ФСФР: <http://www.fcsf.ru/ru/about/>.

5. Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ (ред. От 11.07.2011) «О кредитных историях». Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 44.

6. Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. От 11.07.2011) «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». / Собрание законодательства РФ, 29.12.2003, № 52 (часть I), ст. 5029.

7. Федеральный закон от 20.08.2004 № 121-ФЗ (ред. От 28.04.2009) «О внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». / Собрание законодательства РФ, 23.08.2004, № 34, ст. 3536.

8. Указание Банка России от 13.01.2005 № 1542-У (ред. От 30.07.2009) «Об особенностях проведения проверок банков с участием служащих государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (зарегистрировано в Минюсте РФ 28.01.2005 № 6285). / Вестник Банка России, № 7, 09.02.2005.

9. «Информация о привлечении к гражданско-правовой и уголовной ответственности должностных лиц кредитных организаций, признанных несостоятельными (банкротами)». Официальный интернет-сайт АСВ: <http://www.asv.org.ru/liquidation/liability/>.

10. «Пресса об агентстве», «Отчеты о деятельности», «Выступления руководителей». Официальный интернет-сайт АСВ: <http://www.asv.org.ru/agency/>.

Сведения об авторе

Зобнин Юрий Александрович, старший преподаватель кафедры «Математические методы в экономике», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел.: 89199447435

Zobnin Yu. A., senior lecturer of the chair «Mathematical Methods in Economics», Tyumen State Oil and gas University, phone: 89199447435

УДК 327/341.24

ДИСГАРМОНИИ В БИЗНЕС-ИНТЕРАКЦИЯХ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ DISHARMONIES IN BUSINESS INTERACTIONS IN THE RUSSIAN-GERMAN PIPELINE-BOUND ENERGY SECTOR

В. Фау, Т. А. Кулгемайер, Н. А. Голубничий

W. Pfau, T. A. Kulgemeyer, N. A. Golubnichiy

Ключевые слова: управленческие решения, кросс-культурные коммуникации, международный бизнес, нефтегазовая отрасль России и Германии

Key words: decision making, cross-cultural communications, international business, Russian-German pipeline-bound energy sector

Определяются причины дисгармоний в бизнес-взаимодействии в нефтегазовом секторе России и Германии. Формулируется международная технологическая цепочка российско-германского нефтегазового сектора, определяются важные пункты взаимодействия между российскими и германскими корпорациями. Показано, что разница в культуре является косвенной причиной разногласий. Прямыми причинами являются несоответствия в процессах принятия корпоративных решений, которые подвержены культурным влияниям. Даны рекомендации для дальнейших исследований в этой области.

The goal of this article is to identify causes for disharmonies in business interactions in the Russian-German pipeline-bound energy sector. The international value chain of today's pipeline-bound energy sector will be formulated and critical interactions points between Russian and German corporations will be identified. It will be shown, that difference in culture is an indirect cause for disharmonies. Direct causes are incompatibilities in corporate decision-making-processes (DMP), which are, however, subject to cultural influences. The paper will conclude with recommendations for further research in this field.

The current situation of the Russian-German pipeline-bound energy market

Over the last decades, Russian and German businesses have grown more and more interconnected. The most prominent area where this situation can be observed is the pipeline-bound energy sector. More than a third of Germany's oil and natural gas consumption is supplied by Russia and this trend is rising [1]. In both countries, companies are active in up-, mid- and downstream activities and have formed many cooperative ties [2]. Also, many third-country actors are involved in the delivery of Russian gas to Germany, mostly performing mid-stream activities, s. a. transportation and storage [2]. The interaction between companies in this industry becomes more intense and business partnerships are getting more important.

Examples for Russian-German cooperation in the pipeline-bound energy sector are long-term supply contracts, joined-ventures and operator-contractor relationships in exploration and production (E&P) activities. Such business interactions are often prone to disharmonies, which hinder a cooperation to live up to its full potential. Since the Russian and German industries are becoming more entwined, these disharmonies are having an increasingly strong effect. In order to counteract the impact of this development it is necessary to gain an understanding of the underlying causes.

Therefore, the goal of this article is to identify causes for disharmonies in business interactions in the Russian-German pipeline-bound energy sector. To reach this goal, the first step is to systematically describe the activities of the industry and to identify critical business connections. Along these interactions, possible causes for disharmonies will be investigated. Their dynamics will, in turn, be presented in an interaction model that will help to identify potential complications in real life examples. The paper will conclude with recommendations for further research in this field.

The value chain of the pipeline-bound energy sector

The framework for the investigation will be the entire Russian-German pipeline-bound energy sector. The focus will be on companies that are actively involved in the supply chain of oil and natural gas and that have at least one form of business relationship with a company from the other country. Before causes of disharmonies can be found, it is necessary to clearly define the structure of the industry, the actors involved and thereby the types of business interaction.

Figure 1. Value chain of oil-gas industry

For the purpose of this study, the value chain of the pipeline-bound energy sector is defined as shown in figure 1. It describes the activities of the industry in a traditional way, starting with the exploration & production (E&P) phase and finishing with consumption. These phases represent a common structure by which German and Russian energy providers are often organized. It will help to emphasize business connections between activities in the industry.

In the pipeline-bound energy sector, activities are highly interconnected. For this reason, companies are often vertical integrated and frequently state-controlled. In Russia, examples s. a. Gazprom, Lukoil, Rosneft and Transneft show, that the sector is still strongly regulated and defined by very few players. In the European Union the degree of regulation is also very high. However, a major difference is that the government actively tries to dissemble monopolistic structures and to create a competitive environment. An example for this is the “Gas Directive” of the European Commission (EC), enforcing laws that prevent the operation of energy grids and the trading of energy by the same organization [3]. The objects of this study will be interactions between businesses that are active in different stages of the value chain, as well as interactions between companies that are performing similar activities. Interaction of the later kind can for instance be research agreements or jointed ventures.

Figure 2 shows many examples of business interactions along the value chain. The figure depicts completely national value chains (see top and bottom row), as well as international value chains, where the product moves across borders. Next to the regional specification (national vs. international interaction), there is a second dimension by which business interactions differ. It regards the competitive specification (cooperative activities vs. buyer-seller relationships). It can be assumed, that depending on the specification of an individual connection, the sources of disharmony differ.

The focus of this study will be on investigating international business interactions as highlighted in figure 2. These interactions are the most likely places where disharmony between companies may occur.

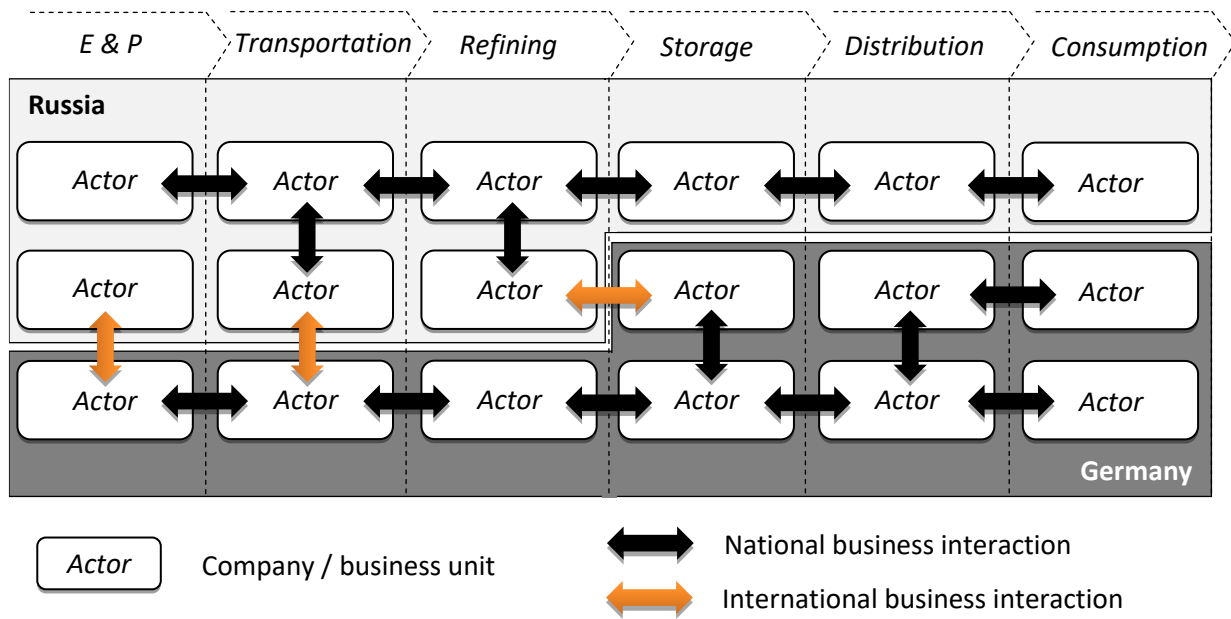

Figure 2. Interfaces along the German-Russian Oil and Natural Gas Value Chain

Sources of disharmonies in business interactions

To find potential causes of disharmonies in business interactions in the German-Russian pipeline-bound energy sector, a number of expert interviews have been conducted. The interview partners were industry-representatives of the German and the Russian energy sector as well as the academic community of both countries.

The initial hypothesis for explaining disharmonies in business relationships has been that differences in culture were directly responsible. However, interviews have shown that cultural differences by themselves do not cause disharmonies. In most situations it was experienced that the cause lies with companies' decision making process (DMP). However, the cultural environment still plays a significant role, since it shapes the DMP to a large degree. The dynamic between culture, DMP and disharmonies is shown in figure 3. As a consequence, an analysis of business interactions needs to consist not only of cultural data, but also of the intricacies of the decision making processes of the companies involved.

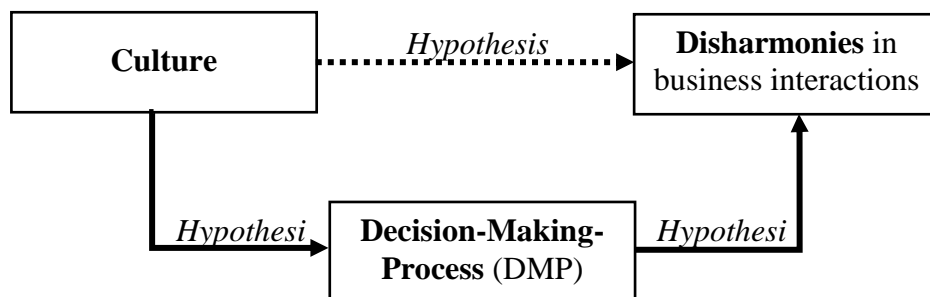

Figure 3. Causes of disharmonies in business interactions

The influence of culture on a company's decision making process (DMP) comes primarily from the people involved – people who are shaped by their cultural environment. When describing the cultural background of an individual, there are several aspects that need to be considered. Among these, there are national and corporate influences as well as the professional background, which shapes the person's way of thinking and its behavior [4]. Culture further influences the DMP by influencing other key factors, s. a. communica-

tion channels, an organization's hierarchy and the interpretation of information. All factors taken together shape the DM and thereby the area where disharmonies can occur.

Visualization of business interactions

In order to understand the relationship between culture, the DMP and disharmonies in business interactions, all these factors need to be investigated in accordance with each other. Figure 4 shows an example of how to visualize such an analysis. The companies displayed in this example, have been chosen in order to show how different the structure of DMP can be in two organizations.

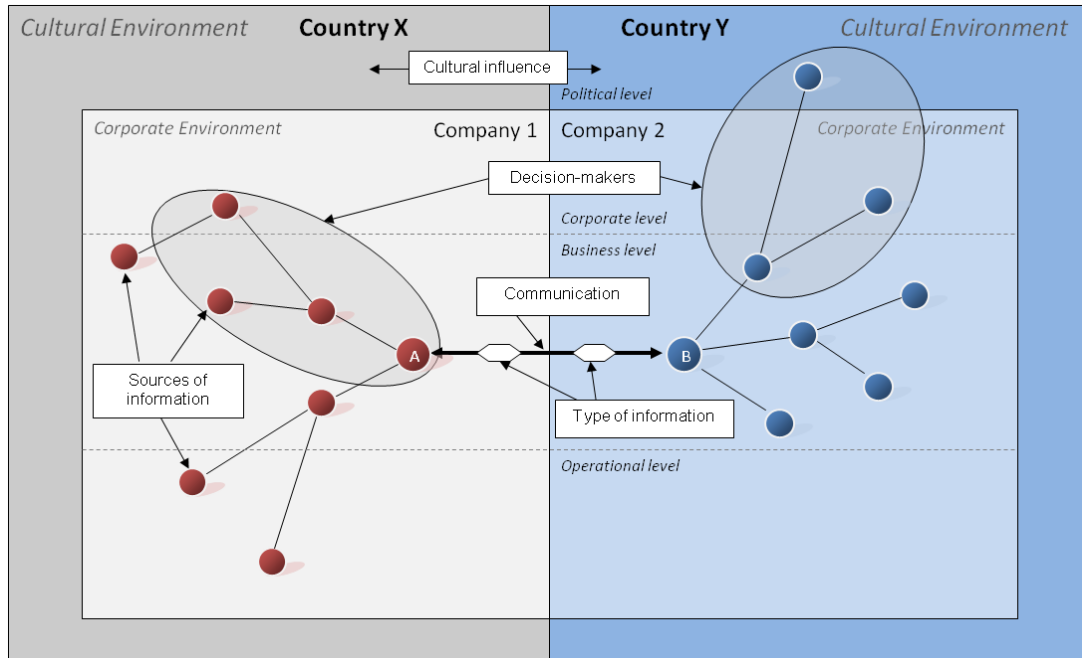

Figure 4. Visualization of the business interaction between two organizations

The Decision Making Process (DMP) in business interaction consists of a number of elements. First, there are the people who are directly involved with the other company. In figure 4, they are described as “A” and “B.” Each circle may represent a single individual or a group of people. The second element consists of additional people involved in the DMP. They can be divided into two groups, one with decision making power and one without. While the former actually makes the decision in the end, the contribution of the later is primarily information. The decision making power might lie with a single individual or with a group of managers. In the example of company 1, decisions are made by one manager of the corporate level plus a number of managers on the business level. The person involved in the direct negotiation (“A”), does also have decision making power. For company 2, decision makers also include a representative of the political level. Such a situation can be observed in some state-owned organizations.

Information contributors serve a number of functions. Depending on the position and background of the person, they can give legal advice, explain technical or managerial details or simply have experience with the cooperation partner and help to facilitate the joined decision making process. Decision makers also serve as information contributors.

The third factor of the DMP is communication. In figure 4, every line that connects two sources of information represents a communication channel. The structure of internal communication in a company is highly important to the DMP, since it directly influences the kind of information that is included when a decision is made. In case a company has a tall hierarchy structure with many constrictions on communication, relevant information might not be included in the DMP, resulting in a suboptimal outcome. A similar argument holds for external communication, where the quality of a joined decision depends on the information that is shared between the companies.

The DMP of both companies is subject to their environment. Each DMP is influenced by its corporate environment, which in turn is influenced by its nation's cultural environment. How strongly

this influence shapes the DMP and thereby indirectly causes disharmonies, can be investigated by applying this papers research model to case study analysis of real life business interactions.

Summery

The findings of this paper can be summarized as follows. Disharmonies in business interactions in the pipeline-bound energy sector are not directly caused by differences in the actors' culture environment. The origin of most disharmonies is centered in an inability to coordinate decision making processes (DMP). However, since the decision making processes are shaped by the cultural environment, culture still has a significant *indirect* impact on the occurrence of disharmonies. In order to understand the dynamics of culture and DMP, both factors need to be investigated in detail. This means to distinguish between national, corporate and professional culture and review their effects on the DMP, specifically decision making power allocation, communication channels and information.

In order to conduct such an investigation, this paper proposes a multiple case study approach. Specific business interactions should be selected based on their regional dimension and the type of interaction (see figure 2). By encompassing interactions between businesses of the same country as well as different countries, the effect of national culture can be analyzed. Corporate culture's effect can be investigated by choosing companies with similar corporate cultures as well as companies where corporate culture strongly differs. The effect of both kinds of culture can be understood by reviewing the DMP in the companies involved and compare it to the cultural data gathered. For this purpose, a visualization s. a. in figure 4 is recommended.

Literature

1. AG Energiebilanzen (2011); *Jahresbericht 2011*
2. International Energy Agency (2012); www.iea.org
3. Council and Parliament Directive (EC) 2009/73EC of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC
4. G. Hofstede (2010); *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, 3rd Edition, McGraw-Hill

Сведения об авторах

Фау В., доктор, профессор, Институт менеджмента и экономики, Технический университет Клаусталь, Германия, тел.: +495323727624

Кулгемайер Т. А., докторант Института менеджмента и экономики, Технический университет Клаусталь, Германия, тел. +495323727624

Голубничий Н. А., к.э.н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления ТюмГНГУ, e-mail: golubnichiy@hotmail.com, тел.: (3452)28456

Prof. Dr. Pfau, TU Clauchthal, Institute of Management and Economics, Germany, Phone: +495323727624

Till A. Kulgemeyer, TU Clauchthal, Institute of Management and Economics, Phone: +495323727624

Golubnichiy N. A., Candidate of Sciences in Economics, associate professor of the Department of marketing and municipal management, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)208456, e-mail: golubnichiy@hotmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 332.1

ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

TOOLS OF THE REGIONAL ECONOMIC POLICY IMPLEMENTATION

А. А. Зюбин

A. A. Zyubin

Ключевые слова: региональная политика, инструменты реализации региональной экономической политики, экономика региона

Key words: regional policy, tools of implementing the regional economic policy, the region economy

Представлена системная характеристика применяемого инструментария реализации региональной экономической политики, рассмотрены тенденции его дальнейшего развития в условиях осуществления политики «поляризованного развития».

A system description is presented of the tools applied for realizing the regional economic policy and

the tendencies are considered related to the tools' further development in the conditions of implementation of the «polarized development policy».

Необходимость достижения устойчивого экономического и социального развития регионов представляется одной из важнейших задач в ходе обеспечения конкурентоспособности экономики России на мировом рынке.

Исходя из результатов анализа деятельности органов государственной власти РФ в сфере управления региональным развитием, следует отметить, что в настоящее время региональная политика, как особый вид государственной экономической политики, направленный на госрегулирование территориального развития, определяется следующими базовыми тенденциями:

- общей логикой реформирования, основанной на рыночных принципах российской экономики;
- последовательным проведением институциональных и структурных преобразований;
- дальнейшей либерализацией хозяйственной деятельности и снижением налоговой нагрузки на товаропроизводителей;
- поддержкой и развитием механизмов государственно-частного партнерства;
- созданием благоприятной административно-правовой среды для малого бизнеса;
- поддержкой инновационных секторов экономики;
- урегулированием и развитием системы межбюджетных отношений.

Вместе с тем, несмотря на актуальность и своевременность деятельности федеральных органов государственной власти, гарантий автоматического достижения целей устойчивого социально-экономического развития регионов (в результате их реализации) нет, что объясняется значительной спецификой и дифференциацией субъектов РФ. Именно поэтому, одним из перспективных направлений деятельности региональных властей является совершенствование и разработка эффективного инструментария реализации социально-экономической политики на уровне субъекта Федерации, учитывающего особенности его территориального устройства и географического размещения, природно-климатические условия, ресурсный потенциал, уровень социально-экономического развития и т.д.

Реализация региональной экономической политики, представляющая планомерный процесс использования органами государственной власти и институтами гражданского общества имеющихся в их распоряжении ресурсов для достижения поставленных целей, осуществляется, на наш взгляд, достаточно большим количеством участников – отдельными индивидами (представителями органов государственной власти и населения региона), государственными институтами, политическими и общественными организациями, финансовыми структурами. Однако для целей данного исследования в качестве основных субъектов реализации региональной экономической политики рассматриваются исключительно органы государственной власти. Выбор органами государственной власти системы инструментов и методов для достижения устойчивого территориального развития государства осуществляется на этапе разработки региональной экономической политики и обусловлен уровнем развития субъектов Федерации, целями регионального управления, имеющимися ресурсами, а также наличием у органов государственной власти полномочий по регулированию регионального развития.

Справедливо отметить, что возможности субъектов Федерации в ходе реализации региональной политики, в том числе экономической, не безграничны – существует определенное количество объективных ограничений деятельности региональных властей. Одним из таких ограничений является действующее законодательство, определяющее, среди прочего, полномочия по регулированию развития экономики регионов. Так, в частности, Конституцией РФ ст.71–73 определяются полномочия Российской Федерации, пределы совместного ведения, полномочия субъектов РФ [1].

Конкретизация полномочий регионов содержится в ряде законодательных актов, в том числе в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Единые правила регулирования экономической деятельности на всей территории страны определяет

федеральное законодательство. Органы власти региона в соответствии с предоставленными им полномочиями имеют право принимать собственные нормативные акты, которые не должны противоречить нормативным актам федерального уровня. Органы власти регионов по сложившейся практике несут ответственность за общее состояние экономики и социальной сферы на соответствующих территориях [2].

Однако в совокупности с полномочиями РФ и единстве принципов их реализации возможности региональных властей по управлению экономически развитием субъектов Федерации представляют достаточно серьезную силу.

На данный момент основные механизмы управления региональным развитием на уровне федеральных органов власти следующие:

- генеральная схема пространственного развития страны;
- механизм правовой поддержки развития регионов (в основном, создана нормативно-правовая база для осуществления региональной политики: полномочия между различными уровнями власти в целом разграничены, упорядочено бюджетное устройство и сформированы главные принципы межбюджетных отношений, закреплены правовые основы осуществления территориального планирования, сформированы механизмы стимулирования эффективной деятельности органов государственной власти субъектов РФ [3]);

- информационная поддержка регионального развития (функционирует система федерального мониторинга, разработаны региональные социально-экономические показатели для оценки уровня развития регионов);

- система организационно-финансовой поддержки реализации региональной политики (сформирована, функционирует Межведомственная комиссия при Министерстве регионального развития РФ, разработаны и реализуются федеральные целевые программы, прямая (трансферты, предоставление региональных налоговых и иных льгот) и косвенная (государственная поддержка), а также инвестиционное стимулирование регионального развития.

Как отмечено в Проекте Концепции совершенствования региональной политики в РФ на период до 2020 года [3], важнейшим инструментом влияния на социально-экономическое развитие субъектов РФ является размещение и развитие на их территориях федеральной производственной, социальной, транспортной, общественной и таможенно-логистической инфраструктуры. Однако в настоящее время применение данного инструмента не позволяет достичь должного эффекта, прежде всего, в силу отсутствия целостной системы стратегического планирования.

Для региональных органов государственной власти характерно применение таких инструментов осуществления региональной экономической политики как разработка и реализация региональных целевых программ, а также прогнозирование, анализ действующих программ, мониторинг реализуемых проектов.

В Уральском федеральном округе (для всех субъектов Федерации, входящих в его состав) на период до 2020 года запланировано по четырем блокам 81 мероприятие, направленное на социально-экономическое развитие округа [4]. В частности, в блоке «Мероприятия, направленные на создание условий для эффективного развития экономики» выделены следующие:

- 4 мероприятия по составлению прогнозов (баланс трудовых ресурсов), анализу действующих региональных программ и состоянию отдельных отраслей, мониторингу инвестиционных проектов;

- 15 мероприятий, направленных на разработку региональных программ, подготовку предложений, разработку комплекса мер по определенным направлениям деятельности (по улучшению инвестиционного климата, развитие отдельных отраслей и видов деятельности, стимулирование развития и внедрения инноваций и т.д.);

- мероприятие по разработке схем территориального планирования субъектов РФ;

- 2 мероприятия, направленные на совершенствование деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации.

В Тюменской области ежегодно реализуется около 30 региональных программ различного назначения [2]. К наиболее крупным региональным программам экономической направленности, реализованным в 2011 году, отнесены программы в сфере развития жилищного строительства, ЖКХ, малого предпринимательства, АПК, лесного комплекса, программа содействия занятости населения, градостроительной и жилищной политики.

Также реализация региональной экономической политики субъектами РФ предусматривает возможности применения инструментов в сфере фискальной (фискально-бюджетной) политики —

предоставление льгот по налогам на прибыль организаций, на имущество организаций, транспортному налогу; установление порядка пользования земельными участками или приобретения в собственность земельных участков и т.д.; в сфере монетарной (кредитно-денежной) политики — предоставление гарантий возврата кредитов, получаемых хозяйствующими субъектами в коммерческих банках; стабилизация/регулирование уровня региональных цен (например, в сфере пригородных и междугородних перевозок пассажиров автобусами, реализации природного и сжиженного газа населению, прочие) и т.п. Учитывая недостаточную эффективность реализуемого подхода к управлению территориальным развитием на основе политики «бюджетного выравнивания», в настоящее время в России наблюдаются тенденции к переориентации на политику «поляризованного развития» [5], предполагающую концентрацию усилий и ресурсов на территориях – «точках/полюсах роста», которые принесут региону, а следовательно, и государству максимальную отдачу.

Одним из востребованных инструментов реализации региональной экономической политики останутся целевые программы. Однако основными сферами воздействия данных программ должны стать стимулирование инновационной и инвестиционной активности населения, развитие и применение механизмов государственно-частного партнерства, межтерриториальную/межрегиональную интеграцию. Перспективными, на наш взгляд, в ближайшее время могут стать программы формирования стыковых зон в местах границ региона с соседними субъектами Федерации/странами СНГ. Кроме того, учитывая определенные в Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов РФ принципы «синхронизации действий» и «субсидиарности», ожидается повышение уровня согласованности проводимых основных реформ, а также децентрализация отдельных властных полномочий при реализации региональной экономической политики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, www.constitution.ru
2. А. Н. Янин. Проблемы модернизации экономики энергосырьевого региона (Тюменской области): монография. - Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 156 с.
3. Проект Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года, www.minregion.ru
4. План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года, www.minregion.ru
5. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, <http://archive.minregion.ru>

Сведения об авторе

Зюбин Александр Александрович, аспирант кафедры менеджмента в отраслях ТЭК, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел.: 8(3452)416369, e-mail: mtec@tsogu.ru

Zjubin A. A., postgraduate student of the Management in Fuel and Energy Complex Department, Tyumen State Oil and Gas University, tel.: +7(3452)416369, e-mail: mtec@tsogu.ru

УДК 622.279.23/4.00

**УЧЕТ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ ПРИ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОСВОЕНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДОВ**
INTEGRATING MACROECONOMIC RISKS FOR THE EVALUATION OF HYDROCARBON
DEPOSIT DEVELOPMENT

П. А. Кот
P. A. Kot

Ключевые слова: эффективность, модель, месторождение, оценка
Key words: effectiveness of the model, the field, the assessment

Работа посвящена нахождению функции распределения динамики цены 1 барреля нефти марки BRENT и определению зависимости валютного курса рубль/доллар США от величины этих цен. Показана возможность проведения количественной оценки риска убыточности проекта освоения месторождения углеводородов, меры его влияния на показатели эффективности проекта.

The present work is devoted to finding a distribution function of the Brent crude oil price changes and identifying the link between the Ruble/USD exchange rate and crude oil prices. The results obtained make it possible to perform a quantitative loss risk assessment for hydrocarbon development projects, and measure risk impacts on project performance.

Необходимость совершенствования системы управления нефтегазодобывающим сектором экономики обуславливается возрастающей сложностью задач, стоящих перед менеджментом компаний, ведущих освоение нефтяных и газовых месторождений. Это вызвано, во-первых, непрерывным расширением географии добычи углеводородного сырья в сторону территорий с неразвитой инфраструктурой и слабой геологической изученностью, во-вторых, отсутствием ценовой стабильности на международных рынках нефти и газа, усугубляемой высокой волатильностью курса доллара США. В этой связи органы управления компаний, формирующие рациональную стратегию освоения месторождений нефти и газа, сталкиваются с большими трудностями в процессе принятия решения из-за отсутствия достоверной информации о геологических характеристиках объектов и финансовом состоянии рынка.

Используемые в настоящее время для этой цели детерминированные модели позволяют оценить эффективность капитальных вложений, необходимых для освоения объектов, однако, совершенно не пригодны для количественной оценки возникающих при этом рисков. Необходимо ввести в эти модели стохастические элементы. Существует огромное количество работ, в которых авторы тем или иным образом пытаются количественно подсчитать влияние неопределенности используемой информации на конечные финансовые результаты проекта. Эти методы можно разделить на две группы. Методы первой группы предусматривают увеличение коэффициента дисконтирования на предполагаемую величину риска, что снижает величину показателей эффективности проекта (например, NPV). Недостаток такого подхода очевиден — невозможно корректно обосновать величину риска.

Методы второй группы используют гипотезу о случайном характере параметров проекта, интересующих исследователя. Задаваясь функциями распределения этих параметров, можно провести большое количество испытаний проекта. Под испытанием подразумевается расчет проекта освоения месторождения нефти (газа), в котором набор, значений вышеупомянутых параметров с помощью функций распределения задается случайным образом, например, методом Монте-Карло. Отношение числа испытаний, в результате которых проект становится убыточным, к их общему числу представляет риск убыточности проекта в случае его реализации.

Возникают определенные трудности при обосновании гипотезы, что тот или иной параметр является случайной величиной, а также в процессе построения соответствующей ему функции распределения.

Значения геологических характеристик месторождения (крупность, глубина залегания и даже в какой-то мере дебит добывающей скважины) обычно трактуются как случайные величины, вычисленные с погрешностью. Отсюда следует, что они должны обладать нормальными функциями распределения. Плотность вероятности нормального распределения случайной величины x представляет собой симметричную колоколообразную кривую и описывается формулой

$$f(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}\sigma} e^{-(x-a)^2/2\sigma^2}, \quad (1)$$

где a — точка максимума и одновременно центр симметрии, σ — расстояние от этого центра до точки перегиба.

Что касается поведения мировых цен на энергоносители и валютного курса рубль/доллар США, то необходимо проведение отдельных исследований, подтверждающих или опровергающих гипотезу нормального распределения этих величин.

В настоящей работе предпринята попытка построить функции распределения динамики цены 1 барреля нефти марки BRENT-Z и выявить зависимость валютного курса рубль/доллар США-D от

величины этих цен. На основании полученных результатов возможно проведение количественной оценки риска убыточности проекта освоения нефтяного месторождения и меры его влияния на показатели эффективности проекта.

Для построения вышеупомянутой функции распределения провели анализ значений среднесуточных цен 1 т нефти марки BRENT за 25 лет (с 1988 по 2012 гг.), опубликованных Американским энергетическим информационным агентством. Результаты анализа подтверждают случайный характер значений показателя Z . Что касается годовых функций распределения, то за редким исключением $f(Z)$ почти идеально соответствуют плотности вероятности нормального распределения случайной величины Z . В таблице приведены соотношения параметров σ/a этих функций.

Параметры функций плотности вероятности случайной величины Z

Год	σ/a	Год	σ/a	Год	σ/a
1988	0,103	1996	0,091	2004	0,114
1989	0,078	1997	0,064	2005	0,086
1991	0,070	1998	0,122	2006	0,062
1992	0,064	2000	0,099	2007	0,080
1993	0,070	2001	0,092	2010	0,062
1994	0,076	2002	0,070	2011	0,045
1995	0,053	2003	0,079	2012	0,045

В 1990, 1999, 2008 и 2009 гг. плотность вероятности близка к равномерному распределению.

Величина параметра σ определяет вид кривой $f(x)$. Если его значение мало, то кривая высокая и заостренная, если велико, то она широкая и плоская. В нашем случае это означает, что с ростом σ при достаточно большом числе испытаний, все чаще будут выпадать низкие значения Z . Если оценивать риск убыточности того или иного проекта методом Монте-Карло, то с ростом σ он также будет расти.

Максимальное значение отношения (см.таблицу) $\sigma/a = 0,122$. Используя эту величину для построения функции распределения $f(Z)$, мы получим верхнюю оценку риска убыточности рассматриваемого проекта вследствие колебания мировых цен на нефть.

Перейдем к выявлению связи между значениями валютного курса доллара США-D и ценами на нефть марки BRENT-Z. Для этой цели рассматривались суточные значения D и Z на протяжении последних четырех лет. Совокупность значений множеств D и Z изображена на рисунке.

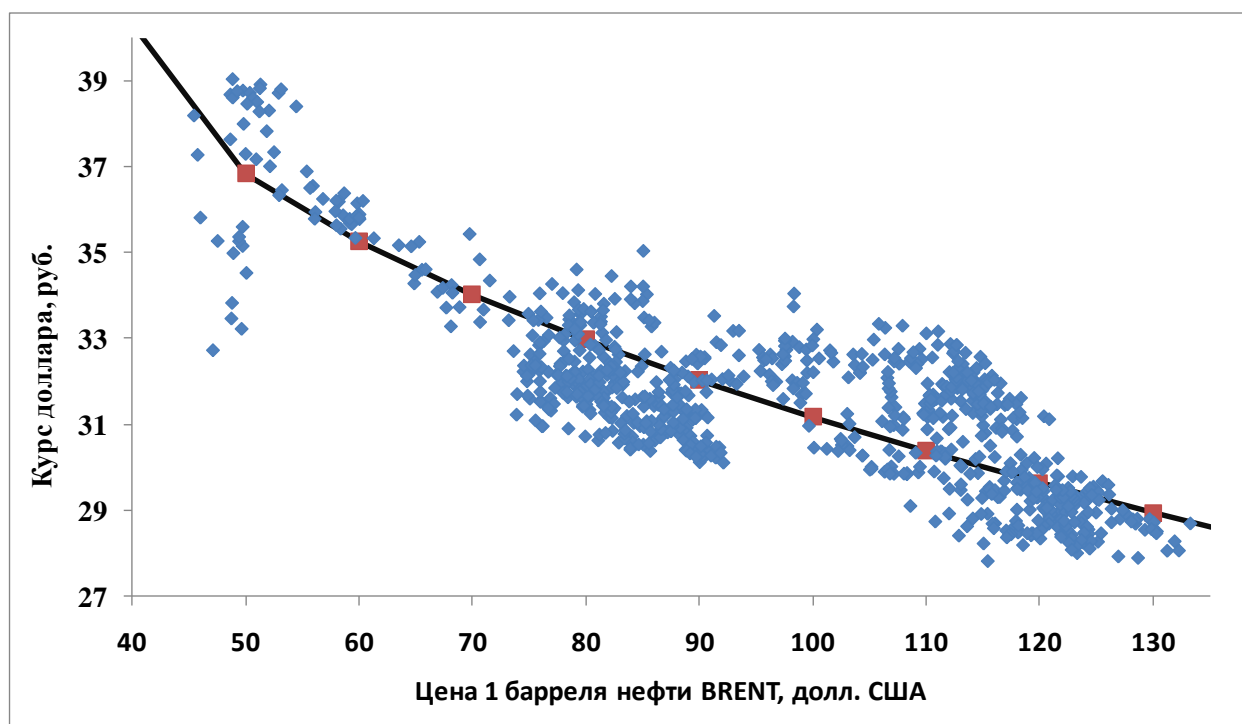

Рисунок. Зависимость курса доллара от мировых цен на нефть марки BRENT

При этом одновременные величины рубля и доллара приводились к 2012 году с помощью соответствующих коэффициентов инфляции, используемых в Энергетическом прогнозе России, выполненном Минэкономразвития.

Функциональный характер зависимости $D(Z)$ сомнений не вызывает. Сплошной линией изображен вид кривой $D(Z)$, построенный методом наименьших квадратов. Ее формула имеет вид

$$D = 40,3 - (Z - 40)^{0,54}, \quad 40 \leq Z \leq 135 \cdot \quad (2)$$

Полученные результаты можно использовать в процессе расчета рационального варианта освоения конкретного объекта и определить величину риска убыточности проекта методом Монте-Карло в случае его реализации. Для этой цели особенно удобны агрегированные модели нефтяных и газовых месторождений.

Сведения об авторе

Кот Павел Анатольевич, директор департамента корпоративных финансов ЗАО «Инвестгеосервис», Москва, тел.: +7 (495) 2800263, e-mail: Kot@ingeos.ru

Kot P. A., Director of Corporate Finance of CJSC «InvestGeoService», Moscow, phone: +7 (495) 2800263, e-mail: Kot@ingeos.ru

УДК 378 (075.8):334,65:622

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ИННОВАЦИЙ В НЕФТЕХИМИИ THE ESSENCE AND TYPES OF INNOVATIONS IN PETROCHEMISTRY

О. В. Ленкова, М. Л. Антонов

O. V. Lenkova, M. L. Antonov

Ключевые слова: инновация, нефтехимия, универсальные и специфические инновации, особенности и направления развития нефтехимической отрасли
Key words: innovation, petrochemistry, universal and specific innovations, features and directions of development of petrochemical branch

Приводятся результаты систематизации различных определений понятия «инновация», интегрированные с особенностями функционирования отраслевых субъектов хозяйствования и перспективами развития нефтехимической отрасли. На основе данной интеграции дается авторское определение термина «инновация в нефтехимии». Обосновывается целесообразность разделения инноваций в нефтехимии на две группы: универсальные и специфические. Предлагается классификация инноваций в рамках данных групп с приведением конкретных программных мер.

The results of classification of various definitions of the concept «innovation» integrated with specific features of the branch management subjects functioning and the prospects of petrochemical branch development are presented. Based on the given integration the author's definition of the term «innovation in petrochemistry» is proposed. The expediency of division of innovations in petrochemistry into two groups, universal and specific, is proved. Classification of innovations within the given groups with offering specific program measures is proposed.

В экономической литературе в настоящее время существует множество определений понятия «инновация». Систематизируя различные толкования данного термина, можно говорить о том, что «новшество» является конкретным результатом научных исследований и разработок в виде новой продукции, техники, технологии, информации, методики и т.д. В свою очередь, инновация представляет процесс внедрения новшества для изменения объекта управления и получения научно-технического, экономического и социального эффекта [1].

Интегрируя существующие дефиниции понятия «инновация» и особенности отрасли, учитывая основные направления отраслевого развития, можно дать следующую формулировку понятия инновации в нефтехимии (рис.1).

Разнообразие специфических условий, в том числе экономических, организационных и других в инновационной деятельности приводит к тому, что несмотря на общность предмета инноваций, каждое ее внедрение обладает уникальностью. Вместе с тем существует множество классификаций инноваций и субъектов инновационной деятельности. Так, выделяют радикальные и усовершенствующие (модифицирующие) инновации, различия между которыми выражают качественные различия в уровне новизны соответствующих новшеств и указывают на зависимость вторых от первых: радикальные инновации служат базой для последующих усовершенствований.

В зависимости от технологических параметров инновации подразделяются на продуктовые и процессные. Продуктовые инновации включают применение новых материалов, новых полуфабрикатов и комплектующих; получение принципиально новых продуктов. Процессные инновации означают новые методы организации производства (новые технологии) [2].

Инновации в нефтехимической промышленности, в большинстве своем, обоснованы продуктовой ориентацией предприятий. Следовательно, виды инновационного развития в нефтегазохимии определяются тем сегментом, в котором осуществляет свою деятельность конкретная компания. Проведенный анализ практики реализации инновационных решений в нефтехимической отрасли, подтверждают, что процессы нововведений в данной сфере многообразны и различны по характеру.

Рис. 1. Понятие «инновация в нефтехимии»

Анализ инновационной активности предприятий позволяет сделать вывод о том, что виды инноваций в нефтехимии можно разделить на две большие группы. К первой группе можно отнести инноваций отраслевой направленности (специфические), а ко второй - универсальные. Специфические инновации непосредственно связаны с особенностями осуществляемых на предприятиях нефтехимической отрасли технологических процессов и вырабатываемых продуктов. В эту же группу можно отнести инновации, обусловленные высокими требованиями к экологической составляющей основных производственных процессов. В портфеле инновационных решений нефтехимических компаний большую долю занимают инновации именно этого вида.

Активно развивающийся рынок мировой и отечественной нефтехимии мотивирует компании, действующие в данном секторе, к более эффективной организации управленческой деятельности. В связи с этим, нефтехимические предприятия разрабатывают и внедряют также и универсальные инновации, затрагивающие вопросы усовершенствования общего управления организацией, основные аспекты реализации программ промышленной безопасности, а также выработку и осуществление конкретных мер в области энергосбережения. В общем виде предлагаемая классификация инноваций в нефтехимической промышленности представлена на рисунке 2.

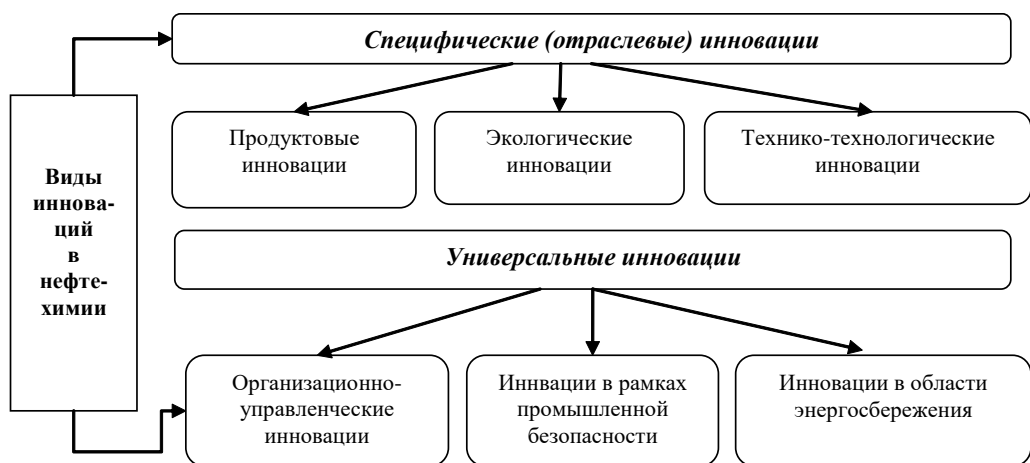

Рис. 2. Виды инноваций в нефтехимии

Детальный анализ осуществляемых в настоящее время инновационных программ развития в области нефтехимии дал возможность подкрепить предлагаемую классификацию конкретными примерами и сформировать комплекс возможных мер в рамках каждого направления (рис. 3).

Рис. 3. Классификация инноваций в нефтехимической отрасли

Таким образом, для повышения обоснованности отбора, соответствующего теоретико-методического инструментария в области формирования программ инновационного развития нефтехимических предприятий, авторами предпринята попытка адаптировать существующий терминологический аппарат к условиям и специфике функционирования обозначенных субъектов хозяйствования. Рекомендуемая классификация видов инноваций в нефтехимии впоследствии может быть весьма интересной при рассмотрении ее во взаимосвязи с возможностями диагностики состояния организаций и выявлении приоритетных направлений инновационных трансформаций.

Список литературы

1. Андреев А. Ф., Синельников А. А. Управление инновационными процессами на предприятиях нефтегазового комплекса: Учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 244 с.

2. Сурин А. В., Молчанова О.П. Инновационный менеджмент: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 368 с. – (Учебники факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова).

Сведения об авторах

Ленкова Ольга Викторовна, к.э.н., доцент кафедры менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел.: 8(3452)416369, e-mail: olga_lenkova@mail.ru

Антонов Михаил Леонидович, первый заместитель начальника Главного управления ОАО «ЛУКОЙЛ», тел.:89088734455

Lenkova O. V., Candidate of Economic Sciences, associate professor of the chair «Management in the fuel and energy sector branches», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416369, e-mail: olga_lenkova@mail.ru

Antonov M. L., First Deputy Chief of the OJSC «LUKOIL», phone: 89088734455

УДК 338.2:338.012

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОЁМКОСТИ ВИДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА» THE ECONOMETRIC MODELING OF THE ELECTRIC INTENSITY OF THE COMPANY «MANUFACTURING ACTIVITIES»

А. В. Орлов

A. V. Orlov

Ключевые слова: эконометрическое моделирование, электроёмкость, обрабатывающие производства, корреляционно-регрессионный анализ
Key words: econometric modeling, electric intensity, manufacturing activity, correlation-regression analysis

Представлено эконометрическое моделирование электроёмкости ВЭД «Обрабатывающие производства» с применением корреляционно-регрессионного анализа. Выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование электроёмкости.

In this article the econometric modeling of electric intensity of the company «Manufacturing activities» using the correlation-regression analysis is considered. The factors exerting the greatest impact on electric intensity generation are revealed.

Высокая электроёмкость российской экономики дорого обходится стране с точки зрения обеспечения энергетической безопасности, доходной части государственного бюджета, конкурентоспособности промышленности, здоровья населения и охраны окружающей среды, но в то же время предоставляет значительные возможности для экономии.

Повышение энергоэффективности снизит риски и затраты, связанные с высокой энергоёмкостью российской экономики, позволив России:

- повысить энергетическую безопасность;
- стимулировать стабильное экономическое развитие, в частности повысить конкурентоспособность промышленности, получить дополнительные доходы от экспорта нефти и газа и высвободить бюджетные ресурсы;
- улучшить экологическую обстановку [1].

Специфика повышения энергоэффективности в отдельных секторах экономики (организация управления и принятия решений, степень и возможности регулирования, структура и схожесть технических и институциональных решений) предопределила необходимость выделения секторальных направлений по реализации программных мероприятий по повышению энергоэффективности и снижению энергоёмкости.

В структуре электропотребления на долю обрабатывающих производств приходится 30,9% от общего потребления электроэнергии (рис. 1).

В секторе «Обрабатывающие производства» в 2010 г. (после глубокого падения производства и электропотребления в 2009 г.) произошло частичное восстановление. Динамика обрабатывающих производств и их электропотребление приведены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика обрабатывающих производств и их электропотребление, % к предыдущему году

Обрабатывающие производства	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Рост/спад производства	8,4	10,5	0,5	-15,2	11,8
Рост/спад электропотребления	5,6	2,6	0,0	-10,7	5,5

Источник: Росстат

При анализе спада электропотребления в обрабатывающих производствах необходимо учитывать вес отдельных классов производств в электропотреблении. Преобладающими в этой структуре являются металлургический комплекс и химическое производство. Именно они все последние годы служили основными направляющими вектора динамики электропотребления. Изменения электропотребления, происходящие в других классах обрабатывающих производств, оказывали неустойчивое влияние на общую годовую результирующую.

В 2010 г. основное увеличение электропотребления происходило за счет следующих производств: металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство транспортных средств и оборудования; производство прочих неметаллических минеральных продуктов; химическое производство; обработка древесины и производство изделий из дерева. В целом на них пришлось почти 87% общего увеличения электропотребления в обрабатывающих производствах [2].

Рис. 1. Структура электропотребления России в 2010 г.

Для эффективного принятия решений по реализации программных мероприятий, повышению энергоэффективности и снижению электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» необходимо определить факторы, влияющие на формирование электроёмкости, а также оценить степень влияния этих факторов.

Целью настоящих исследований являлось определение факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства».

В качестве метода эконометрического моделирования нами выбран корреляционно-регрессионный анализ, который позволяет выбрать из всей совокупности рассматриваемых факторов наиболее существенные. Перечень факторов, рассматриваемых при моделировании их влияния на электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства», приведен в таблице 2.

Исследование проводилось с использованием программного пакета Statgraphics. Исходными данными для исследования являлись данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики с 2005 по 2010 годы [3].

Таблица 2

Перечень факторов, рассматриваемых при моделировании их влияния на электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства»

Условное обозначение	Наименование фактора	Размерность
X ₁	Коэффициент обновления основных фондов	%
X ₂	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации	%
X ₃	Энергетические затраты при производстве продукции	млн р.
X ₄	Затраты на технологические инновации	млрд р.
X ₅	Потребление электроэнергии	млрд кВт·ч
X ₆	Затраты на процессные инновации	млн р.
X ₇	Коэффициент выбытия основных фондов	%
X ₈	Степень износа основных фондов	%

В процессе проведения исследования по всем факторам сформирована статистическая база данных.

На основе обработки исходной статистической информации проведен расчет коэффициентов корреляции между рассматриваемыми факторами и электроёмкостью вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства». Наибольшие значения коэффициентов корреляции выявлены между коэффициентом обновления основных фондов, инвестициями в основной капитал, затратами на технологические инновации, объёмом товарной продукции, средним тарифом на приобретенную промышленными предприятиями электроэнергию, материальными затратами при производстве продукции и энергетическими затратами при производстве продукции. При проведении дальнейших исследований между всеми факторами, имеющими наибольший коэффициент корреляции с электроёмкостью вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства», найдены коэффициенты парной корреляции для устранения возможной мультиколлинеарной зависимости.

В результате проведенного анализа установлены факторы для их последующего включения в экономико-математическую модель. Наиболее значимыми среди них оказались коэффициент обновления основных фондов и затраты на технологические инновации.

На следующем этапе выполнения работ по моделированию построена экономико-математическая модель влияния выявленных факторов на электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства». Полученную модель (1) можно представить в виде

$$Y = 70,7998 - 2,46286 \cdot X_1 - 0,0680277 \cdot X_4, \quad (1)$$

где Y — электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства», кВт·ч/тыс. р.;

X₁ — коэффициент обновления основных фондов, %;

X₄ — затраты на технологические инновации, млрд р.

Качество и достоверность полученной регрессионной модели проверены с помощью статистики R^2 — коэффициента детерминации. По расчетам коэффициент детерминации составляет 0,9711. Статистическая значимость полученной модели подтверждается при помощи F-теста критерия Фишера. Расчетный показатель F составляет 50,35 при табличном значении 9,55. Следовательно, можно утверждать, что разработанная экономико-математическая модель (1) является достоверной.

После этого проведена верификация модели (1) на основе сравнения фактических данных по результирующему показателю и его расчетных значений, полученных в процессе моделирования. Процент отклонения расчетных данных по электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» от их фактических значений находится в диапазоне от 6,74 до 8,31%, что позволяет сделать вывод о достаточно высокой надежности результатов, полученных в процессе моделирования.

На завершающем этапе исследования проведена аналитическая обработка полученных результатов по выявлению степени влияния различных факторов на величину электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства». Рассчитанные коэффициенты эластичности представлены в таблице 3.

Таблица 3

Влияние изменения различных факторов на электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства»

Условное обозначение	Наименование фактора	Изменение электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства», %
X_1	Увеличение коэффициента обновления основных фондов (%) на 1%	– 1,54
X_4	Увеличение затрат на технологические инновации (млрд. руб.) на 1%	– 0,58

Проведенный на их основе анализ позволил установить, что наиболее сильное влияние на величину электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» оказывает увеличение коэффициента обновления основных фондов. Влияние этого фактора носит характер обратной зависимости, то есть увеличение коэффициента обновления основных фондов на 1% способствует снижению электроёмкости на 1,54%. Другим фактором, оказывающим обратное влияние на величину электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства», являются затраты на технологические инновации. Их увеличение на 1% способствует снижению электроёмкости на 0,58%.

По результатам проведенного исследования выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование электроёмкости вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства». В качестве основных показателей, оказывающих влияние на электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства», являются коэффициент обновления основных фондов и затраты на технологические инновации.

Таким образом, полученная регрессионная модель позволяет спрогнозировать электроёмкость вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» на основании факторов, оказывающих на неё наибольшее влияние. Данная модель может быть использована в таких секторах обрабатывающих производств, как целлюлозно-бумажное производство, производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий.

Использование данной модели позволит определить приоритетные направления в сфере энергосбережения и повышения энергоэффективности.

Список литературы

1. Энергоэффективность в России: скрытый резерв // Отчёт, подготовленный экспертами Всемирного банка, Международной финансовой корпорации и Центра по эффективному использованию энергии. – 2008. – 162 с.

2. Информационно-аналитический доклад о функционировании и развитии электроэнергетики России в 2010 году // Отчёт подготовлен Министерством энергетики Российской Федерации в сотрудничестве с ЗАО «Агентство по прогнозированию балансов в электроэнергетике» (ЗАО «АПБЭ»), ОАО «Системный оператор Единой энергетической системы» (ОАО «СО ЕЭС») и ОАО «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы» (ОАО «ФСК ЕЭС»). – 2011. – 361 с.

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://www.gks.ru>

Сведения об авторе

Орлов Андрей Викторович, доцент, кандидат химических наук, Дзержинский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета

и.м. Р. Е. Алексеева, тел.: 8(8313)348402, orlean2000@yandex.ru

Orlov A. V., Candidate of Sciences in Chemistry, associate professor, Dzerzhinsk Polytechnic Institute of Nizhny Novgorod State Technical University of Alexeev, phone: 8(8313)348402, orlean2000@yandex.ru

УДК 334:005.342

О ФАКТОРАХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА FACTORS OF INFLUENCE ON INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT

Л. Н. Русакова

L. N. Rusakova

Ключевые слова: предпринимательство, инновация, техноцентр, университет, отрасль, знания, технологии

Key words: innovation, technocenter, university, industry, experience, technology

Рассмотрены основные условия развития инновационного предпринимательства. Дана характеристика содержания и составляющих элементов техноцентров, созданных при вузах. Обосновано определяющее влияние научной деятельности на функционирование инновационного предпринимательства.

The basic conditions for development of innovative entrepreneurship are considered in the article. The author describes the content and constituent elements of technology centers established at universities. A determining influence of scientific activities on functioning of innovative entrepreneurship is proved.

Предпринимательство — это осуществление смелых, важных и технически прогрессивных проектов; готовность брать на себя весь риск, связанный с реализацией новых идей; попытки придумывать новое и улучшать существующее.

Инновационное предпринимательство — это не просто особый вид деятельности, в основе которой лежит определенный стиль и тип поведения, образ мыслей, слагаемыми которого являются инициатива, поиск нетрадиционных решений, масштабность и риск, деловая активность. Это созидательная деятельность, направленная на постоянное обновление экономической системы.

Инновационное предпринимательство обеспечивает фирме ценовые и качественные конкурентные преимущества, стимулирующие обновление спроса. Одним из центральных направлений развития инновационного предпринимательства России в современных условиях следует признать усложнение научно-технических разработок в направлении расширения возможностей обновления производственного потенциала.

Усложнение научно-технических разработок и рост их стоимости сопровождаются ускоряющимся процессом морального износа произведенных товаров. Интенсивное проведение НИОКР и выпуск на рынок новой, технически прогрессивной продукции становятся важнейшим

средством конкурентной борьбы крупных компаний, делают проблему ускорения темпов осуществления НИОКР и создания новых товаров особенно актуальной.

Специфика современного функционирования российских субъектов хозяйствования определяет формирование новых видов конкуренции между ними от внедрения новой продукции, новых технологий, новых источников сырья и материалов, новых форм и методов менеджмента и маркетинга.

Фирмы, использующие инновации в своей деятельности, усиливают асимметрию в реализации экономических интересов других хозяйствующих субъектов. Они ищут возможности улучшить свои товары, сдвигая, таким образом, кривые спроса. Они ищут новые методы организации производства и новые технологии, сдвигая кривые предложения. Они разрабатывают совершенно новые виды товаров и услуг, создавая новые рынки, характеризующиеся совершенно новыми кривыми спроса и предложения.

Фирма, которая первой выходит на рынок с новым товаром, или предлагает новую экономическую и ресурсосберегающую технологию, по крайней мере, некоторое время сможет продавать ее по цене выше альтернативной стоимости. К тому времени, как другие производители подхватят инновацию, соотношение спроса и предложения еще раз сдвинут цену к уровню альтернативной стоимости, поскольку к этому времени будет готова к выходу на рынок другая инновация. Таким образом, инновационное предпринимательство поддерживает рыночные процессы в непрерывном движении.

В связи с этим развитие инновационного предпринимательства является стратегическим направлением роста национальной экономики, выступая фактором обеспечения ее конкурентоспособности. Инновационное предпринимательство является более гибким, мобильным и наиболее эффективнее использующим результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

При этом инновационное предпринимательство сочетает слабые стороны предпринимательства и высокий риск инновационной деятельности. В связи с этим современной тенденцией инновационного предпринимательства является его обусловленность таким фактором, как научно-исследовательская деятельность.

Особое значение для ее развития приобретает формирование и функционирование на университетском уровне достаточно важного инфраструктурного элемента — техноцентров.

Техноцентры, созданные на уровне университетов поддерживают развитие знаний и инноваций, передачу технологий посредством предоставления специализированных услуг в функционирующих фирмах и во вновь формируемых. Ориентируя свои услуги на конкретную продукцию или стратегически важную отрасль экономики, они укрепляют цепочки создания добавочной стоимости. В частности, техноцентры решают проблемы разрывов в отраслевых цепочках создания добавочной стоимости и занимаются вопросами качества, выявляют возможности для дальнейшего инновационного совершенствования продукции и технологических процессов на отраслевом уровне, способствуют коммерциализации новой продукции, оказывают дополнительные услуги, слабо предоставленные на рынке [1].

В частности, одним из направлений деятельности техноцентра Тюменского госуниверситета, является разработка программного обеспечения для нефтегазовой промышленности, реализация проекта по созданию мобильного комплекса по переработке отходов добычи углеводородов [2].

Техноцентр, организованный на уровне Уральского федерального университета, осуществляет техническую поддержку и разработку САЕ-систем, компьютерный инжиниринг, научные исследования в области механики структурных разрушений и пр. [3].

Техноцентр при Таганрогском государственном радиотехническом университете — один из ведущих образовательных и научно-исследовательских центров на Северном Кавказе специализируется на разработке медицинских, лечебно-диагностических приборов и комплексов [4].

Таким образом, необходимо не только формировать техноцентры на университетском уровне, но и расширять предоставление специализированных услуг в существующих и вновь создаваемых компаниях. Это дает возможность перехода национальной экономики от сырьевой модели к инновационной экономике, использующей инновационные ресурсы в долгосрочной перспективе развития России.

Список литературы

1. Техноцентры (CITEs) — государственно-частное партнерство по развитию технологий и инноваций: уроки для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ystu.ru>.
2. Нанотехнологии — УрФО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nanotec.invur.ru/index.php?id=1>
3. Техноцентр компьютерного инжиниринга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cae.ustu.ru>.
4. Боровская М. Ф., Корецкий А. А. Формирование учебно-научно-инновационного комплекса в системе технического университета. Электронный ресурс. Режим доступа: keconomy.tti.sfedu.ru/person/borovs

Сведения об авторах

Русакова Людмила Николаевна, д. э. н., профессор кафедры экономической теории и прикладной экономики, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, тел.: 8(3452)294676

Rusakova L. N., Doctor of Economics, professor of the chair of economic theory and applied economics, Tyumen State University, phone: 8(3452)294676

УДК 33.332

ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВНЕБЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЖКХ

POSSIBLE SOURCES OF NON-BUDGETARY FUNDING OF MUNICIPAL UTILITIES

А. А. Сафонов

A. A. Safonov

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, инвестиции, тарифы, кредит, муниципальное унитарное предприятие, модернизация

Key words: housing and communal services, investment, tariffs, credit, lending, modernization, municipal unitary enterprise

О необходимости привлечения капитала в условиях кризиса на предприятии. О создании высокоэффективного производства, способного быстро осваивать новую продукцию. О привлечении инвестиций предприятиями и разработке предложений по совершенствованию данного механизма.

The author proves the necessity of attraction of capital in the conditions of crisis at enterprises. It is proposed to create a highly effective production capable to master a product innovation, to attract investments by enterprises and to develop proposals about perfection of the mechanism described.

Оптимизация источников финансирования ЖКХ является одной из проблем в условиях реформирования системы жилищно-коммунального комплекса (ЖКК). Ключевым направлением является привлечение внебюджетных источников финансирования ЖКХ и повышение их роли.

На сегодняшний день с целью повышения инвестиционной привлекательности жилищно-коммунального комплекса государством осуществляется бюджетное финансирование отрасли. Инвестиционная привлекательность комплекса в целом зависит от обеспечения возвратности инвестиции ЖКХ, уровня процента прибыли инвестора, срока окупаемости инвестиционных вложений, от прозрачности тарифной политики и процедур согласования и утверждения тарифы ЖКХ.

Одной из проблем, сопровождающих функционирование жилищно-коммунального комплекса и его дальнейшее развитие, является износ основных фондов. Однако процессы старения основных фондов жилищно-коммунального комплекса, которые сейчас происходят в России, требуют значительного увеличения расходов на развитие данной сферы. Одним из источников воспроизводства основного капитала является амортизационный фонд предприятий жилищно-коммунального комплекса. В современных условиях амортизационные отчисления большинства предприятий ЖКК используются на пополнение оборотных средств. Кроме того, стоимость основных фондов жилищно-коммунального комплекса ниже их реальной стоимости, что приводит к занижению амортизационных отчислений. Введение амортизационных льгот в ЖКК и регулярная переоценка основных фондов приведет к увеличению амортизационных отчислений, а в конечном

итоге и к росту тарифы ЖКХ [3]. Тем не менее, предоставление амортизационных льгот предприятиям жилищно-коммунального комплекса позволит повысить инвестиционную привлекательность отрасли и обеспечит дополнительный приток инвестиции ЖКХ.

Кроме того, в настоящее время происходит изменение системы финансового обеспечения функционирования и развития жилищно-коммунального комплекса. Бюджетное финансирование инвестиций в жилищно-коммунальный комплекс сокращается. Главным источником финансирования ЖКХ выступают частные инвестиционные ресурсы. Инвестиционное финансирование ЖКХ будет осуществляться, в основном, за счет привлечения заемных ресурсов (в первую очередь, средств частных инвесторов). Также в будущем получают свое развитие в ЖКК такие инструменты, как концессия ЖКХ, страхование, кредит, лизинг, ценные бумаги.

При планировании инвестиций в предприятие ЖКХ за счет средств городского бюджета ключевую роль играют Департамент городского хозяйства, Департамент финансов и другие структурные подразделения городской администрации, занимающиеся разработкой плана и бюджета капиталовложений. Необходимость капиталовложений в объекты нового строительства, как правило, определяется Департаментом городского хозяйства. Титульный список объектов (проектов капиталовложений), предназначенных для финансирования из городского бюджета, утверждается главой города и городской думой (окончательное утверждение). Источниками для финансирования бюджетных инвестиций в объекты коммунальной инфраструктуры города являются специально предоставляемые на эти цели субсидии из средств бюджета региона [4].

В соответствии целевой программой «Модернизация и реформирование жилищно-коммунального комплекса Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2011–2013 годы», администрация г. Нефтеюганска предпринимает меры для разработки инвестиционного проекта развития коммунальных служб и мобилизации финансовых средств, необходимых для его финансирования. В настоящее время коммунальные услуги по водоснабжению, водоотведению, теплоснабжению и горячему водоснабжению в Нефтеюганске, в основном, предоставляются двумя специализированными компаниями: ООО «Югансктранстеплосервис» и ООО «Юганскводоканал».

ООО «ЮВК» и ООО «ЮТТС» не наделены правами собственности на эксплуатируемое имущество. Между предприятиями и Департаментом имущественных и земельных отношений муниципального образования заключаются договоры аренды муниципального имущества до 1 года, что не позволяет предприятиям предусматривать в составе тарифов затраты на капитальные вложения в инфраструктуру ЖКХ города. Планирование инвестиций за счет средств предприятий осуществляется только из чистой прибыли по итогам работы за год. План распределения прибыли ежегодно утверждается Департаментом имущественных и земельных отношений администрации города. При такой системе договорных отношений из возможных источников для финансирования инвестиций в объекты коммунальной инфраструктуры предприятий исключаются амортизационные отчисления на восстановление объектов основных средств.

Возможности города и предприятий к самофинансированию инвестиций ниже инвестиционных потребностей предприятия в обновлении и модернизации основных средств.

Несмотря на то, что ООО «ЮВК» и ООО «ЮТТС» обладают значительным техническим потенциалом для успешного управления инфраструктурой и осуществления технической экспертизы проектов капиталовложений, возможности каждого отдельно взятого предприятия по финансированию инвестиций ограничены. Необходимо использовать дополнительные источники финансирования в форме займов. Без институционального укрепления и проведения преобразований ООО «ЮВК» и ООО «ЮТТС» не смогут полностью взять на себя ответственность за реализацию проекта развития коммунальных служб г. Нефтеюганска.

С целью повышения эффективности восстановления и обновления муниципального имущества отрасли ЖКХ, а также повышения кредитоспособности обоих предприятий необходимо провести реорганизацию. Возможно рассмотреть вопрос создания единой городской коммунальной компании на базе двух существующих: ООО «ЮТТС» и ООО «ЮВК», передачу муниципальных основных средств коммунальной сферы в долгосрочную аренду вновь созданной сервисной компании и заключение договора на оказание услуг между уполномоченным органом администрации города и сервисной компанией. В будущем другие эксплуатирующие организации смогут также участвовать в конкурсе на право заключения контракта с городом, что будет способствовать развитию конкурентной среды [4].

Одним из источников финансирования будет являться Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Предполагается, что в целях реализации проекта ООО «Югансктранстеплосервис»,

ООО «Юганскводоканал» или объединенная сервисная компания заключит с ЕБРР соглашение о его совместном финансировании на период реализации.

Предположительно, полная стоимость проекта составит около 1 миллиарда рублей, из которых ЕБРР предоставит кредит в сумме около 700 миллионов рублей, но не более 80% от общей стоимости проекта. Остальная часть будет финансироваться за счет местных источников.

ППИ будет финансироваться из займа ЕБРР в размере 700 млн р., из средств городского бюджета в сумме 109 070 млн р., из средств субсидий автономного округа в сумме 112 000 тыс. р. и из средств проектных компаний в сумме 48 360 тыс. р. В свою очередь, строительство КОС мощностью 50 000 м³/сут. будет осуществлено за счет средств округа в сумме 100 млн р., бюджета города в сумме 100 млн р., средств проектной компании в сумме 100 млн р. и прочих источников в сумме

300 млн р. В финансовой модели используются следующие условия: комиссия за обязательство предоставить кредит — 0,7%, первоначальная комиссия за предоставление кредита и оценку — 1,0%, проценты по займу — 8,18% в год. 10 лет — срок погашения займа и 3 года — отсрочка начала погашения кредита.

Предполагается, что программа приоритетных инвестиций финансируется за счет кредита ЕБРР в сумме 700 млн р. Предполагается, что условия предоставления кредита следующие: кредит выдается на 10 лет, период отсрочки выплат по кредиту составляет 3 года, фиксированная процентная ставка = 8,18% годовых, комиссия за обязательство предоставить кредит 0,70%, единовременные комиссионные и плата за оценку составляют 1,0% от общей суммы займа (табл. 1).

Таблица 1

Интегральные показатели проекта

Наименование показателя	Значение показателя
NPV, в тыс. рублей	47 279,87
PI	1,04
PP обычный, лет	15,68
IRR	3,39%

Влияние проекта на средневзвешенный тариф услуг теплоснабжения составляет в среднем 6,3% (в период активного инвестирования). Влияние проекта на тарифы услуг водоснабжения ≈ 5,6%, на услуги водоотведения ≈ 7,4%. Влияние проекта на тарифы услуг водоотведения с учетом строительства КОС на 50 000 м куб./сут, в среднем составляет 11,7% (в период активного инвестирования).

В случае, если ООО «ЮВК» и ООО «ЮТТС» не будут объединены, то показатели проекта примут следующий вид (табл.2).

Таблица 2

Показатели проекта в случае отдельного финансирования

Параметр	ООО «ЮВК»
Внутренняя ставка доходности (IRR), %	4,36%
Чистая приведенная стоимость (NPV), тыс. р.	38 266,36
Индекс прибыльности (PI)	1,08
Срок окупаемости проекта (PP), лет	13,64

В настоящее время в ЖКХ почти нет долгосрочного кредитования. Исключение составляют лишь кредиты Европейского банка реконструкции и развития и т. п. Эти средства не являются, по сути, частными инвестициями, так как их возврат гарантирован местными властями. Компаний, ведущих сегодня бизнес в коммунальном секторе, — единицы, их акционерный капитал закрыт для инвесторов.

Наиболее востребованными в настоящее время представляются следующие услуги банковского сектора: в формировании и сопровождении инвестиционных программ предприятий ЖКХ; в

стабилизации их текущего финансового состояния; в формировании оптимальных систем учета и взаимодействия предприятий ЖКХ с поставщиками услуг и собственниками жилья.

Основными направлениями, с точки зрения инвестиционной привлекательности, в ЖКХ следует признать модернизацию инженерных сетей и действующих технологий предприятий ЖКХ; развитие программ энергоресурсосбережения; программы установки индивидуальных приборов учета и регулирования.

Цель организации системы инвестирования в жилищно-коммунальный комплекс состоит в объединении и координации действий предприятий жилищно-коммунального хозяйства, частных инвесторов, учреждений, заинтересованных в развитии инвестиционной деятельности, в формировании инвестиционных ресурсов и инвестировании в проекты комплекса, в организации и контроле финансовых потоков инвестиционных ресурсов через коммерческие банки.

Чтобы региональные банки активно включились в инвестиционные процессы в жилищно-коммунальном комплексе, необходимо выполнить следующие условия: усовершенствовать правовую базу процессов инвестирования; решить вопросы снижения и перераспределения рисков инвесторов, развития системы страхования, рынка гарантий, отладить систему учета залогов; обеспечить взаимодействие властных, банковских, предпринимательских структур в инвестиционном, информационном, организационном посредничестве; развить институциональную инфраструктуру инвестиций путем формирования заинтересованности участия консалтинговых, маркетинговых агентств, инжиниринговых фирм.

Масштабы включения банков в региональные инвестиционные процессы напрямую зависят от инвестиционной среды в регионе — вот почему требуется совершенствование, а точнее, формирование законодательной базы по стимулированию инвестиционных процессов и привлечению банковского капитала в сферу ЖКХ.

С этой целью важно сформировать концепцию и программу организации системы инвестирования в регионе с участием банковских средств, где должны быть отражены механизмы указанных выше условий и организационные регламенты реализации двух взаимосвязанных блоков: “процедура инвестирования” и “процедура возврата инвестиций”. В первой части в центре внимания окажутся вопросы предварительного отбора инвестиционных проектов, процесса “упаковки” инвестиционных предложений в бизнес-планы, выполненные по единому стандарту, оформление сделок по инвестиционным проектам, механизм финансового сопровождения инвестиций (совокупность банковских операций по финансированию, кредитованию инвестиций, операций с ценными бумагами).

Во второй части наряду с традиционным обеспечением кредитов требуется разработать механизм дополнительных гарантий и льгот инвесторам. В частности, при согласовании бизнес-планов инвестор должен иметь право на получение части экономии, получаемой реципиентом как эффект от инвестиционных вложений, на срок окупаемости проекта.

Такая концепция организации системы инвестирования в сферу жилищно-коммунального комплекса с участием банков может стать основой Программы «О стимулировании инвестиционной деятельности банков и частных инвесторов в реформировании жилищно-коммунального хозяйства ХМАО».

В рамках Программы необходимо разработать и принять «Положение об инвестиционном налоговом кредите», где прописать механизм освобождения предприятий от уплаты налогов или предоставления отсрочки их оплаты для предприятий, занимающихся инвестированием в жилищно-коммунальный комплекс. Что касается системы тарифного регулирования, то она должна способствовать привлечению инвестиций в предприятия жилищно-коммунального хозяйства, установлению индивидуальных приборов учета, регулирования потребления основных коммунальных услуг и их сервисное обслуживание. Для этих целей в тарифах должна быть инвестиционная составляющая.

Если обратиться к проблеме поддержания текущего финансового состояния предприятий ЖКХ, то, с одной стороны, здесь не требуется изобретать новые финансовые технологии, с другой, ощущается потребность в стимулировании и организационной поддержке указанных процессов. Остановлюсь лишь на двух финансовых инструментах, позволяющих оптимизировать уровень текущего финансового состояния предприятий ЖКХ — это выпуск облигаций и овердрафт. В соответствии с нормативами уровень оборотных средств в структуре активов предприятий ЖКХ должен составлять 20–25%, на практике он не превышает 10–15%, причем примерно половина из них — это не реальные активы, а дебиторская задолженность.

Ни для кого не секрет, что нехватка финансовых ресурсов в обороте предприятия может привести к катастрофическим последствиям. Кризисы неплатежей в отдельно взятой системе ЖКХ могут вызвать, например, срыв поставок тепла или горячей воды и т. п.

Преобладающей организационно-правовой формой организаций, работающих в сфере ЖКХ, все еще остается муниципальное унитарное предприятие (МУП) [5]. Во многом это объясняется тем, что долгие годы предоставление жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) было муниципальной монополией, в том числе и потому, что ЖКХ являлось планово-убыточной отраслью.

Исследования показывают, что на сегодняшний день МУП не представляют эффективных участников рыночных отношений [6].

МУП хотя и наделено правом извлекать прибыль как коммерческая организация, однако, фактически не является инструментом ведения бизнеса, так как его назначение тесно связано со статусом собственника — органа местного самоуправления.

Сегодня перед муниципальными образованиями стоит задача: привлечь в сектор ЖКХ частные инвестиции. Инвестору необходима гарантия возврата вложенных средств с процентами, но правовая природа МУП не предполагает каких-либо гарантий, так как имущество предприятий находится в муниципальной собственности и может быть выведено в определенный момент, а также нет возможности вхождения в учредители предприятия (уставной капитал неделим и принадлежит муниципальному образованию). Для инвестора ОАО является более привлекательным, так как позволяет войти в состав участников общества, получив свою долю акций как гарантию влияния на эффективное использование вложенных инвестиций.

Жилищно-коммунальные услуги в Европе развиваются по трем моделям реорганизации. Английская реформа предусматривает полную приватизацию объектов жизнеобеспечения. Немецкая модель — акционирование предприятий, где основным пакетом обладает муниципалитет. Французская модель: сочетание муниципальной собственности на объекты ЖКХ и управления ими со стороны частного бизнеса на условиях долгосрочных договоров аренды и сопутствующих инвестиционных соглашений.

Анализируя опыт различных стран с развитой рыночной экономикой (США, Германия, Япония, Швеция) при наличии специфических элементов в построении системы обеспечения жилищно-коммунальными услугами и управления ее развитием, которые необходимо привносить в отечественную практику, крайне осторожно с учетом специфики российской экономики. Однако можно с уверенностью сказать, что в целом рыночная модель функционирования и развития системы жилищно-коммунального обеспечения в странах с развитой экономикой достаточно эффективна, надежна и может быть взята в качестве стратегического ориентира развития отечественного рынка ЖКУ.

Состояние общего равновесия на российском рынке ЖКУ характеризуется условиями равновесия по следующим соотношениям: спроса и предложения, уровня доходов населения и прожиточного минимума на конкретной территории, нормативных (экономически обоснованных) и фактических затрат предприятий ЖКХ, фактически (прогнозируемых) средств бюджета для финансирования ЖКХ и средств, требуемых для устойчивого функционирования рынка ЖКУ, совокупных доходов и расходов всех бюджетов в сфере ЖКХ и другими.

Список литературы

1. Постановление Правительства Ханты-Мансийского округа – Югры о целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Модернизация и реформирование жилищно-коммунального комплекса Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2011–2013 годы» от 26 ноября 2010 г. 313-п.
2. «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» Федеральный закон №185 от 21.07.07 (ред. от 30.11.2011.).
3. Аболин А. А. Основные направления реформирования ЖКХ муниципальных образований // Журнал ЖКЖ. – 2005. - №2. - С. 37.
4. Киселев В. В. Развитие конкурентной среды в коммунальной сфере // Журнал ЖКХ. – 2005. - №4. - С. 6-9.
5. Хакимов Р. Р. Формы собственности и экономические отношения в жилищном хозяйстве России // Экономика строительства. - 2005. - №4. - С.33-43.

6. Климов В. Перспективы реформирования ЖКХ // Строительная газета. - 2004г. - №45. - С.1-3.

Сведения об авторе

Сафонов Антон Александрович, аспирант, *Институт экономики и социальных отношений*,
Москва, тел.:89088734455

Safonov A. A., *post graduate of the Institute of Economics and Social Relations, Moscow, phone:*
89088734455

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

УДК 81* 272:39 (571.12)

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ – ПРОСТРАНСТВО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПОЛИЛОГА
TYUMEN REGION AS A SPACE OF INTERETHNIC POLYLOGUE

К. К. Койше, В. Н. Гультяев

K. K. Koishe, V. N. Gultyayev

Ключевые слова: этносоциолингвистика, этноистория, миграция, антропонимия, функционирование и влияние тюркских языков, эволюция, социально-экономическая политика
Key words: ethnolinguistics, ethnohistory, migration, anthroponomy, functioning and influence of Turkic languages, evolution, social-economic policy

Рассматривается специфика этносоциолингвистической адаптации народов, проживающих на территории Тюменской области, а также уровень владения родным и русским языком мигрантов, эволюционный характер и интеграция языков. Языковая ситуация в Тюменской области связана с экстралингвистическими факторами. Доказывается, что межкультурный коммуникационный диалог происходит с помощью вербальных и невербальных коммуникативных средств.

A specific character of the ethnosociolinguistic adaptation of peoples residing in the Tyumen region territory as well as the migrants' level of proficiency in native and Russian languages, the evolution character and integration of languages is discussed. It is shown that the language situation in Tyumen region is related with extralinguistic factors and the intercultural communication dialogue occurs with the help of verbal and non-verbal communication means.

Современные проблемы любого российского региона можно в полной мере оценить и понять только в контексте его исторического развития, характера освоения его территории титульными этническими группами. Ярким примером может послужить регион Тюменской области. Для этой территории характерны эволюционный характер развития коренных тюркских народов (сибирских татар и сибирских казахов) и мощные изменения этнолингвистической ситуации под влиянием миграционных процессов, которые меняют специфику функционирования языков в регионе (прежде всего, под влиянием азербайджанского языка как языка постоянно увеличивающейся диаспоральной группы). Уникальность языковой ситуации в Российской Федерации и в Тюменской области, в частности, создаваемая как экстралингвистическими (численным, географическим и социальным распределением различных этносов, миграционными процессами, историческими, политическими и др. причинами) и собственно лингвистическими (типами массового двуязычия, характером сфер применения тюркских, угорских, славянских языков и их функционирования в системе образования, уровнями владения казахским и русским языками и др.) факторами, объясняет устойчивость интереса отечественных и зарубежных исследователей к описанию ее различных аспектов (К. М. Абишева, Х. Ч. Алишина,

О. Б. Алтынбекова, Е. В. Беженцев, В. Н. Белоусов, Р. А. Вафеев, М. Н. Губогло, Н. В. Дмитрюк, Г. А. Досмухамбетова, Л. К. Жаналина, М. К. Исаев, А. Кайдар, И. С. Карабулатова, А. Е. Карлинский, Д. Ж. Касьмова, Т. Н. Космеда, В. Г. Костомаров, Т. В. Кривошапова, Б. Ж. Курманова, В. П. Нерознак, З. В. Поливара, С. В. Рязанцев, Э. Д. Сулейменова, Н. К. Фролов, Б. Х. Хасанов, Н. Ж. Шаймерденова, А. Г. Шайхулов, D. Bhava, I. Kreindler, M. Olcott, W. Rivers и др.). В работах Р. А. Вафеева, С. В. Гузенко, И. С. Карабулатовой, К. К. Койше, Е. В. Беженцева, М. А. Сагидуллиной, Г. К. Чаукеровой, Н. Г. Хайруллиной подчеркивается значимость межкультурного диалога в Тюменской области и сопредельных регионах.

Сибирские татары и сибирские казахи являются в области коренными народами, что накладывает особую специфику на управление теми или иными муниципалитетами, на реализацию социально-экономической политики, характер межкультурной коммуникации и сохранение родных языков. Однако если сибирские татары признаны коренным народом на государственном уровне, то сибирские казахи, несмотря на указание этого факта историками, до сих пор рассматриваются как диаспора.

Сегодня не вызывает сомнений, что межкультурный коммуникационный диалог — это процесс передачи межэтнической информации на общем для коммуникантов языке от одного человека к другому или между группами людей по разным каналам и при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных и пр.).

Взаимодействие осуществляемого в регионе языкового планирования и складывающейся языковой ситуации происходит органично и вполне закономерно, поскольку государственные институты, учитывая объективные исторические реалии, региональные особенности этнического состава населения республики и иные важнейшие социально-демографические факторы, проводят в области языка политику *либерального языкового плюрализма*.

Территория современной Тюменской области с древности находилась на перекрестке цивилизационных путей Востока и Запада, поэтому население края с давних времен закономерно было полиэтничным. В близком соседстве жили и живут славянские, тюркские, угорские народы, вступавшие в тесные контакты с прибывающими представителями других этнических групп Востока и Запада: русские, украинцы и белорусы, поляки и чехи, манси, коми, ханы и ненцы, казахи, башкиры и татары, а также узбеки, арабы, немцы и другие национальности. Специфика природной среды выработала однотипные способы хозяйствования, а постоянные контакты на смежных территориях проживания стали основой для уменьшения культурной дистанции и сближения народов. Мы рассматриваем культуру народов, населяющих Тюменский регион, через призму сближения ее с русской культурой.

Тюрки говорят на родственных языках, гипотетически восходящих к алтайской макросемье языков. В Западной Сибири тюркские кочевники расселяются не ранее IX–X вв., когда начинает складываться кимакский союз, состоящий из племен под названием «кыпчак», «татар», «ими», «имак», «байандур» и др. их кочевья простирались от Уральских гор до Арала, сосредотачиваясь в междуречьях Иртыша, Тобола и Ишима, в X в. кимаки вели борьбу с кыпчаками, на стороне которых были прибалтийские тюрки, которых китайцы называли «татаель» («татаер»), отождествляя их с монголами. По сведениям Юлиуса Клапрота (1783–1853), опубликованным в «Большой китайской энциклопедии» (1604г.), название «татары» равнозначно названию «монголы» (елёты), в Золотой Орде правители были монголы, а войско состояло из тюрков. Хивинский хан Абуль-Гази (XVIII в.) в «родословном древе тюрков» полагал, что слова «татар», «монгол» вначале были личными именами ханов, превратившись позднее в этнонимы.

Этническим именем «татары» русские переселенцы в Западной Сибири называли башкир, бухарцев, казанцев, казахов и автохонных тюрков. Судя по источникам XIII в., западносибирские тюрки входили в Джучиев Улус Монгольской империи, постоянно враждуя между собой. В конце XIV в. образуется Тюменское ханство, в состав которого вошли земли по рекам Тура, Тобол, Тавда, Ница, Исеть, Пышма [1]. В то же время появляются укрепленные пункты — Тюмень, Чимги-Тура, Яулу-Тура, Бицик-Тура, а также около 15 городов — Матмасы, Барбара, Каскара и др. Этнически население Тюменского ханства состояло из тугалинцев (туранцев), являвшихся потомками кыпчаков, уйгуров и мангыгов, а также части тюркоизированных угров.

Вследствие разногласий между правителями — потомком брата Батые Шейбанханом и представителями местной татарской знати из Тайбугина рода — Тюменское ханство утрачивает в XV в. свою самостоятельность, попав в зависимость к образованному около 1495 г. Сибирскому ханству со столицей Искер. В количественном отношении в Сибирском ханстве преобладали тобольские татары (курдяки, шитяки, нанги, токузы и ясколбы). В. В. Радлов локализует нанги и ясколбы на землях к северу от Тобольска, шияков и токузов — к югу (совр. Вагайский район), курдяков и шеврицев — к западу (совр. Ишимский и Ярково-Восточный районы), а туранцев и айялы — в междуречье Тобола, Туры, Пышмы и Исети. Помимо местных тюрков в пределах Тобольского и Тюменского уездов проживали башкиры, казахи, калмыки, узбеки и чувашаи, а также ассимилированные вогулы и остяки. В настоящее время прошлые татарские этнические имена частично сохранились в наименованиях населенных пунктов (Казанка, Тукуя, Ясколба и др.), однако, более распространенными стали оттопонимные наименования татар — варварские (д. Варвара), карбанские (д. Карбан), тамурлинские — (пос. Тамурла), тураевские (пос. Тураев) татары.

Среди тюркских языков на территории полиэтничного региона Тюменской области представлены различные группы.

З. Е. Кабульдинов, в работе «Казахи Тобольской и Томской губерний во второй половине XVIII – начале XX вв.», тщательно проанализировал историю заселения казахами территории Западной Сибири в средние и новые века [2]. Однако его данные приходят в противоречие с лингво-

историческими данными, приведенными Н. А. Томиловым, Н. К. Фроловым, М. А. Сагидуллиным об этногенезе сибирских татар и активном участии в нем казахских родов. М. А. Сагидуллин пишет, что в этногенезе сибирских татар свыше 75% приняли участие казахские роды [3]. Мы должны более тщательно подойти и к определению сибирских татар и сибирских казахов [4, 5, 6].

В документах Тобольской губернии среди 58876 фамилий встречаются повсеместно и фамилии местных тюрков, прежде всего, татар. Указывается этническая и социальная принадлежность: Егоров Иван Васильевич — калмык по происхождению, мещанин; Иванов Пётр — конный казак инородческой литвы; Азисов Илья — новокрещенный (татарин), проживавший в Тюмени; Алашатуров Бажен — служилый татарин; Алгазина Анна — рабочая спичечной фабрики; Алемасов Прон — казак станицы литвы и прочих инородцев [7]. Счетчики Михаил Ренев, Яков Медведев, Никифор Пагадаев и другие, возможно, записывали имена приближенно к произношению тех, кто называл их. Специфика фонематического слуха русских счетчиков не позволяла фиксировать нюансы тюркского слова на письме, поэтому возникали искаженные варианты записи, которые впоследствии приводили к различным несуразностям в документах разного времени: Апшанов Салут Атшанович (около 1784 г.) — сын казака Атшанова А. А. (1799 г.), Асланин — Арсланин, Ачекматов Майтмас — Азикматов Маатмас, Ижболдин Дмитрий Григорьевич — Ишболдин. Этот процесс наряду с другими наглядно иллюстрирует процессы взаимодействия татарской и русской антропонимических систем [7].

Однако тщательный анализ метрических книг и иных документов позволяет сделать несколько иные выводы. Пополнение русского фонда тюркскими фамилиями равно, как и обогащение тюркско-татарского фонда, русскими фамилиями и именами в большей степени связано было с изменением вероисповедания. Как отмечают исследователи, «в Тобольской семинарии, открывшейся в 1743 г. по указанию Священного синода, существовал класс татарского языка» [8].

Современная этноязыковая ситуация в регионе — это результат распада СССР и процесс самоорганизации новой социокультурной системы на базе того, что получилось после распада, в контексте мощных миграционных процессов. В начале нового столетия в Тюменскую область в целом, продолжают прибывать представители различных национальностей из стран ближнего зарубежья, в том числе: казахи, азербайджанцы, таджики, узбеки.

Как отмечают исследователи, само понятие «миграция» имеет многочисленные трактовки. Социолог В. А. Ионцев [9] проанализировал 36 различных определений термина «миграция» в российской науке и 27 трактовок, известных в зарубежных источниках. Он разработал интегральную классификацию миграции, под которой в общем виде понимается пространственное перемещение населения, ведущее к его территориальному перераспределению (таблица). Исследователь подчеркивает значимость причин миграции, классифицировав их подробным образом, выделив среди них наиболее важные: экономические, социальные, политические, этнические, религиозные, экологические и т.п. [9].

Миграция населения в Тюменскую область, включая внутрорегиональную, человек

Прибыло	2007	2008	2009	2010	2011
Все население	89437	85326	76027	85402	160359
В пределах России	77528	72522	63143	73819	137018
Внутри региона	33859	32502	28031	34139	61452
Из других регионов	43669	40020	35112	39680	75566
Из зарубежных стран	11909	12804	12884	11583	23341
Государств – участников СНГ	11596	12476	12562	11238	22267
Стран дальнего зарубежья	313	328	322	345	1074
На 10000 населения	266,2	252,0	222,7	252,1	467,2

Из данных статистики идет миграционный прирост из других регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья (см.таблицу). Несомненно, это накладывает отпечаток на языковую практику в целом в Тюменской области.

Этнический дискомфорт под воздействием экономического и социально-политического фактора легко перерастает в общественные фобии и оборачивается ростом интолерантных и миграционных стратегий. В то же время этнический комфорт, определяя степень привлекательности

определенного этнотерриториального сообщества, предполагает характерную для конкретного региона исторически выработанную модель оптимальной «межэтнической (культурной) дистанции; она не препятствует межгрупповому взаимодействию, но в то же время обеспечивает целостность и эффективное воспроизводство этнических идентичностей.

На стадии адаптации, также как в период формирования и реализации миграционных установок, большую роль играет этнический фактор (этническая миграция предполагает представительство различных национальностей в миграционных потоках), который может быть выражен через так называемый «показатель этнической комфортности». Как отмечает член-корр. РАН С. В. Рязанцев, показатель этнической комфортности «представляет соотношение объективных (этнический состав, межнациональные отношения, этническое разделение труда, языковая ситуация и проч.) и субъективных этнических составляющих миграции (этническое самосознание, этнические стереотипы, прошлые этнические травмы, стремление на свою этническую родину и пр.)» [10].

В последнее время к факторам, определяющим масштабы миграции, прибавились новые: национальные конфликты, процесс суверенизации республик, обостривший национальные и социальные отношения и т.д. В конце 80-х начале 90-х годов приоритетное место в причинах оттока иноязычного населения заняли морально-психологические и этнические установки (например, язык), межнациональные конфликты.

С нарастанием масштабов вынужденной миграции в нашей стране в сфере защиты мигрантов возникает ряд вопросов, требующих государственных усилий. К ним относятся: определение мест временного размещения, помощь в социальной адаптации, организация информационной службы, формирование общественного мнения с принципами гуманизма и социальной терпимости и т.д. Именно миграция актуализирует проблему дистанций и границ в межэтническом взаимодействии, определяя пространство межэтнического полилога как действенного инструмента современной национальной политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. – М., в 2 тт., 1937.
2. Кабульдинов З. Е. Казахи Тобольской и Томской губерний во второй половине XVIII – начале XX вв. (историко-демографический аспект). – Павлодар, 2001.- 293 с.
3. Сагидуллин М. А. Тюркские этнонимы в русской топонимии Тюменской области. АКД.– Тюмень, 2002. – 30 с.
4. Балтабаева К. Н. Казахи и татары Западной Сибири (1919–1932). – Алма-Ата, 1992. – 280 с.
5. Карабулатова, И. С., Беженцев, Е. В., Койше, К. К. Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 148 с.
6. Карабулатова И. С., Гузенко С. В., Чаукерова Г. К. Луна и солнце тюркского имени: метаморфозы имени собственного. - Тюмень: Вектор-Бук, 2012. – 168 с.
7. Гузенко С. В. Татарская и русская антропонимия Тобольской губернии XVII-XIX вв.: национально-историческая специфика фамильных имен и эволюционные процессы. АКД. – Тобольск, 2011. – 29 с.
8. Сайдимова Э. Р. Именник тобольских татар мусульманского происхождения. АКД. – Тюмень, 2006.
9. Ионцев В. А. [Текст] / В. А. Ионцев. Международная миграция населения: теория и история изучения. - М.: Диалог МГУ, 1999. - 370 с.
10. Рязанцев С. В. [Текст] /С. В. Рязанцев. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. - Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2001. – 544 с.

Сведения об авторах

Койше Кенесар Куанышевич, к. с. н., старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Заводоуковского филиала Тюменского государственного университета, тел.: 89129976797

Гультяев Владимир Николаевич, глава Тюменского района Тюменской области, тел.: 89220481020

Koishe K. K., Candidate of Sociological Sciences, senior lecturer of the chair Department of of Humanities Zavodoukovsk branch of Tyumen State University, phone: 89129976797

Gultyayev V. N., the head of the Tyumenskiy region Tyumen region, phone: 89220481020

МОЛОДОЕ ЛИЦО ПРОТЕСТНОЙ РОССИИ
THE YOUNG FACE OF RUSSIAN PROTEST**Д. А. Колтунов**
D. A. Koltunov

Ключевые слова: молодежная субкультура, субкультура, хипстер, протест
Key words: youth subculture, subculture, hipster, protest

О молодежной субкультуре как форме общественного протеста. Дан портрет посетителей акций протеста из числа молодежи, что во многом соответствует описаниям членов современной субкультуры хипстеров.

A youth subculture often appears as a form of a social protest. The profile of a usual young participant of these actions resembles much the followers of modern hipster subculture.

Молодежная субкультура часто возникает как форма общественного протеста. Классическим примером такого протеста является получившая широкую известность субкультура хиппи, объединившая молодежь против войны во Вьетнаме или, например, криминальная субкультура скинхедов, эксплуатирующая тему неравенства на национальной почве и возникшая в Британии в условиях роста количества эмигрантов. По этому поводу Е. Н. Шапинская замечает: «...в середине XX в. для субкультур было характерно сопротивление влиянию культурной индустрии, которое нередко принимало протестные контркультурные формы...» [1].

Показателен и российский пример. Начавшееся с митинга в декабре 2011 г. и получившее свое развитие в 2012 г. в России протестное движение привлекло в свои ряды большое количество молодежи: по данным ВЦИОМа, от 41% (митинг на проспекте Сахарова) до 48% (Болотная площадь) увеличилась доля участников от 18 до 35 лет [2], [3]. Учитывая, что статистика по посетившим данные мероприятия лицам в возрасте до 18 лет отсутствует, можно предполагать, что данное число могло оказаться еще больше.

Портрет посетителей акций протеста из числа молодежи во многом соответствует описаниям членов современной субкультуры хипстеров, которая пользуется популярностью у молодого городского населения со средним или высоким уровнем дохода, активно увлекающимся рок музыкой (как правило, инди, за что их называют «инди-кидами») и кино, проводящая большое количество времени в интернете. Современный российский хипстер — космополит, который, по мнению автора статьи, является, как и многие другие субкультуры наших дней, продуктом глобализации, стирания традиционных культурных норм и ценностей. В пользу этого предположения говорит и одежда в стиле унисекс, привлекающая хипстеров и минимизирующая отличия между полами.

В этой связи напрашивается сравнение современной субкультуры хипстеров с хипстерством, возникшим в 40-е года XX века в США. Тогда это были поклонники джаза, подражавшие образу жизни своих кумиров —

джазовых музыкантов. Автор статьи считает, что современная субкультура хипстеров в этом смысле близка к субкультуре из прошлого, только образцами для подражания становятся музыканты современных инди-групп, а также тиражируемые медиа и корпорациями коммерциализированные образы «человека будущего»: молодого, прогрессивного пользователя интернета, активного потребителя, постоянно находящегося в поисках новых модных трендов. Стивен Джейкобс из Университета Флориды так комментирует это: «Чтобы быть хипстером, тебе нужно есть, пить и закупаться там, где это делают хипстеры» [4].

Как упоминалось выше, зачастую мотивом вступления в ту или иную субкультуру для молодежи является протест. Если в случае субкультуры хиппи, это протест против объективного явления (война), то для большинства современных субкультурных течений свойственно желание выделиться. При этом современный субкультурный фон настолько перегружен, что стираются рамки массовой культуры. В этой ситуации молодым людям становится все сложнее находить и доказывать

свою исключительность. Поэтому субкультура хипстеров, формально пропагандирующая идеологию нонконформизма, непохожести, де-факто диктует жесткие стандарты в одежде, взглядах и поведении. Например, образ современного хипстера не является законченным без солнцезащитных очков фирмы «Ray-Ban» и техники компании «Apple». Лорен Элфри из Университета Джорджтауна замечает: «В то время как хипстерство становится все менее и менее обособлено как группа, все сложнее сказать, кого можно назвать хипстером» [5]. Все это заставляет автора статьи причислить субкультуру хипстеров к стилистическо-мировоззренческим.

С другой стороны, хипстерство не несет в себе какой бы то ни было политический оттенок, поэтому от региона к региону этот аспект ее мировоззрения может меняться. В США хипстеры — это подчеркнуто аполитичные граждане, зачастую безразличные не только к политической жизни, но и любой другой общественной жизни за пределами их узкого круга общения. В России же (во многом благодаря участиям в ранних акциях протеста) за хипстерами закрепился имидж как минимум политически равнодушных, а возможно, и активных граждан, придерживающихся либеральных ценностей. Утверждение о высокой политической активности автор статьи считает спорным, при этом соглашаясь с либеральной приверженностью: хипстеры ориентированы на Запад, в котором то, что считается либерализмом в России, является естественными, нормальными условиями общественной-политической, культурной жизни.

Современное состояние протестного движения, характеризующееся снижением числа участников акций, можно обосновать рядом факторов: ужесточение законодательства в сфере организации, проведения митингов и участия в них, разнонаправленность политических сил, составляющих это движение, деятельность федеральных СМИ по очернению образа участников акций протеста. При этом автор данной статьи считает важным фактором отвлечение внимания современной молодежи, в том числе и состоящей в субкультуре хипстеров от акций протеста. Это вызвано потерей уникальности данных событий, когда они из яркого впечатления, которым можно было похвастаться перед друзьями в социальной сети, перерастают в рутинную политическую борьбу.

Проведенное учеными Гарвардского университета среди 200 студентов колледжей исследование в социальной сети Facebook показывает, что ученики начинали менять свои музыкальные предпочтения, как только видели, что их любимую инди-группу поддерживают нажатием кнопки лайк их друзья. Таким образом, стремление к непохожести становилось важнее своих взглядов и подталкивало к поиску новых музыкальных коллективов, которые еще не известны товарищам. Как прокомментировал ведущий исследователь этой группы Кевин Люис, «Значение предпочтений инди и альтернативной музыки не только в самих предпочтениях, но также и в том, чтобы быть единственным в своем кругу друзей, который их выражает» [6].

Возвращаясь к российским реалиям хипстерства, сложно сделать однозначный вывод о том, будет ли данная возрастная группа принимать активное участие в развитии протестного движения в России в дальнейшем. Безусловно, российское хипстерство возникло не как форма политического протеста, но смогло реализовать себя в том числе и в его рамках, поймав «тренд». Судьба протестного движения во многом будет зависеть от лидеров, которые должны предоставить молодежи интересную повестку, дать возможность для реализации своих талантов, при этом не забывая о демонстрации исключительности каждого. В этом свете хипстеры и любая другая молодежь представляется интересным и энергичным электоратом (в противовес более взрослому поколению, которое в России имеет невысокую политическую активность), умелое управление, которым способно дать импульс развитию протестного движения.

Список литературы

1. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации //Гуманитарное знание: теория и методология. – 2009. - № 3. – С. 51-56.
2. Митинг 4 февраля на Болотной площади: результаты опроса участников //Пресс-выпуск № 1954 ВЦИОМ.

3. Митингующие в Москве: кто, зачем и как вышел на проспект Сахарова в субботу? //Пресс-выпуск № 1917 ВЦИОМ.

4. Zilio L. Hipster subculture embraces Gainesville [Электронный ресурс]:

5. Alfrey L. The search for authenticity: how hipsters transformed from a local subculture to a global consumption collective Сайт Университета Джорджтауна [Электронный ресурс]: <http://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/552895/alfreyLauren.pdf?sequence=1>

6. Daniels A. The scientific reason why you're a hipster // Men's Health. – 2011. – December 23 [Электронный ресурс]: <http://news.menshealth.com/science-of-hipsters/2011/12/23/>

Сведения об авторах

Колтунов Дмитрий Анатольевич, к. с. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел.: 8(3452)208456

Koltunov D. A., Candidate of Sociological Sciences, associate professor of the chair of marketing and municipal management, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)208456

УДК 316.653

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ИЖДИВЕНЦА ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

A SOCIAL PORTRAIT OF A DEPENDENT IN THE EYES OF POPULATION OF TYUMEN REGION

И. С. Кузнецов

I. S. Kuznetsov

Ключевые слова: социальное иждивенчество, социальное исследование, контент-анализ, социальный статус, анкетирование, феномен иждивенчества

Key words: social dependence, social research, content-analysis, a social status, questioning, phenomenon of dependence

Приводятся результаты анализа черт личности, присущих социальному иждивенцу в глазах населения Тюменской области. В качестве инструментов исследования применялись контент-анализ и анкетный опрос респондентов. Составлен социальный портрет иждивенца, проанализированы вероятные причины и способы преодоления социального иждивенчества.

The article presents the results of the analysis of a person's characteristics inherent in a social dependent in the opinion of the Tyumen region population. As tools of research the content-analysis and questionnaire of respondents were applied. Based on the received data a dependent social portrait was prepared and the probable reasons and the ways to overcome the social dependence were analyzed.

Социальное иждивенчество составляет неотъемлемый компонент сложившейся в обществе непростой социальной ситуации. Многократно упоминаемый в научной и публицистической литературе, этот феномен пока не имеет однозначной характеристики в отечественной и иностранной науке [1].

Многие авторы не пришли к единому мнению, что следует считать социальным иждивением и кого, соответственно, следует относить к группе социальных иждивенцев.

Нет однозначного ответа на вопросы о причинах и симптомах социального иждивенчества, а также уровне иждивенчества в современном российском обществе. Здесь называют неэффективность системы социальной помощи, ослабление социализирующей функции общеобразовательных учреждений, семейное неблагополучие, отсутствие четкой социальной ориентации и системы ценностей [2, 3].

Большинство авторов, соглашаясь с актуальностью проблемы иждивенчества и необходимостью снижения его уровня в обществе, тем не менее, расходятся в методах, способах и инструментах, позволяющих эффективно решить этот вопрос. Предлагаются зачастую диаметрально противоположные меры: от полного исключения некоторых категорий людей из числа лиц,

получающих социальную помощь, до совершенствования и переориентации социальных институтов и качественного/количественного увеличения объемов этой самой помощи.

Таким образом, назрела объективная необходимость в проведении диагностики того, как общество относится к феномену социального иждивенчества, самим социальным иждивенцам, и какие способы предлагают люди для решения данной проблемы.

В рамках проведенного предварительного социологического исследования нами сделана попытка выявить отношение окружающих людей собственно к феномену иждивенчества как таковому, так и к иждивенцам: выявить черты социального «портрета» иждивенца в сознании современного человека.

В результате контент-анализа свыше 500 наименований литературы и источников в интернете, установлено, что большинство авторов склонны характеризовать феномен иждивенчества эмоционально и негативно (причем подобное отмечается в материалах публицистического характера и в текстах, претендующих на научность изложения, статьях и монографиях).

Лишь в незначительном проценте случаев (11%) иждивенчеству дается какое-либо определенное толкование. В остальных случаях, даже будучи частью заголовка статьи/работы, смысл термина не раскрывается. В большинстве случаев термин «социальное иждивенчество» упоминается в работе не более 1–2 раз на 80–100 строчек текста.

Негативное отношение к феномену социального иждивенчества демонстрируется, в основном, в рамках публицистических статей и субъективных мнениях пользователей интернета. В то же время следует отметить неоднозначное мнение по данному вопросу участников дискуссий в интернет-блогах и форумах. Научные статьи, монографии, авторефераты диссертационных работ и тезисы докладов, в которых встречаются упоминания о социальном иждивенчестве, составляют небольшую процент от числа исследованных источников (менее 5%), и в большинстве случаев данная проблема не является целевой. Вопросу иждивенчества в современном социуме посвящено не более десятка статей и лишь порядка 6-ти упоминаний в монографиях/авторефератах.

Таким образом, при достаточно широком употреблении термина «социальное иждивенчество» — он встречается в публицистических материалах и в научных статьях, заявлениях правительственных чиновников, политиков и руководителей различного уровня — по-прежнему невысок уровень конкретики и нет определенности в понимании самой сути феномена и четкости критериев, по которым можно определить принадлежность того или иного индивида к категории иждивенцев. Также отсутствует единство в понимании термина «социальный иждивенец» и оценке степени опасности социального иждивенчества для общества.

На следующем этапе исследования (анкетирование респондентов из числа населения Тюменской области) ставили целью получить ответы на вопросы: кого люди воспринимают в качестве социальных иждивенцев, как к ним относятся, какими критериями пользуются при идентификации социального иждивенца и какими качествами личности и характера наделяют их в своем понимании.

Провели анкетирование 300 жителей Тюменской области, включая автономные округа, в возрасте от 18 до 78 лет широкого спектра профессиональной занятости. 54% выборки составили мужчины, 46% — женщины. Средний возраст опрошенных составил 26 лет. 17% — рабочие предприятий, 16% — инженерно-технические работники, 14% — работники аппарата предприятий, учреждений, 2% — учителя, врачи, 45% — студенты высших учебных заведений различных специальностей, 6% — домохозяйки и безработные.

Свыше 42% опрошенных сочли иждивенчество социальным пороком. Примерно равное число респондентов воспринимают иждивенчество как естественную черту человеческого характера (25%) либо как неотъемлемый социальный институт (28%).

В отношении состава иждивенцев как социальной группы высказаны следующие мнения: в качестве иждивенцев 66% опрошенных воспринимают, в первую очередь, безработных.

На втором месте дети (56%), далее студенты (44%). Интересно, что последнее мнение высказывают и сами студенты, составившие значительную часть респондентов. Инвалидов считают иждивенцами 39% опрошенных, 34% отнесли к этой категории малообеспеченные семьи и 30% — нищих (бедных) вообще. Домохозяйки и бездомные (бомжи) выделяются в качестве целевого объекта исследования в 23 и 22% анкет соответственно. Любопытно, что вопреки действующему законодательству и широко представленной в различных источниках точке зрения, лишь 18% опрошенных отнесли к группе социальных иждивенцев пенсионеров.

Статус иждивенца определяется, в первую очередь, регулярным получением материальной помощи со стороны общества/других людей (50% опрошенных). Вторая значимая точка зрения выделяет в качестве базового критерия доходы ниже прожиточного минимума (32%). Следует

отметить тесную логическую взаимосвязь между этими параметрами: опрос подтверждает точку зрения, что люди с низкими доходами являются «группой риска» в плане превращения в иждивенцев.

Индивидуальные черты личности социального иждивенца, его «социальный портрет» в сознании современного человека, по мнению респондентов, складывается из следующих основных компонентов:

- лень — 39% опрошенных;
- склонность к зависимости (пьянство и т.д.) — 33% опрошенных;
- социальный пессимизм — 30% опрошенных;
- безответственность — 29% опрошенных;
- неуверенность в себе — 28% опрошенных.

Далее с большим отрывом идут инертность (20%), замкнутость (14%) и цинизм (12%).

Среди причин иждивенчества респонденты называют, прежде всего, алкогольную и наркотическую зависимость (34%), упадок производства (31%), недостатки воспитания (30%) и несовершенство системы социальной защиты населения (28%). Далее следуют безработица, низкая заработная плата и ментальность (24, 23 и 22% респондентов соответственно).

Бюрократия называется в качестве причины иждивенчества в два раза чаще, чем криминогенная обстановка (16 и 8% опрошенных соответственно).

71% опрошенных считают уровень иждивенчества в обществе на текущий момент высоким. 56% полагают необходимым бороться с иждивенчеством.

Значительный процент опрошенных относится к иждивенчеству негативно (23%) или равнодушно (23%), однако, большинство демонстрирует терпимое или даже положительное, сочувствующее отношение (50%).

Около 54% опрошенных считают, что иждивенчество негативно влияет на жизнь социума.

Повышение зарплаты, в том числе за тяжелые, неквалифицированные виды труда, указано в качестве меры по снижению уровня иждивенчества в 61% анкет. Увеличение количества рабочих мест занимает второе место по частоте упоминания — 52%. Далее следует ограничение миграции трудовых ресурсов из-за рубежа — так считают 46% респондентов. Развитие системы переобучения и социальной адаптации для безработных следует за первыми тремя позициями с большим отрывом (35% респондентов).

Сокращение размеров социальной помощи и ограничение возможного периода получения пособия лишь небольшая часть опрошенных (7–8%) признала эффективными инструментами по снижению уровня иждивенчества в обществе.

На основе полученного материала можно сделать следующие предварительные выводы: большинство людей осознают опасность высокого уровня иждивенчества в современном российском обществе, однако, отдают себе отчет о невозможности и ненужности полного устранения иждивенчества, поскольку оно способно играть и положительную роль.

Люди считают необходимым снизить уровень социальной нагрузки иждивенцев на общество, однако, к самим иждивенцам относятся не враждебно, а скорее сочувственно, терпимо и даже гуманно. При этом 68% опрошенных относятся к перспективе оказаться в числе иждивенцев спокойно или безразлично.

В представлении большинства опрошенных иждивенцами являются безработные, малообеспеченные либо нетрудоспособные по возрасту и состоянию здоровья. Пенсионеры рассматриваются в качестве иждивенцев небольшой частью опрошенных, что представляется естественным с учетом тесной социальной связи между поколениями, традиционной для нашей страны.

Основные критерии, по которым люди определяют статус иждивенца, — материальная зависимость индивида от общества и других людей, а также низкий уровень самообеспечения, низкие доходы.

«Социальный портрет» иждивенца представлен скорее в отрицательных, «темных» тонах и по преимуществу не включает положительных черт личности и характера. Лень, склонность к алкогольной и наркотической зависимости, пессимизм и безответственность, неуверенность в себе — все эти черты демонстрируют нам уверенность опрошенных людей в том, что иждивенец (речь, разумеется, идет о совершеннолетнем, экономически и социально активном человеке) в значительной мере сам является причиной своего социального статуса, вследствие чего нуждается во внешней помощи для выхода из тяжелой жизненной ситуации. Это подтверждается ответами на вопрос о причинах высокого уровня иждивенчества: большинство из наиболее часто называемых причин носит скорее внутренний характер (алкогольная и наркотическая зависимость, недостатки воспитания, склад ума и личности). Упадок производства и, как следствие, рост безработицы в

сочетании с несовершенной системой социальной защиты (внешние, объективные причины иждивенчества) встречаются в ответах опрошенных реже. Тем не менее, именно исправление ситуации на рынке труда, повышение минимальных окладов и заработной платы в сочетании и с увеличением числа рабочих мест является, по мнению респондентов, наиболее эффективными инструментами по снижению уровня иждивенчества [4].

Лишь незначительная часть опрошенных предлагает в качестве меры по борьбе с иждивенчеством снижение размеров и продолжительности получения материальной помощи. Данный факт может свидетельствовать об общем гуманном отношении к иждивенцам и о понимании необходимости института социального иждивения в развитом обществе.

Общая уверенность опрошенных в высоком уровне иждивенчества в обществе и негативном его влиянии на жизнь социума еще раз подтверждает актуальность данной проблемы и необходимость поиска адекватных путей ее решения.

Список литературы

1. Кузнецов И. С. Роль иждивенчества в системе социального обеспечения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2009. - №3. - Тюмень: изд-во ТюмГНГУ. - С. 72–75.
2. <http://oscar.chat.ru/in908.htm> [Электронный ресурс]
3. <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/292%28П%29/image/292-2-360.pdf> [Электронный ресурс]
4. Кузнецов И. С. Кадровая политика как инструмент противодействия социальному иждивенчеству // Антикризисное управление: производственные и территориальные аспекты: сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 21–22 мая 2009 г. / НФИ ГОУ ВПО «КемГУ»; под общ. Ред. И. Г. Степанова. – Новокузнецк, 2009 г. – С. 329–333.

Сведения об авторе

Кузнецов Иван Сергеевич, ассистент кафедры «Экономика, организация и управление производством», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел.: 8 (3452)466158,

Kuznetsov I. S., assistant of the chair «Economy, organization and production management», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452) 466158

УДК 316.423

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ SOCIAL STRATIFICATION OF KRASNOYASK KRAI POPULATION: CLUSTER ANALYSIS

Е. П. Старикова

E. P. Starikova

Ключевые слова: социальный капитал, социальный класс, социальная стратификация, культурный капитал, эмоциональный капитал, социальные группы

Key words: emotional capital, social capital, cultural capital, social stratification, social groups, self-education, correlative analysis

Рассмотрены результаты кластеризации и исследования профилей кластеров, выделенных по таким признакам, как материальный достаток респондентов и самоидентификация с определенным социальным слоем. Материалом исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного в 2011 году среди жителей Красноярского края, нацеленного на многофакторное понимание и изучение социального капитала, его распределение в регионе.

The results of clusterization and study of clusters' profiles identified by such criteria as material welfare of respondents and their self identification with a certain social layer are presented. As a material for the research the results of the questionnaire run in 2011 among the population of Krasnoyarsk territory and aimed on multi-factor understanding and study of the social capital and its distribution in the region were used.

Полученные нами результаты кластерного анализа соотносимы с результатами кластеризации в пространстве признаков: «материальное положение», «образование» и «власть», в ходе исследования социокультурных портретов регионов в общероссийском контексте [1], когда было выбрано оптимальное число кластеров равное пяти, отражающее особенности социальной стратификации российского общества.

Кластерный анализ в данном пространстве признаков позволил выделить пять кластеров (табл. 1, 2), которые были охарактеризованы нами как: 1 кластер (115 респондентов) — средний слой, испытывающий материальные затруднения; 2 кластер (171 респондент) — слой ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений; 3 кластер (232 респондента) — слой выше среднего, наиболее обеспеченный материально; 4 кластер (126 респондента) — слой ниже среднего, нуждающийся материально; 5 кластер (425 респондентов) — средний слой, относительно удовлетворенный своим материальным положением.

Таблица 1

Социальная самоидентификация респондентов, вошедших в кластеры

Характеристика слоя	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Высший	3	0	6	0	3
Выше среднего	7	0	50	0	24
Средний слой	105	0	161	0	398
Ниже среднего	0	151	15	86	0
Нижний слой	0	20	0	40	0

Таблица 2

Материальное положение респондентов, вошедших в кластеры

Материальное положение	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Денег не хватает на повседневные затраты	43	0	0	51	0
На повседневные затраты уходит вся зарплата	72	0	0	75	0
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднена	0	72	0	0	112
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов приходится копить	0	99	0	0	313
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры	0	0	203	0	0
Почти ни в чем себе не отказываем	0	0	29	0	0

Таким образом, вместо традиционных градаций «бедные — низший слой», «обеспеченные — слой выше среднего», мы имеем возможность выделить дополнительные группы, где переменные образуют нелинейные взаимосвязи, выражающиеся в противоречии между социальной самоидентификацией и доходом. Указанные кластеры представляют следующие группы: люди с низким доходом, относящие себя к среднему слою (1 кластер) и слой по самоидентификации ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений (2 кластер). Анализ профилей кластеров позволяет установить значимые тенденции, касающиеся распределения социального капитала.

В ходе анкетного опроса для анализа уровня уверенности в собственном будущем респондентов задавался вопрос: «Насколько вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» с предложенными вариантами ответов: 1 — вполне уверен (а); 2 — скорее уверен (а), чем нет; 3 — не

могу сказать точно; 4 — скорее не уверен (а), чем уверен; 5 — совершенно не уверен (а). Указаны средние для кластеров уровни уверенности респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Уверенность в будущем

Номер кластера	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Среднее	2,7	3,1	2,2	3,5	2,4

Следует отметить нелинейность во взаимовлиянии материального достатка и уверенности в будущем. Наиболее уверенно чувствуют себя наиболее обеспеченные материально (3 кластер); наименее уверенно оценивают свое будущее представители 4 кластера, состоящего из малообеспеченных респондентов; с другой стороны — представители 1 кластера (средний слой, испытывающий материальные затруднения) чувствуют себя более уверенными по сравнению с представителями 2 кластера (более обеспеченными — слой ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений). Данное различие позволяет предполагать наличие дополнительных ресурсов, которые могут указывать на соответствующие формы социального, культурного капитала, влияющие на такие показатели, как самоидентификация с социальным слоем, уверенность в будущем. Те же тенденции присутствуют и в самооценке респондентами возможности влиять на ход своей жизни.

Респондентам задавался вопрос «Как вы считаете, насколько Вы можете влиять на ход своей жизни? При ответе используйте 10-ти балльную шкалу, где 1 означает, что Вы совсем не можете влиять на свою жизнь, а 10 — что все зависит от Вас». Средние значения ответов по выделенным кластерам представлены в таблице 4.

Таблица 4

Самооценка возможности влиять на ход своей жизни

Номер кластера	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер
Среднее	7,7	6,9	8,3	6,1	7,7

Объем социальных связей для представителей разных кластеров также демонстрирует прямую взаимосвязь с уровнем материального положения и с социальной самоидентификацией. Для оценки объема социальных связей респондентам предлагалось ответить на два вопроса: «Как вы думаете, сколько людей (за исключением родственников) вспомнят о вашем дне рождения?» (1 — «от 0 до 5»; 2 — «от 6 до 15»; 3 — «от 16 до 25»; 4 — «от 26 и выше»); «Как вы думаете, сколько ваших знакомых готовы оказать вам срочную помощь при необходимости?» (1 — ни один; 2 — от 1 до 3; 3 — от 4 до 6; 4 — от 7 до 10; 5 — более 10). Средние значения ответов респондентов представлены в таблице 5.

Таблица 5

Объем социальных связей

Номер кластера	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер
Среднее ответов на вопрос «Сколько людей вспомнят о вашем дне рождения?»	2,0	1,8	2,2	1,6	2,0
Среднее ответов на вопрос «Сколько ваших знакомых готовы оказать вам срочную помощь при необходимости?»	2,7	2,5	3,0	2,3	2,8

Исследование источников внутренних сил респондентов позволяет интегрально оценить специфику системы ценностей представителей разных кластеров. Респондентам задавался вопрос: Что для вас является источником внутренних сил, дает вам энергию, волю к жизни? Все нижеперечисленные возможные источники внутренних сил, энергии, воли к жизни респонденты должны были оценить по трехбалльной шкале: 3 — «Самое главное для меня», 2 — «Иногда», 3 — «Не является». Средние значения ответов респондентов в целом для жителей региона и по кластерам представлены в таблице 6.

Таблица 6

Источники внутренних сил

Источник	По региону	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Занятия творчеством	1,7	1,7	1,7	1,9	1,7	1,7
Занятия спортом	1,8	1,8	1,6	2,0	1,5	1,8
Увлечение искусством (эстетические переживания)	1,6	1,5	1,5	1,6	1,5	1,5
Религиозные, духовные переживания	1,4	1,5	1,5	1,4	1,5	1,4
Профессия	2,1	2,1	1,9	2,2	1,8	2,1
Семья	2,8	2,8	2,7	2,8	2,7	2,8
Психологические приемы, саморегуляция, медитативные практики	1,5	1,5	1,5	1,6	1,4	1,5
Конкуренция, чувство соперничества	1,6	1,5	1,4	1,7	1,4	1,6
Путешествия	2,0	2,0	1,7	2,2	1,8	2,0

Для всей совокупности респондентов характерна высокая оценка «семьи», «профессии», но низкая — для «религиозных, духовных переживаний», «конкуренции, чувству соперничества». Сравнение средних по кластерам показало, что кластер 3 в целом имеет больше источников внутренних сил, чем остальные — для него характерен интерес к творчеству, спорту, путешествиям. Кластер 4 отличает низкий интерес ко всем категориям, кроме семьи. Те же тенденции характерны для

кластера 2, чьи оценки лишь немного позитивнее. Кластеры 1 и 5 схожи в своих предпочтениях, занимают среднюю позицию между 3 и 4 кластерами.

Для выявления отдельных составляющих социального и культурного капитала мы исследовали коммуникативные компетенции респондентов. Респондентам было предложено оценить по четырехбалльной шкале, какими навыками и в какой степени они обладают: «Практически нет» (не обладаю), «Иногда, при благоприятных обстоятельствах», «Так же как все», «Это мой козырь» (табл. 7).

Таблица 7

Коммуникативные компетенции

Компетенция	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер
Способность убеждать других	2,6	2,5	2,7	2,3	2,6
Понимание собеседника	3,1	3,0	3,2	3,0	3,1
Остроумие, умение тонко и иронично подметить суть проблемы	2,6	2,5	2,8	2,4	2,7

Навыки выступления перед публикой	2,1	2,1	2,4	2,0	2,2
Способность выражать свои чувства	2,6	2,5	2,8	2,6	2,7

Представители кластера 3 (наиболее обеспеченные респонденты, причисляющие себя к слою выше среднего) наиболее высоко оценивают свои коммуникативные способности. Наименее компетентными в коммуникации считают себя представители кластера 4 (слой ниже среднего, нуждающийся материально). Кластеры 1, 2, 5 занимают промежуточное положение: кластер 5 (средний слой, не стесненный материально) несколько позитивнее в оценках своего коммуникативного облика, чем 1 (средний слой, материально не обеспеченный), 2 (слой ниже среднего, которому «на все хватает»); при этом кластер 1 по ответам более высокого мнения о своих коммуникативных навыках. Можно сделать предположение, что развитость и востребованность коммуникативных компетенций являются составляющей культуры социальных слоев от среднего и выше; чем слой ниже, тем он более коммуникативно ограничен или меньше способствует развитию соответствующих компетенций.

Известно, что важную роль для современной социальной стратификации играет уровень образования. Сравнение кластеров по уровню образования респондентов показало, что образование играет важную роль в процессе социальной стратификации, является одной из форм культурного, символического капитала. Представители кластеров 3 и 5 (относящие себя социально привилегированным среднему и выше среднего слоям, материально успешные) отличаются самым высоким уровнем образования. Кластер 4, наоборот, демонстрирует наименьший уровень.

Еще более выраженные различия между кластерами можно обнаружить в оценке значимости самообразования. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какие конкретные шаги Вы предпринимаете по самообразованию?» Было предложено 9 основных направлений самообразования, которые оценивались по четырехбалльной шкале: 4 — «Это мое серьезное увлечение», 3 — «Интересуюсь по мере возможности», 2 — «Когда-то увлекался», 1 — «Практически нет».

Наиболее активные и заинтересованные в обучении представители кластера 3 (обеспеченные респонденты, относящие себя к слою выше среднего) стараются по мере возможности использовать все указанные образовательные ресурсы (за исключением психической саморегуляции и религиозной литературы); их предпочтения в области самообразования — литература по профессии (в среднем — 2,8), научно-познавательная (2,4), творческая деятельность (2,4). Кластер 5 сравним с кластером 3 в своем стремлении к самообразованию: однако, в списке предпочтений представителей кластера 3 в большей степени появляется изучение компьютерных программ (2,2). Оставшиеся кластеры демонстрируют довольно низкий интерес к серьезному искусству, литературе по бизнесу, по психологии, саморегуляции, религиозной и духовной культуре (средние значения — ниже 2, между «Когда-то увлекался» и «Практически нет»). Стабильным остается лишь интерес к профессиональной и научно-познавательной литературе (либо увлекались, либо интересуются по мере возможности), а для кластеров 1 и 2 как минимум увлекались изучением новых компьютерных программ и творчеством.

С нашей точки зрения, важной частью социального капитала является «капитал эмоциональный», который заключается в умении правильно реагировать на окружающий мир, взаимодействовать с ним посредством определенных эмоций, умение самостоятельно находить в себе внутренние силы для достижения цели, поддерживать оптимальный уровень психической энергии.

Респондентам был задан вопрос «Каков ваш уровень внутренней силы, энергии, готовности к активному действию? Отметьте, как часто вы испытывали перечисленные состояния за последнее время». Кластер 3 (обеспеченные представители слоя выше среднего) демонстрирует относительно продолжительные позитивные эмоции: «чувство спокойной уверенности в своих силах, удовлетворенность собой», «прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы», «огромный прилив сил, вдохновение». Аналогичные результаты отличают представителей кластера 5 — обеспеченных представителей среднего класса, которые совсем немного уступают в позитивном настрое кластеру 3

(по анализу мод). Более обширный эмоциональный диапазон демонстрируют кластеры 1 (материально малообеспеченные представители среднего класса) и 2 (обеспеченный слой ниже среднего). Кластер 1 отмечает, что в основном, «не наблюдает особой энергии, но есть желание изменить ситуацию», реже — «чувствует спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой», изредка испытывает «прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы». Кластер 2 также чаще всего «не наблюдает особой энергии, при желании изменить ситуацию», иногда чувствует спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой, но периодически — «сил не хватает, ощущается полная усталость». Кластер 4 (слой ниже среднего, материально нуждающийся) гораздо чаще всех остальных «не наблюдает особой энергии, при желании изменить ситуацию», достаточно часто «сил не хватает, ощущается полная усталость», но изредка к нему возвращается «спокойная уверенность в своих силах, удовлетворенность собой». Сохраняется связь между уровнем материального благосостояния и эмоциональным состоянием, уровнем внутренней энергии респондентов: связь в принципе нелинейная.

В целом нами показана возможность использования метода кластеризации для изучения нелинейных закономерностей взаимовлияния факторов. Сравнительный анализ профилей кластеров позволил выявить значимость таких факторов, как объем социальных связей, коммуникативные навыки, образование и самообразование, коммуникативные компетенции, «эмоциональный капитал» для формирования, развития и реализации совокупного социального капитала личности и группы.

Список литературы

1. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2009. – 808 с.

Сведения об авторе

Старикова Евгения Павловна, аспирант кафедры социологии, Сибирский федеральный университет, г.Красноярск, тел.: 89504288476, e-mail: stevgeniya@yandex.ru

Starikova E. P., post graduate student of the chair of sociology, Siberian Federal University of Krasnoyarsk, phone: 89504288476, e-mail: stevgeniya@yandex.ru

УДК 316.752.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ГРАЖДАН НА ИХ РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ INFLUENCE OF THE VALUE ORIENTATIONS OF CITIZENS UPON THEIR REPRODUCTIVE BEHAVIOR

О. В. Устинова, А. В. Артюхов
O. V. Ustinova, A.V. Artyukhov

Ключевые слова: ценностные ориентации, воспроизводство населения, репродуктивное поведение, рождаемость
Key words: value orientations, population reproduction, reproductive behavior, birth rate

Представлены результаты исследования значимости для граждан ценности «желания иметь детей», а также ее влияния на репродуктивное поведение граждан.

The article presents the results of study of importance of citizens' «will to have children» value and its influence on their reproductive behavior.

Репродуктивное поведение граждан представляет систему действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребёнка в браке или вне брака.

При условии, что число детей в семье соответствует потребности супругов в детях, то никакое улучшение условий жизни не приведёт к повышению этого числа. Но если имеющееся число детей меньше уровня потребности, тогда улучшение условий реализации этой потребности способно повысить число деторождений [1].

Потребность в детях во многом зависит от ценностных ориентаций граждан, в связи с чем актуальным становится выявление места ценности «желания иметь детей» в общей системе ценностных ориентаций личности.

С целью выявления степени значимости для граждан ценности желания иметь детей, авторами статьи проведен опрос 526 жителей г. Тюмени в возрасте от 16 до 40 лет. Выборка соответствует критериям репрезентативности, определенным в соответствии методиками расчета Э. Ноэль [2] и В. Ядова [3]. Ошибка выборки не превышала 5%.

Респондентам предложили проранжировать в порядке убывания ценностные ориентации личности. Исходной гипотезой исследования выступал тезис о том, что в современной системе ценностей граждан деторождение не является приоритетным.

Анализ ответов респондентов позволил установить, что рождение одного ребенка в семье, как ценность, жителями г. Тюмени отнесено на пятое место (таблица).

Распределение ответов респондентов на вопрос о преобладающих ценностных ориентациях личности, %

Ценностные ориентации	Ранг	Доминантная группа	В том числе	
			Женщины	Мужчины
			Ранг (% упоминаний данной позиции)	
Карьерный рост	1	Ж 20–24	1 (69,0)	2 (60,8)
Материальное благополучие	2	М 15–24	2 (57,3)	1 (66,3)
Решение жилищного вопроса	3	Ж 25–39	4 (49,5)	5 (48,6)
Профессиональная самореализация	4	М 20–24	6 (34,9)	3 (56,7)
Один ребенок	5	Ж 20–24	5 (40,3)	7 (38,8)
Крепкий брак	6	Ж 15–29	3 (51,2)	10 (24,1)
Занятие любимым делом	7	М 25–29	10 (15,1)	4 (50,2)
Личная свобода	8	М 20–29	9 (19,1)	6 (40,7)
Хорошее здоровье	9	МЖ 25–40	8 (29,7)	8 (33,4)
Два ребенка	10	Ж 25–29	7 (32,1)	11 (12,3)
Общественное признание и уважение	11	М 30–34	11 (9,5)	9 (30,0)
Три ребенка и более	12	МЖ 30–34	12 (4,4)	12 (6,1)
Процент к выборке		–	54,4	45,6

Очевидно, что желание иметь двух и более детей женщины и мужчины, среди ценностных ориентаций ставят в конец списка. При этом в разрезе возрастных групп наблюдаются различия, которые, тем не менее, не приносят оптимизма в сложившуюся ситуацию. 26,2% молодежи в возрасте до 25 лет не хотят иметь детей, а 39% хотят иметь не более одного ребенка (рис. 1).

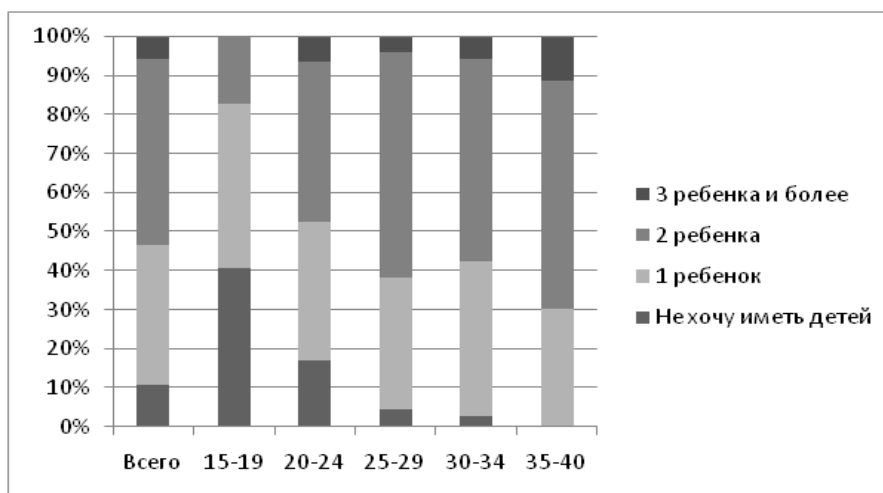

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о желаемом количестве детей, % к общему числу респондентов в возрастной группе

Опираясь на данные статистики, пик рождаемости в России приходится на женщин в возрасте от 20 до 24 лет. В то же время, согласно проведенному опросу, большинство женщин этой возрастной группы (80,6%) высказались в пользу рождения одного (32,8%) или двух (47,8%) детей.

Также прослеживается тенденция сокращения доли респондентов, указывающих на нежелание иметь детей, по мере увеличения возраста, а также рост доли лиц, желающих иметь двух детей. Примечательно, что доля лиц, предпочитающих иметь одного ребенка в разрезе возрастных групп не меняется, однако, в индивидуальном разрезе наблюдается следующая значимая закономерность: по мере увеличения возраста жители г. Тюмени «увеличивают» свои ожидания по поводу количества детей. Тем не менее, говорить о позитивной динамике воспроизводства населения в перспективе не приходится, так как доля респондентов, желающих иметь трех и более детей, не велика.

Анализ причин сложившейся ситуации позволил сделать ряд выводов. По мнению авторов, факторы, оказывающие негативное влияние на воспроизводство населения, можно систематизировать в две группы. Первая группа представлена первичными факторами, связанными с социально-экономическими условиями воспроизводства и порождающими ценностные установки, не способствующие рождаемости. В их числе низкое качество жизни населения, особенно ярко выраженное в малообеспеченных и неполных семьях. Вторая группа включает вторичные факторы, непосредственно связанные с процессом «выращивания» детей: наличие детских садов, доступных и качественных медицинских услуг.

Проведенный опрос позволил установить, что респонденты готовы находить консенсус между ценностью карьерного роста и материального благополучия, с одной стороны, и рождением детей, с другой. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство мужчин и женщин, принимавших участие в опросе, в качестве сдерживающего фактора рассматривают отсутствие детских садов, что косвенно указывает на готовность обзаводиться потомством, если это не будет препятствовать карьере (рис. 2).

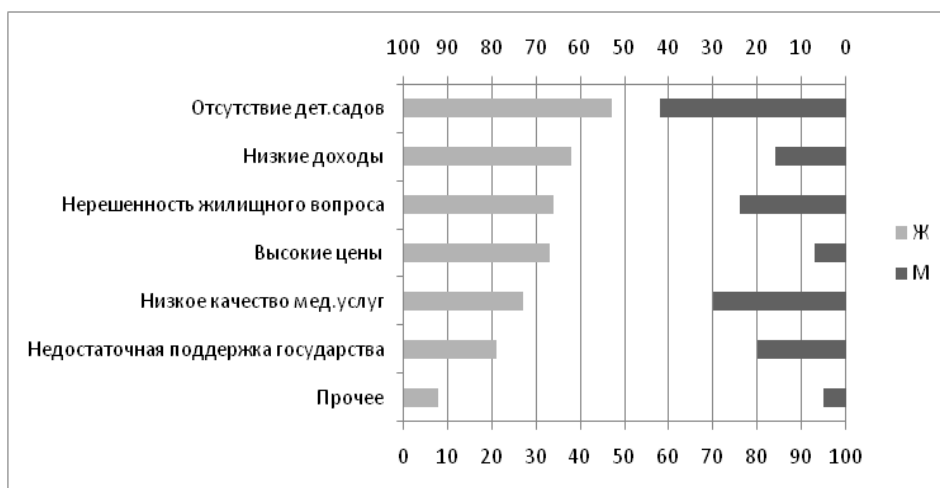

Рис. 2. Распределение мнений респондентов по поводу факторов, препятствующих росту рождаемости, % к общему числу респондентов в возрастной группе

Полученные результаты согласуются с выводами ВЦИОМ, по данным которого основными проблемами материнства и детства в России являются низкий уровень жизни и высокие цены (20%), недостаточные детские пособия (19%), нехватка мест в детских садах (17%), неудовлетворительное функционирование системы здравоохранения (13%). Несколько менее выраженными, но столь же существенными, являются проблемы жилищной обеспеченности, безработицы, социальных заболеваний [4].

В то же время усиленный акцент государства на социально-экономических механизмах реализации политики в области репродуктивного поведения (материнский капитал, выделение земли и выплата дополнительных пособий многодетным семьям и т.д.) не дают столь ожидаемого положительного эффекта. Более того, у разных людей критерии оценки различны, поэтому одни и те же условия жизни могут восприниматься одними как благоприятные, другими - как неблагоприятные для реализации потребности в детях [1]. Поэтому, нельзя с уверенностью говорить (и это подтверждают многочисленные исследования) о наличии корреляционной зависимости уровня материального благосостояния граждан и их репродуктивного поведения.

Большинство современных ученых [4, 5, 6] говорят о приоритетности социокультурного, ценностного (аксиологического) фактора в управлении процессом воспроизводства населения в целях повышения рождаемости. Необходимо учитывать, что репродуктивное поведение зависит от ценностей, принятых в обществе норм детности, потребностей и субъективного восприятия обстоятельств (ситуаций образа жизни, воспринимаемых через систему диспозиций).

В современном обществе ценности детности потеряли свою значимость, оказались размыты в «системе диспозиций», социальных мотивах потребности в детях и понятии репродуктивных норм. Иногда само понятие ценности как принципа или идеи подменяется важностью, значимостью (детей, семьи) или «потребностью высокого уровня» в уважении, любви, самореализации и пр.

Ценности всегда действуют опосредованно, их влияние косвенно. Ценности, интерпретируемые как социокультурные, репродуктивные нормы, могут оказывать влияние на репродуктивное поведение. Это влияние будет куда менее значимо, нежели влияние общекультурных ценностей, как неизменных абсолютных «принципов, идеалов, понятий добра и зла» [7]. В таком понимании они оказывают непосредственное и зачастую определяющее влияние на жизнь человека, в частности, на его репродуктивное поведение.

Учитывая вышеизложенное, особая роль в социальной политике по воспроизводству населения должна уделяться системному воздействию на процесс формирования ценностных ориентаций личности со смещением акцента в сторону культуры созидания, укрепления семейных ценностей и института брака, а также многодетности.

Список литературы

1. Антонов А. И. Социология рождаемости. - М., 1980.
2. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демокопии: Пер. с нем. - М.: АВА-ЭСТРА, 1993.

3. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. - М.: Омега - Л., 2007.
4. Исследование проблем материнства и детства в России // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // Интернет-ресурс: <http://wciom.ru/>.
5. Борисов В. А. Демография. - М.: Издательский дом NOTABENE, 2001. - 272 с.
6. Медков В.М. Демография: Учебное пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». - Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. - 448 с.
7. Словарь по этике. / Под ред. И. С. Кона. 5-е изд. - М.: Политиздат, 1983.

Сведения об авторах

Устинова Оксана Вячеславовна, к.с.н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский государственный нефтегазовый университет, тел.: 89028133343, e-mail: sema_79@bk.ru

Артюхов Андрей Викторович, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления ТюмГНГУ, 8(3452)208456

Ustinova O. V., Candidate of Sociological Sciences, associate professor of the chair of marketing and municipal management, phone: 89028133343, e-mail: sema_79@bk.ru

Artyukhov A. V., professor of the chair «Marketing and municipal administration», Tyumen State Oil and Gas University phone: 8(3452)208456

УДК 21:172.3

СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ STATE OF RELIGIOUSNESS OF TYUMEN REGION`S POPULATION

Э. М. Шарипова, Н. Ю. Гаврилова

E. M. Sharipova, N. Y. Gavrilova

Ключевые слова: юг Тюменской области, социальное явление, религиозные традиции; религиозная ситуация, категория населения

Key words: sociological study, South of Tyumen region, social phenomenon, religious traditions, religious situation, population category

Представлены результаты социологического исследования, целью которого — изучение религиозности жителей Тюменской области. Анализируются поликонфессиональные отношения жителей юга Тюменской области.

The results of the sociological study run to investigate the state of religiousness of the Tyumen Region`s population. The analysis of multi-confessional relations of the Tyumen Region`s South population.

Если обратиться к историческому прошлому России, то нельзя не отметить значительную роль религии как интегрирующей силы в межконфессиональных и межэтнических отношениях. В советский период в условиях господства атеистического мировоззрения вопрос о приоритетности какого-либо из религиозных учений в государстве не относился к категории значимых.

Годы перестройки и постперестроечный период кардинально изменили ситуацию по отношению к религии в государстве. Наряду с возрождением традиционных религиозных учений появилось большое количество культов, ранее процветавших на Западе, которые начали свою активную деятельность на территории России, освободившейся от государственного атеизма. Изменения в общественном сознании граждан нового российского государства, а также активно развернувшаяся миссионерская деятельность религиозных организаций, в том числе новоявленных деструктивных культов в условиях идеологического вакуума на рубеже XX-XXI столетий способствовали религиозному возрождению. Даже руководители государства в средствах массовой информации стали активно демонстрировать свои религиозные предпочтения.

Исторический период, когда после долгих лет «религиозного затишья» и активно пропагандируемой атеистической идеологии возникает всплеск религиозности населения, достаточно опасен для государства, особенно, если учитывать, что это государство многонациональное, поликонфессиональное. Кроме того, говоря об экспансии нетрадиционных зарубежных культов,

нельзя не высказать опасение о сохранении исконной культурно-исторической идентичности россиян.

Порой динамика отношений между конфессиями настолько непредсказуема, что политическое и социальное спокойствие и стабильность в вопросах межрелигиозных взаимодействий становится под угрозой проявления религиозного фанатизма и экстремизма.

В таких ситуациях одним из самых важных шагов по стабилизации межконфессиональных отношений является политика государства по профилактике религиозного фанатизма и экстремизма. В целях предупреждения конфликтов и социокультурного противостояния между представителями различных конфессий, социальные институты, задачей которых является сохранение равновесия в обществе, должны своевременно выявлять перспективы возможных напряжений.

Тюменская область является одним из регионов эффективной реализации государственной политики в области межнациональных, государственно-межконфессиональных и общественно-политических отношений, но несмотря на это, ситуация социального взаимодействия в сфере религиозных отношений динамична. Кроме того, данная ситуация формируется не только членами общественно-религиозных организаций, но и всем населением Тюменской области в целом. Для того, чтобы корректно сформировать основные направления по регулированию взаимоотношений между религиозными культурами, необходимо изучать отношение жителей области к проблемам, связанным с религией. При регулировании этих вопросов проводится обратная связь с населением с помощью различных социологических мониторингов.

Авторы данной статьи также предприняли попытку проведения социологического исследования по вопросам, связанным с изучением состояния религиозности населения, отношения к такому социокультурному феномену, как религиозный фанатизм и возможности профилактических мер по предупреждению проявлений религиозного фанатизма.

В связи с невозможностью проанализировать все вопросы социологического анкетирования в данной статье, ограничимся анализом ответов респондентов, связанных с отношением к религии и определением степени религиозности, этой части населения.

Юг Тюменской области является наиболее заселенной частью региона и представляет конгломерат из представителей разных национальностей и разного вероисповедания.

Общая численность населения юга Тюменской области по состоянию на 01.01.2009. составляет чуть более 1,3 млн человек. Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2002 года, в регионе проживают 140 национальностей и этнических групп. Поликонфессиональный состав населения влияет на общественно-религиозные отношения и представлен в регионе 179 религиозными организациями. Объектом проведенного исследования явилось население юга Тюменской области старше 17 лет во всем его социальном, конфессиональном разнообразии. Эмпирический объект исследования – население городов Тюмени, Тобольска, Ялуторовска, а также Тюменского, Тобольского и Нижнетавдинского районов.

Объем выборочной совокупности составил 757 респондентов и был сформирован с репрезентацией взрослого населения по месту проживания, полу, возрасту и уровню образования. Для сбора информации использовали метод анкетного опроса, систему вопросов которого направили на выявление количественно-качественных характеристик предмета и объекта исследования.

Анкетный опрос представлял двадцать пять вопросов, пять из которых предназначались для получения информации о месте проживания, религиозной принадлежности, возрасте, поле и образовании респондента. В первых шести вопросах выявили степень религиозности респондента, предложив ответить на вопросы, связанные с его отношением к религии, религиозным традициям, определением роли религии в его жизни.

На вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком? Считаете ли Вы, что религия играет в Вашей жизни важную роль?» 13% мужчин и 21% женщин ответили: «Религия не играет особой роли в моей жизни, но в определенных обстоятельствах, я обращаюсь к Богу». Из выбравших данный вариант ответа, большинство — респонденты с незаконченным высшим или высшим образованием — 17%. Глубоко верующими людьми себя назвали — также 17% опрошенных. «Я верующий человек, но стараюсь не показывать этого внешне», — так ответили 26% жителей области, из которых

20% — женщины. Атеистами себя позиционируют только 5% опрошенных. В качестве иного варианта респонденты формулировали ответ на этот вопрос самостоятельно. Среди вариантов респондентов были следующие: «Я верю в силу человеческого духа, силу воли и дружбу»; «Я верующий, но не религиозный человек»; «Верю, что есть высшая сила, но не придерживаюсь никаких религиозных ритуалов»; «Верю в себя, науку, музыку»; «Без Бога меня бы не было»; «Бог

един, религия — это бизнес». Больше 50%, предложивших иной вариант ответа — это молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет.

О характере и глубине религиозности можно судить не только на основании показателя личной самоидентификации, но и на основании религиозной активности респондента. Участникам анкетного опроса задавали вопросы, касающиеся соблюдения ими религиозных традиций, о посещении храма. На вопрос «Соблюдаете ли Вы религиозные традиции?» 35,5% ответили: «Да, соблюдаю, но скорее формально, потому что это в духе нашего времени». 30,1% респондентов выбрали вариант «Нет, для меня это не важно»; а 24,3% утверждают, что делают «...это искренне и по убеждениям». Среди 1,5% респондентов, предложивших свой вариант ответа, были следующие: «Стараюсь быть культурным человеком, улучшать свою карму»; «Я имею свои собственные традиции, очень личные»; «Соблюдаю лично для себя, для самореализации»; «Иногда, в зависимости от жизненной ситуации»; «Делаю это по семейным традициям: Пасха, Рождество, но не все»; «У меня свои традиции и церемонии»; «Иногда, в зависимости от состояния здоровья»; «Соблюдаю только те, которые не противоречат моему душевному равновесию».

При посещении храма 32,6% ответивших находят «Облегчение скорби, страданий, избавление от грехов». Среди ответивших таким образом, в равной пропорции представлены все возрастные категории. 20,5% ходят в церковь для «Общения с богом»; 12,8% ищут «Возможность помолиться», 9,9% находят в посещении храма «Эстетическое удовольствие», а 4,5% ищут в храме возможность найти «Сообщество единоверцев». 2% опрошенных на вопрос «Что Вы находите в посещении храма?» ответили следующим образом: «Душевное спокойствие, но не во всех храмах»; «Удовлетворение любопытства»; «Гармонию, цельность, самообладание»; «Поклонение иконе с изображением лика Бога-грех»; «Все должны просить помощи у Бога. Я за многобожие»; «Прошу у Бога прощения и спасения души своей и своих близких»; «Храм — лечебница душевная, туда ходят для духовного исцеления»; «Храм — дело рук людских, необязательно туда ходить»; «Освобождение от плохих мыслей. Спокойствие. Духовное удовлетворение»; «Побыть наедине с собой. Умиротворение»; «Дань моде»; «Попросить благо для дочери»; «Наблюдаю извне архитектуру»; «Не вижу смысла в посещении храма».

Следует отметить, что 20,7% респондентов не посещают храм и только 8,9% посещают его регулярно — «Несколько раз в неделю». 27,2% опрошенных посещают храм «Иногда, время от времени» и примерно столько же — 23,8% посещают храм «По случаю личных событий (крещение, похороны родных, венчание)». Реже, только «В дни религиозных праздников, несколько раз в год» посещают храм 14,5% отвечавших на вопросы. Индивидуальные варианты ответов респондентов 0,5% — «По духовной потребности, в храмах прямые энергоканалы»; «Хожу туда на экскурсию»; «Когда меня зовет мой Бог».

В формулировке пятого вопроса не было слов «Религия» или «Религиозность», но, тем не менее, он также косвенно подталкивал респондентов затронуть тему религии. Вопрос «Как Вы считаете, что может сыграть положительную роль в жизни человека в критический для него момент (личная драма, потеря работы, неудачи в карьере и т.д.?)» распределил предложенные варианты ответов следующим образом. Большинство респондентов — 68,2% рассчитывают на «Помощь родных и близких, друзей», но высок и процент тех, кто в данной ситуации считает, что «Посещение храма, молитвы» могут сыграть для него решающую роль в кризисной ситуации — 23,1%. При этом только 3,4% рассчитывают на «Помощь единоверцев», среди которых такой вариант ответа был выбран, в основном, представителями ислама и католического вероисповедания. По-прежнему широк диапазон иных вариантов ответа на предложенный вопрос. Часть респондентов, пожелавших самостоятельно сформулировать свое мнение, ответили: «Воля. Самообладание, вера в себя, осознание, что это жизненный урок и опыт»; «Самоконтроль и способность держать себя в руках, вера в лучшее»; «Разбор собственного «Я»»; «Самопознание и изменение собственных установок»; «Нужно самому решать свои проблемы»; другая часть опрошенных намеревается обратиться к Богу: «Надежда на промысел божий»; «Молитвы, искреннее желание жить»; «Молитвы и вера. Общение с Богом через молитву, чтение Библии»; «Бог и молитва»; «Обращение к Богу. Посещение других церквей, реабилитационных центров»; лаконичный вариант — «Антидепрессанты».

Социологический опрос включал вопросы, акцентирующие внимание на выявление роли религии на моральные качества респондентов, а именно: «Считаете ли Вы, что вера в Бога, посещение храма помогают в духовно-нравственном развитии человека?» Ответы распределились следующим образом: большинство — 44,9% выбрали вариант «Да, существенно помогают»; «Помогают в определенный момент» считает также большой процент респондентов — 39,9%. Только

12% ответили: «Нет, не влияют». 1,1 % выразили свою точку зрения, предложив иной вариант ответа: «Через труды святых Отцов – Учителей Церкви люди стремятся к Богу»; «Смотря кто как верит»; «Мой Бог — мой разум»; «Вера да, посещение храма не всегда»; «Безусловно, если это внутренне побуждение, а не дань моде или внешние мотивы»; «Если человек верующий и находит в религии удовлетворение, то вера ему помогает в духовном развитии»; «Бог внутри человека, его там искать надо»; «Это зависит от воспитания! Иногда, да!»; «Без послушания Богу, человек не может быть духовным».

Исследование выявило широкий спектр конфессиональной принадлежности респондентов. Представителями православного вероисповедания позиционируют себя — 60,1%; ислама — 20,6%; 2,9% — католиками; 1,2 % — буддистами; 0,4% — иудеями. 14,7% респондентов отказались отвечать на вопрос о принадлежности к тому или иному вероисповеданию. 2% опрошенных ответили: «Протестант», «Адвентист», «Представитель православного вероисповедания, но не совсем согласен», «Бог един», «Агностик», « Не могу отнести себя ни к одному религиозному направлению», «Мы все — инопланетный эксперимент», «Лютеранство», «Музыкант», «Своя религия. Я не с ними и не с вами», «Свой Бог», «Язычница».

Известно, что характер пассивной религиозности в разных конфессиональных группах может быть связан с особенностями культовой практики, а также с образом жизни, уровнем образования и возрастом респондентов. Данное исследование показало, что регулярность посещения мечети мусульманами Тобольского района, выше, чем у представителей ислама крупных городов, а наиболее последовательными в исполнении религиозных традиций являются протестанты и католики. Несмотря на то, что многие респонденты не захотели определять свою религиозную самоидентификацию, они все же принимают участие в религиозной жизни и соблюдают определенные религиозные традиции. Социологическое исследование показало, что своеобразием современного состояния в религиозной сфере является «размытость» граней между верующими и неверующими, нет основания говорить о высокой религиозности жителей юга Тюменской области, так как в процентном соотношении показатели полярных мнений достаточно равные. Тем не менее, следует помнить, что тема религиозности и религиозного фанатизма, которая затрагивает очень личную и интимную часть внутреннего мира человека и при этом является социально значимой, — достаточно динамичная и зыбкая, требует к себе деликатного отношения со стороны политиков, социологов и общественных организаций.

Данная проблема особенно актуальна в современном обществе, в рамках мировых социальных процессов, глобализации, которая ведет к размыванию социокультурных границ, к синтезу культур и религий, когда вероятность столкновения сложившихся идеологий, культурных идеалов и религиозных убеждений очень велика.

Сведения об авторах

Шарипова Эльвира Маннуровна, аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел. : 8(3452)256964

Гаврилова Надежда Юрьевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и культурологи, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел. : 8(3452)256964

Sharipova E. M., post graduate student, senior lecturer of the chair of foreign languages, at Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)256964

Gavrilova N. Y., PhD, professor, head of the chair of history and culturology, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)256964

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ
ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**
TRANSFORMATION OF ENGINEER EDUCATION SYSTEM AS A CONDITION OF EFFECTIVE
DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMICS

Л. В. Анисимова

L. V. Anisimova

Ключевые слова: инженерное образование, экономика, образовательные учреждения, государство, стратегия развития, модернизация инженерного образования

Key words: engineering education, economy, educational institutions, State, strategy of the development, modernization of engineering education

Рассмотрено современное состояние инженерного образования в России, отмечен уровень проблем, характеризующих современное состояние инженерного дела и инженерного образования в нашей стране. Проанализированы связи между состоянием инженерного дела и уровнем инженерного образования, сделан выбор стратегических направлений совершенствования инженерного образования России.

The author considered the current state of engineering and engineering education in Russia, the level of problems that characterize the current state of engineering and engineering education in our country. In the article, the author analyzed the relationship between the state of engineering and a level of the engineering education, the choice of strategic directions for improving engineering education in Russia.

За годы реформ противоречия между экономикой и высшим профессиональным образованием значительно усилились. Именно этим объясняется тот факт, что с 1991 по 2011 годы число вузов и количество студентов в России выросло в три раза, а инженеров, конструкторов, технологов нет на предприятиях, в конструкторских бюро.

Целесообразно оценить уровень проблем, характеризующих современную ситуацию, в частности — потребность в инженерах, при этом используя не статистические данные о выпусках молодых специалистов, а объективную информацию о состоянии промышленности (реального сектора экономики), соответственно, о расширении (или сужении) спроса на специалистов инженерной квалификации. Первым негативным аргументом к дисбалансу спроса и предложения на рынке квалифицированной рабочей силы выступает технологическая отсталость современных предприятий, так как большинство из них созданы в советский период. Сегодня, даже стабильные по состоянию на текущий момент предприятия, ограничивают себя в модернизации и имеют на этот счёт собственные аргументы. Вероятнее всего, от долгосрочных вложений средств в приобретение нового технологического оборудования, оснастки, технологии предприятия воздерживаются из-за экономической нестабильности и неопределённости будущих рисков.

Вторым отрицательным фактором выступает сырьевая ориентированность экспорта России [1], который вынуждает вкладывать финансовые средства в добывающую промышленность в ущерб перерабатывающей и высокотехнологичной. Более 50% валового внутреннего продукта страны обеспечивают предприятия, входящие в состав минерально-сырьевого комплекса [2].

Третий фактор — низкая доля средств предприятий, направляемых в область прикладных исследований, что, по сути, сдерживает внедрение собственных разработок в области «ноу-хау» и вынуждает заимствовать технологии других, таким образом, предопределяющим статус отстающего. Почти трёхкратное отставание от Японии, Финляндии, США и особенно заметен разрыв в секторе высшего образования [3]. В таком положении страна по-прежнему выполняет «роль догоняющего», обременённого сырьевой зависимостью на внешнем рынке.

Четвертым фактором, наиболее деструктивным, по мнению автора, является эмиграция высококвалифицированных специалистов в зарубежные страны (процесс, получивший собственное имя — «утечка мозгов»). Производство «мозгов» и знания остаётся в России для людей делом подвижников, а для страны — ещё одной «сырьевой» отраслью, предметом дармового экспорта, за наши же средства увеличивающего отрыв глобальных конкурентов [4]. По оценкам Министерства образования и науки РФ, с 1989 по 2002 год за границу на постоянное проживание уехали более 20 000 учёных, ещё 30 000 работали в других странах по временным контрактам. По другим оценкам после распада Советского Союза Россию покинули более 100 000 учёных [5]. Речь идёт не только о подрыве научного потенциала страны (потерей преподавательских кадров в том числе), сколько о качестве тех, кто остаётся трудиться в российском производственно-экономическом пространстве.

Несмотря на ежегодный выпуск почти 200 тысяч инженеров, в России сохраняется дефицит квалифицированных инженерных кадров [6]. Данная проблема увеличивает затратность процесса подготовки инженеров, так как средства, «вложенные в подготовку специалиста», не возвращаются в виде роста производительности и качества труда.

Косвенной, но не менее актуальной проблемой является недостаточно рациональная взаимосвязь бизнеса и высшего профессионального образования. Наибольшие противоречия здесь наблюдаются по причинам постоянно изменяющихся условий экономической среды, обуславливающей дискретность в спросе на специалистов инженерного профиля, что предполагает определенный диссонанс в соотношении спроса и предложения на региональном рынке труда инженерных профессий.

Для выявления основных тенденций и перспектив взаимодействия субъектов инженерного образования и бизнес-сообщества в регионе (г.Тюмень) проведен опрос экспертов из числа ведущих специалистов предприятий-партнёров Тюменского государственного нефтегазового университета. В частности, представлены: ООО «Тюменская транспортная компания», «Управление государственного автодорожного надзора по Тюменской области», ЗАО «Пассажирский автотранспорт», ОАО «Сибнефтепровод», ОАО «Гипротюменнефтегаз», ОАО «Институт Нефтегазпроект», ОАО «Управление механизации-15», г. Тюмень [7]. Выбор обусловлен видом деятельности данных производственно-экономических объектов, непосредственно связанных с деятельностью инженеров), регулярно предоставляющих вакантные места для трудоустройства выпускников, а также места для прохождения производственных практик. Общее количество экспертов — 49 человек, из них четверть — специалисты ОАО «Сибнефтепровода».

Попытка конкретизировать участие предприятий в наиболее важных элементах образовательного процесса оформлена в виде вопроса: «На каком этапе образовательного процесса Ваше предприятие принимает участие сегодня и, как Вы считаете, целесообразно было бы участвовать в будущем?»

Характерные позиции по данному вопросу эксперты обозначили так:

1) отсутствие желания активного найма, когда работодатель проявляет инициативу и осуществляет поиск работников ещё на этапе их обучения — 75,51%, что указывает на сохранение традиционной системы найма;

2) предоставление мест для производственной практики — 79,59% (очевидно, что данного элемента вполне достаточно, чтобы произвести отбор наиболее привлекательных для предприятия кандидатов);

3) предприятие не заинтересовано непосредственно участвовать в процессе распределения выпускников — 81,64% (данное направление ограничивается лишь заочным предоставлением заявок на вакантные места, игнорируя очный отбор наиболее релевантных специалистов);

4) адаптация молодых специалистов включена структурным элементом в кадровую политику вышеназванных предприятий, однако, приглашать преподавателей из вузов большинством признано нецелесообразным (81,63%).

Качество образования определяется не только совокупностью знаний, навыков и умений, но и личностными качествами, которые, так или иначе, определяют успешность адаптации, перспективу роста в компании и ожидаемые результаты трудовой деятельности. Несомненным лидером среди желаемых качеств выступает исполнительность (100%), в данном случае это отчасти указывает на ограниченность инициативы и самостоятельности молодых специалистов, узости их креативных возможностей. Профессионализм (93,88%), являющийся набором комплекса качеств, рассматривался экспертами с позиции совокупности полезных для инженера знаний и навыков, которые приобретаются не только в стенах вуза, но и в период прохождения производственных практик. В данном исследовании анализируемое качество автором не интерпретировалось, так как в процессе общения с экспертами выявлено его исключительное свойство — адекватность знаний и умений требованиям конкретного производства (конкретного рабочего места).

Ответственность и уверенность в себе (по 75,51%) занимают определенную позицию. Очевидно, что современный уровень подготовки инженерных кадров в «лабораторных условиях» не

вполне адекватен уровню и техническому оснащению современного производственно-экономического сектора. Ответственность формируется в процессе регулярного, своевременного и точного выполнения всех заданий руководителя (в том числе и преподавателя) при достижении максимально возможного уровня по качеству.

Переход на двухуровневую подготовку инженеров (бакалавр-магистр), по-видимому, потребует значительного времени для ассоциативного восприятия образа данного специалиста на производстве. «Проверить на практике» бакалавров и магистров экспертам до настоящего времени не доводилось, более того, на производстве нет специалистов, способных сформулировать конкретные задачи и функциональные обязанности под данные категории обучаемых. В итоге, вместо хорошо знакомых выпускников «специалитета» в компании приходят молодые кадры с иной степенью подготовки, но под старые задачи! В решении этой проблемы, судя по всему, никто не заинтересован и не было попыток (из рецензий экспертов) уточнить хотя бы позиции высшей школы и реального ПЭО (производственно-экономического объекта).

В отношении магистров, процесс эффективного использования их знаний предполагает солидную базу НИОКР, которая на современных предприятиях находится в недостаточно развитом состоянии. Из ответов экспертов следует, что уровень бакалавра для современного производства — недостаточен, а уровень магистратуры — избыточен.

Любопытны ответы экспертов на предложение активизировать взаимодействие школы и предприятия. Примечательно, что лишь 10% отказались от каких-либо форм сотрудничества, сославшись на занятость и незаинтересованность в притоке молодых кадров. Полная готовность оказать помощь в консолидации усилий по подготовке молодых кадров выразили 23% опрошенных, 35% согласны осуществлять такое взаимодействие на регулярной основе. Консультации, как форма контакта, устраивает 29%. Учитывая тот факт, что на данный вопрос респондент мог выбрать несколько вариантов ответов, то поиск иных форм сотрудничества имеет серьёзное обоснование — 87% экспертов способны быть интегрированы в образовательную систему.

Рассмотрим конкретные виды содействия, акцентируя внимание на тех, кто «готов» к сотрудничеству и «регулярно в качестве эксперта», таких оказалось 67%. Наиболее популярным видом остаётся консультирование — 100% активных экспертов полагают — это в качестве основного вида взаимодействия обучающего с обучаемым. Проведение практических (66,67%) и лабораторных (24,24%) занятий менее популярно, так как требует подготовки и строгого расписания занятий. Следует принимать во внимание «оторванность» «обучающего» от институтских помещений. С другой стороны, при наличии таких лабораторий на самом предприятии гарантирует не только качественное освоение тех или иных приёмов, но и получение востребованного результата.

Возвращаясь к проблеме лимитирования учебного процесса, руководство курсовым (90,91%) и дипломным (81,82%) проектированием позволяет создавать гибкие графики работы, удобные для всех субъектов образовательного процесса. Более того, тематика научных проектов могла бы иметь практическую ценность и значимость для реального сектора производства.

Заключительным этапом работы с экспертами выступил вопрос о том, кто должен обладать приоритетным правом при формировании социального заказа на специалистов с высшим образованием. 75,51% признали приоритет интересов производственно-экономических объектов при формировании параметров (количественно-качественных показателей, выступающих в качестве плановых ориентиров). Высшим учебным заведениям отдано 12,24% экспертных оценок и в данном контексте роль вузов следует рассматривать как основного исполнителя заявленных плановых показателей. Органы федеральной (4,08%) и региональной власти (8,16%) рассматриваются с позиции организационных структур, обеспечивающих баланс интересов всех участников регионального рынка труда в области налоговой политики и законодательных инициатив, направленных на поощрение свободного предпринимательства.

Экспертам представили комментарий относительно понятия социального заказа, его региональной специфики и содержания, провели неформализованное интервьюирование, в ходе которого получили частные оценки сложившейся ситуации на региональном рынке труда специалистов инженерного профиля и перспектив повышения роли и значимости инженерного образования в целом.

Основным потребителям специалистов инженерного профиля должно принадлежать право

формирования модели будущего работника с требуемым набором знаний, умений, навыков и качеств личности, которая будет востребована на современном рынке труда. Следует признать осознанную необходимость в поиске и апробации механизмов взаимодействия реального сектора экономики с образовательными учреждениями для оптимизации самого процесса обучения и достижения качественно нового уровня подготовки инженерных кадров.

Учитывая складывающиеся тенденции, опираясь на результаты полевых исследований следует отметить необходимость разработки механизма саморегулирования, что повысит эффективность и качество подготовки инженеров и, соответственно, рост производства. Именно поэтому, роль бизнеса в формировании конкурентной среды в образовательной системе является принципиальной. В разрабатываемой автором модели взаимодействия учтены следующие системообразующие условия: учет региональной специфики; необходимость оперативного и долгосрочного планирования потребности в кадрах; динамика экономических преобразований в Российской Федерации, влияние экономических кризисов на деформацию рынка труда; требования по расширению доли малого бизнеса в региональной экономике и др.

Автор предлагает использовать в системе высшего профессионального образования параллельно все три образовательные парадигмы: личностно-отчужденной (заказчиком выступает бизнес), социально-ориентированной (заказчик — общество в лице государства) и личностно-ориентированной (заказчик — обучаемый). Соответственно, детерминируются и образовательные программы. Таким образом, достигается возможность обеспечить полное закрытие существующих и вероятных вакансий на предприятиях–потребителях инженерных кадров, а также подготовить необходимое количество новых предпринимателей в сегмент малого бизнеса. Специалисты, подготовленные в личностно-ориентированной парадигме, выступают кадровым резервом.

Необходимо осознавать важность и актуальность взаимного влияния бизнеса и образования, обеспечивающие взаимную социально и экономически выгодную интеграцию в современные региональные, федеральные и мировые экономические процессы.

Список литературы

1. Княгинин В. Н., Щедровицкий П. Г. Реанимация «промышленной политики» в России в начале XXI века. Российское экспертное обозрение №11, 2004.
2. В. Старостин, В. Трофимов, Д. Пушаровский. Основа развития России в XXI веке. URL:http://www.zlev.ru/71_12.htm
3. World Intellectual Property Organization, U.S. Bureau of the Census. URL:<http://leeds-faculty.colorado.edu/moyes/bplan/html/reference.html>
4. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – 66 с.
5. Carl Schreck. Russia seeks a cure for its brain drain. The National <http://www.thenational.ae/news/worldwide/europe/russia-seeks-a-cure-for-its-brain-drain>
6. Информационное Агентство REX. URL:<http://www.iarex.ru/news/13687.html>
7. Официальный сайт Тюменского государственного нефтегазового университета URL:<http://www.tsogu.ru/institutes/it/folder-2006-12-28-7632663473/predpriyatija-partnery/>

Сведения об авторе

Анисимова Любовь Васильевна, аспирант, начальник учебно-методического отдела Института транспорта, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень, тел.: 89028134423, e-mail: ljuba_16@rambler.ru

Anisimova L. V., post graduate, head of the educational-methodical department at Institute of transport, Tyumen State Oil and Gas University, phone:89028134423, e-mail: ljuba_16@rambler.ru

УДК 378

УПРАВЛЕНИЕ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ BUSINESS EDUCATION MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

О. М. Барбаков, К. Г. Барбакова

O. M. Barbakov, K. G. Barbakova

Ключевые слова: бизнес-образование, производственно-научно-образовательная корпорация,

моделирование бизнес-образования, образовательные услуги

Key words: business education, production-scientific educational corporation, modeling of business education, education services

Предложены основные направления совершенствования российского бизнес-образования на основе разработанных авторских принципов организации моделирования бизнес-образования, повышения эффективности формирования бизнес-образования в России на разных уровнях управления.

The article suggests guidelines to improve the Russian business education based on the principles developed by the authors' organization model of business education, to improve the efficiency of the formation of business education in Russia at various levels of management: federal, regional, municipal and a level of a particular corporation, the formation of industrial, scientific and educational corporation and its basis - the corporate university.

Российское бизнес-образование нуждается в качественном изменении из-за необходимости решения насущных проблем современного общества.

Возрастающая конкуренция России с США и странами ЕС по различным направлениям деятельности, в том числе, в бизнесе, обуславливает значимость решения социально-экономических задач, в частности, организацию управленческих процессов и подготовку соответствующих профессионалов перспективного развития российского бизнеса. Для этого необходима крупномасштабная программа подготовки управленческих кадров, так как фрагментарные мероприятия, предусмотренные «Президентской программой подготовки кадров», являются явно недостаточными [1].

Современное российское образование не справляется с растущими потребностями рынка в профессиональных управленческих кадрах, необходимо специализированное образование, то есть бизнес-образование, которое в настоящее время находится в стадии становления, четкой его программы развития, установленных стандартов пока не существует, но потребности современных российских корпораций и небольших компаний в нем огромны. В научной литературе нет единого мнения и по принципам моделирования современного бизнес-образования, на основе которых должно проходить его дальнейшее развитие и совершенствование.

В России пока не существует системы управления процессом формирования бизнес-образования. Основная проблема ситуации с российским бизнес-образованием заключается в несогласованности деятельности различных властных структур, организаций бизнеса и образовательных структур в области бизнес-образования.

Целью моделирования является организация бизнес-образования в российской производственно-научно-образовательной корпорации.

Основные задачи моделирования:

- необходимость формирования нормативно-законодательной базы бизнес-образования;
- разработка обобщенной модели формы, структуры, содержания, методов и видов бизнес-образования: производственно-научно-образовательной корпорации (форма); корпоративный университет (структура); бизнес-образование (содержание); непрерывные, дистанционные, кейсовые, деловые игры и др. (методы); виды: тренинги и семинары, курсы повышения квалификации, MBA.

Предлагаемая авторская прогнозная модель включает четыре уровня организации управления формированием бизнес-образования в России с соответствующими ролевыми функциями: федеральный, региональный, муниципальный и уровень конкретной корпорации.

На федеральном уровне создается концепция российского бизнес-образования, отражающая основные направления и принципы его формирования, на основании которой разрабатывается Федеральная программа его развития. Кроме того, на этом уровне готовится и принимается закон о бизнес-образовании в России, где прописываются основные принципы его функционирования.

На базе закона должно быть предложено типовое положение об образовательной структуре бизнес-образования, разрабатываются и утверждаются государственные стандарты.

В связи со спецификой управления в разных отраслях производства и бизнеса различные министерства и ведомства издают нормативно-законодательные акты и документы, где отражаются особенности соответствующего отраслевого бизнес-образования.

На региональном уровне готовится региональная программа развития бизнес-образования, увязанная по целям и задачам с аналогичной федеральной программой, но учитывающая специфику конкретного региона. Принимаемые нормативно-законодательные акты по бизнес-образованию департаментами регионального правительства учитывают потребности отдельных региональных отраслевых производств и направлений бизнеса.

Муниципальный уровень разрабатывает комплекс мероприятий для реализации бизнес-образования в конкретных корпорациях, которые формируют конкретные программы бизнес-образовательной структуры, где происходит организация обучения сотрудников корпорации.

Представляется, что производственно-научно-образовательная корпорация (ПНОК) может стать базисом создания эффективных обучающих организаций.

Проведенное исследование предоставило возможность в рамках укрупненной авторской модели организации управления формированием бизнес-образования в России сформировать также модель организации бизнес-образования и механизмы ее реализации на уровне конкретной корпорации, руководители которой пришли к выводу о необходимости интеграции в одной структуре элементов разной направленности: производственной, научной, образовательной. Основные мотивы интеграции такого рода следующие:

- повышенный спрос на образовательные услуги;
- разработка стратегии развития в единстве интересов и мотивов руководителей и сотрудников;
- совершенствование организационной деятельности;
- повышение качества управления;
- комфортный социальный климат и корпоративная культура;
- рост конкурентоспособности;
- инновационная деятельность;
- конкурентоспособность российского бизнес-образования с зарубежным;
- создание успешно развивающейся корпорации;
- формирование единой команды единомышленников;
- рост профессионализма, развитие способностей и повышение результативности деятельности.

Главная цель объединения разнонаправленных структур — обеспечение конкурентоспособности корпорации в условиях международной интеграции в единое пространство взаимодействия власти, бизнеса, производства, образования и науки разных стран на основе и в единстве решения комплекса социальных, политических, экономических и социокультурных задач.

Реализацию этой цели должен осуществлять профессиональный сотрудник корпорации с творческим интеллектом и нравственной зрелостью, образованный, постоянно обучаемый и воспитанный в рамках корпорации.

Выделены основные сферы деятельности производственно-научно-образовательной корпорации, главные цели функционирования элементов, субъекты управления ее структурными подразделениями и приоритетные направления их развития (рис.1).

Проведенное авторское исследование предоставило возможность выдвинуть следующее положение: идеальным видом образовательной и научной структуры в производственно-научно-образовательной корпорации может стать корпоративный университет.

Сферы деятельности ПНОК

Производственная		Научная		Образовательная
Цель				
Организация эффективного управления корпорацией и достижение социального, политического, экономического и социокультурного эффекта ее деятельности		Создание и внедрение инноваций в деятельность корпорации		Организация образования сотрудников корпорации, повышение эффективности их деятельности
Субъекты				
Производственные структуры корпорации	Образовательные структуры корпорации			
Приоритетные направления развития				
Решение социальных проблем		Проведение научно-исследовательских работ		Формирование системы непрерывного образования сотрудников
Повышение прибыли		Формирование технологических инновационных структур		Увеличение спектра предоставляемых образовательных услуг
Удовлетворение спроса потребителей		Повышение эффективности инновационной деятельности		Повышение качества образования сотрудников
Организация комфортного климата жизнедеятельности сотрудников		Обеспечение единства научного и образовательного процессов		Организация учебно-методического обеспечения образования сотрудников
				Участие в формировании основной миссии, стратегии корпорации и корпоративной культуры
				Формирование команды единомышленников

Рис. 1. Механизмы реализации прогнозной модели управления процессом формирования бизнес-образования в деятельности производственно-научно-образовательной корпорации (ПНОК)

На рисунке 2 представлена обобщенная модель корпоративного университета и ее реализация в рамках производственно-научно-образовательной корпорации.

Корпоративный университет
<i>Социальная направленность</i>
Формирование профессионала 21 века (интеллектуального, нравственного, профессионального), способного свою деятельность направить на благо сотрудников компании, самой компании, своего региона, российского общества в целом
Цель

Профессиональное образование сотрудников компании		Развитие инновационной деятельности			
Нормативно-законодательное обеспечение деятельности					
Государственная аккредитация	Соответствие государственным образовательным стандартам		Международная аккредитация		
Взаимодействие с субъектами образовательной деятельности					
Договора с зарубежными структурами бизнес-образования и выдача соответствующих дипломов		Договора с российскими бизнес-образовательными структурами и выдача соответствующих дипломов			
Внутриорганизационные структуры					
Учебная	Научная		Методическая		
Направления образования					
Дополнительное профессиональное образование		МВА (Мастер делового администрирования)			
Содержание обучения					
Менеджмент	Маркетинг	Финансы	Бизнес	Право	
Временные рамки обучения					
Непрерывное образование в течение всего времени работы сотрудника					
Специфика обучения					
Каждому сотруднику формируется своя траектория обучения во время его работы в корпорации и соответственно своя образовательная программа и график ее реализации	Формируются команды сотрудников для обучения работы в команде		Каждому сотруднику предоставляется полный комплект обучающих материалов		
Формы бизнес-образования					
Обучение в виде лекций, семинаров активными методами (по принципу бизнес-школы)		Дистанционное обучение	Обучение на производственных местах		
Методы бизнес-образования					
Лекции	Семинары	Тренинги	Деловые игры	Метод кейсов (case study)	Компьютерное обучение, e-learning
Виды обучения					
Краткосрочные тренинги и семинары (до 1 мес.)		Курсы повышения квалификации (3–6–9–12 месяцев)		МВА (Мастер делового администрирования) – 2–3 года	
Преподавательский состав					
Профессиональные преподаватели		Ведущие руководители и менеджеры корпорации			
Итоговый документ (соответственно, статус)					
Диплом	Свидетельство о повышении квалификации (государственное или негосударственное)			Сертификат	

Рис. 2. Модель корпоративного университета и механизмы ее реализации в производственно-научно-образовательной корпорации

Во-первых, именно корпоративный университет может наиболее эффективно реализовать те цели и задачи, которые ставятся перед структурами такого рода корпорации. Корпоративный университет в состоянии эффективно решить многие проблемы, например, обеспечить участие сотрудников в формировании миссии и стратегии корпорации, сформировать систему их непрерывного образования, используя практические методы решения общих проблем конкретной корпорации и т.д.

Во-вторых, корпоративный университет является особой структурой, где возможно объединение двух направлений деятельности корпорации: образовательное и научное: силами научно-образовательного потенциала он может проводить научно-исследовательские работы, разрабатывать и внедрять в деятельность корпорации инновации, организовывать образовательный процесс и оказывать образовательные услуги сотрудникам.

В-третьих, почти все формы бизнес-образования могут быть реализованы в рамках корпоративного университета.

В-четвертых, корпоративный университет станет базисом и форпостом формирования корпоративной культуры корпорации.

Таким образом, авторами предложена инновационная система создания и управления процессом формирования бизнес-образования, включающая, во-первых, обобщенную модель формы, структуры, содержания, методов и видов бизнес-образования: производственно-научно-образовательной корпорации (форма); корпоративный университет (структура); бизнес-образование (содержание); непрерывные, дистанционные, кейсовые, деловые игры и др. (методы); тренинги и семинары, курсы повышения квалификации, MBA (виды); во-вторых, механизмы реализации прогнозной модели управления процессом формирования бизнес-образования в деятельности производственно-научно-образовательной корпорации (ПНОК); в-третьих, модель корпоративного университета и механизмы ее реализации в производственно-научно-образовательной корпорации.

Список литературы

1. Абдуллин Э. Р., Барбаков О. М. Российское бизнес-образование: реалии и перспективы // Э. Р. Абдуллин, О. М. Барбаков – Тюмень: Вектор Бук, 2008. – 136 с.

Сведения об авторах

Барбаков Олег Михайлович, д.с.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, 8(3452)208456

Барбакова Клара Григорьевна, д.ф.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет, тел.: 89088740098

Barbakov O. M., Doctor of Sciences in Sociology, professor, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)208456

Barbakova K.G., Doctor of Philosophy, professor, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8 908 874 009

УДК 316 + 377

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ИМЕЮЩЕГОСЯ К НЕОБХОДИМОМУ SOCIAL EFFECTS OF EDUCATION: FROM AVAILABLE TO THE NECESSARY ONE

Н. А. Голиков

N. A. Golikov

Ключевые слова: здоровье, социальные эффекты, социальная состоятельность, социальные компетенции, качество жизни

Key words: health, social effects, a social solvency, social competences, quality of life

Рассматриваются понятия: социальные эффекты образования, социальные компетенции, предлагается система мер, направленная на формирование и наращивание социальной состоятельности учащейся молодёжи в условиях общеобразовательных учреждений.

The concept of social effects of education and concepts of social competences are considered in the article. The system of measures directed on forming and building-up the social solvency of the studying youth in the conditions of educational institutions is offered.

Период социальных трансформаций конца XX – начала XXI вв. в России сопровождается глубоким системным кризисом ментальности, разрушением ценностно-нормативной иерархии общества [1]. Эти процессы, естественно, коснулись и системы образования. В условиях непрерывного трансформирования общества от системы образования требуется не только наделять обучающихся суммой академических знаний в различных предметных областях в соответствии с государственным образовательным стандартом, но и извлечение социальных эффектов, полезных как

для отдельно взятой личности, так и общества в целом. «Социальный эффект — это существенные изменения в экономической, социальной, культурной, экологической и/или политической сферах..., происходящие в результате конкретных действий и изменений людьми поведения...отдельных лиц, сообществ и/или общества в целом» [2]. Социальный эффект образования «должен быть устойчивым, воспроизводимым, прогрессирующим, содержать не только «снятый» результат осуществленной деятельности, но и источник, и средство для последующего развития, выступать постоянным и прочным звеном в цепи непрерывного воспроизводства общественной жизни» [3].

В свое время в образовании осознали, что ребенок не готовится к какой-то взрослой жизни, а живет здесь и сейчас, поэтому его жизнедеятельность следует организовывать в соответствии с его насущными потребностями и возможностями. «Образование, приучающее ребенка сознательно решать проблемы, есть уже не подготовка к жизни, а сама жизнь, в которой ребенок овладевает технологией самодетерминированного поведения «self reliance» («опоры на самого себя»). То, в какие социальные практики, деятельностные режимы и сообщества, в какую предметно-развивающую среду будет включен ребенок, во многом определяет его становление и развитие, способность интеграции в социум, качество жизни» [4]. Это неоднократно отмечал А. И. Субетто, опираясь на положения «закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем (института образования) в обществе» [5].

Школа обязана формировать созидательную направленность личности ученика, помочь ему стать самостоятельным, социально состоятельным человеком. Социальная состоятельность — есть соответствие (или несоответствие) социальных качеств индивида общепринятым социальным стандартам. Социально состоятельный человек — это социально компетентный субъект деятельности и общения с высоким уровнем самоуважения и конкурентоспособным человеческим капиталом (капитал образования + капитал культуры (культура потребления, культура здоровья, культура «конфликтирования» (по И. В. Ярмановой), экологическая культура, культура гендера) + капитал здоровья). Высокий уровень развития социальных компетенций гарантирует индивиду устойчивость и эффективную интеграцию в социум даже в условиях социальной турбулентности: ситуации хронического риска, стремительной динамики нестабильной общественной жизни, вымывании (выхолащивании) духовно-нравственных ориентиров, калейдоскопической смены социальных ситуаций, высокой конфликтности взаимодействия, нарастании агрессивности во всех формах и проявлениях.

С целью повышения социальной состоятельности личности и наращивания её конкурентоспособности в образовательном пространстве (школа — семья — учреждения дополнительного образования и т.д.) необходимо развернуть системную работу по развитию следующих социальных компетенций:

- способность эффективно отвечать на вызовы времени, осмысливая (рефлексируя) обстоятельства символического, событийного ряда; реагировать адекватно в непредвиденных типичных и нестандартных ситуациях; детерминации конкретных действий/бездействия на стимулы окружающей действительности (выбор поступка – это самовыражение субъекта);
- способность к инновационным преобразованиям, проявлению инициативы и предприимчивости;
- способность идентификации собственных целей, оценивания необходимых ресурсов для их достижения морально-нравственными способами без нанесения ущерба окружающим;
- способность работать в команде, уметь организовывать и руководить, подчиняться; брать на себя ответственность;
- способность формировать и наращивать конкурентоспособный человеческий капитал;
- способность к социальному проектированию – «самофутурированию» (проектированию своей судьбы). Это предполагает выстраивание собственного жизненного маршрута – от проектирования образования (самообразования), развития (саморазвития), воспитания (самовоспитания) до проектирования собственного качества жизни;
- способность отстраивать позитивный имидж, наращивать репутационный капитал как ресурс достижения собственных целей;
- способность фильтрации, избегания вредоносной, повреждающей информации;
- способность «сканировать» эмоциональные состояния партнеров по общению, адекватно оценивать их личностные черты и характеристики;

- способность правильно и оперативно определять характер отношений, складывающихся в процессе общения;
- способность предвосхищать реакции партнёра по общению, выбирая стратегию и тактики взаимодействия, своевременно корректировать их, адекватно складывающейся ситуации.

Однако современное отечественное образование, как утверждают многие потребители и заказчики образовательных услуг, здравомыслящие педагоги, медики, психологи, социологи — не выдерживают критики. Единственный официально признанный критерий оценки качества образования — ЕГЭ дискредитирован не только у научной и педагогической общественности, но и официальных представителей власти. В одном из интервью премьер-министр России Д. А. Медведев, став отцом выпускника 2012 года, не без юмора прокомментировал своё отношение к ЕГЭ, высказав мысль о необходимости совершенствования действующей системы оценивания школьного образования. При оценке его качества следует ориентироваться не только на предметную подготовку обучающихся, но и на состояние их здоровья, уровень сформированности социальных компетенций, степень интегрированности в социум, качество жизни. Эта мысль вполне согласуется с положениями предложенной им ранее Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», в которой акцентировалась идея сохранения здоровья школьников. В реальной образовательной практике по-прежнему нарастает острота противоречия между декларируемой на всех уровнях необходимостью сохранения здоровья школьников и жёстким требованием достижения высоких результатов ЕГЭ при явной ориентации менеджеров образования и педагогов на последнее.

Проанализировав данные регистрации больных в экономически благополучной Тюменской области в возрасте от рождения до 14 лет и подростков 15–17 лет с диагнозом, установленным впервые в жизни, за 2000–2010 годы [6] установили значительный рост заболеваемости по основным классам, группам и отдельным болезням.

Детей от 0 до 14 лет с диагнозом, установленным впервые в жизни, увеличилось на 22%; новообразованиями на 91,7%; крови, кроветворных органов и отдельных нарушений, вовлекающих иммунный механизм на 31,8%; нервной системы на 11,7%; системы кровообращения на 2,4%; органов дыхания на 31,1%; мочеполовой сферы на 30,5%; кожи и подкожной клетчатки на 17,1%; с врождёнными аномалиями (пороки развития) на 27,4%; травмами и отравлениями на 19,3%. Отметим также снижение заболеваемости по инфекционным и паразитарным болезням на 13,2%; эндокринной системы, расстройствах питания и нарушениях обмена веществ на 14,3%; органов пищеварения 12,7%; костно-мышечной системы и соединительной ткани на 4,9%.

Что касается другой возрастной группы — подростков 15–17 лет, то картина следующая: больных новообразованиями увеличилось на 40,7%; с диагнозом, установленным впервые в жизни на 16,5%; крови, кроветворных органов и отдельными нарушениями, вовлекающими иммунный механизм на 87,5%; системы кровообращения на 16,4%; органов дыхания на 38,8%; мочеполовой сферы на 28,8%; костно-мышечной системы и соединительной ткани на 5,7%; травмами и отравлениями на 24,9%. Снижение заболеваемости по инфекционным и паразитарным болезням произошло на 20,1%; органов пищеварения на 29,9%; эндокринной системы, расстройств питания и нарушений обмена веществ на 34,9%.

Безусловно, игнорирование факта ухудшения здоровья подрастающего поколения свидетельствует о недопонимании всеми субъектами образовательного процесса значимости здоровья как ресурса жизнеспособности, социальной состоятельности, качества жизни индивида, неспособности большинства учителей реализовать основные положения Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», слабом администрировании этим процессом. «Детство — возраст, в котором отрабатываются, совершенствуются, заложенные природой основы здоровья — физического, психического, социального и духовно-нравственного; это период, когда ещё допустимо и возможно влиять на изменения различных компонентов здоровья молодого человека. Необходимо лишь точно выявить индивидуальные «мишени», проблемные «точки» — слабые места индивида, определить психологические механизмы эффективного на них воздействия с целью его выздоровления» [7].

Школа подошла к пределу эксплуатации ученика. Агрессивное натаскивание всех выпускников до минимально допустимого уровня, «выжимание» из более способных высоких результатов продуцируют игнорирование индивидуальности ребёнка, утрату его самобытности, превращая за три последних года обучения в невротика с искажениями в личностном развитии и подорванным соматическом здоровье. Мировой опыт предупреждал об опасности оценивания качества образования по единственному показателю — ЕГЭ в форме тестирования. Зачем же российское образование не просто

наступает, а скачет по граблям! Например, в США в результате введения тестовой системы оценки знаний около 40% людей совсем не умеют читать или читают с трудом. За тридцать лет средние показатели SAT (Scholastic Aptitude Test), общеамериканских тестов, проводимых среди желающих поступить в высшие учебные заведения, упали ещё на 80 пунктов.

Проведённый Институтом Гэллага в 1988 году обзор географических знаний среди взрослого населения показал, что каждый седьмой американец не может найти США на «слепой» контурной карте без названия. Каждый четвёртый не мог указать местоположение Тихого океана. Заметно понизился уровень грамотности и умения считать без помощи электронных калькуляторов. Молодёжь испытывает трудности в области словесной коммуникации – налицо пониженная способность адекватно выражать себя в общении, будь то в сфере личных или деловых отношений [8]. Неслучайно Американская ассоциация развития науки призывала покончить со стандартизированным тестированием и вместо этого перейти к оценке достижений школьников через защиту ими исследовательских проектов. Это более качественный уровень подведения итогов обучения. Выпускник должен продемонстрировать не только теоретические знания, но и практическую их реализацию, исследовательские навыки и навыки публичной защиты своих идей. Таким образом, знания не будут оторваны от практики, а навыки выполнения исследовательского проекта будут усовершенствоваться на новой ступени образования — получении профессионального образования.

Практика общеобразовательного лицея Тюменского государственного нефтегазового университета подтверждает это. Введение элективного курса «Исследовательская деятельность» с подготовкой и защитой выпускной исследовательской работы по профилю обучения является важным для профессионального ориентирования выпускников лицея на обучение в ТюмГНГУ и наращивания внутривузовских интегративных связей, системной преемственности между уровнями общего среднего и высшего профессионального образования в условиях университетского комплекса. Курс же на приоритетность успеваемости, игнорирование социальных эффектов образования — возврат к позорному явлению — процентомании.

Более 10-летняя опытно-экспериментальная работа в образовательных учреждениях г. Тюмени (МБОУ СОШ №70, 66, общеобразовательный лицей ТюмГНГУ), школах Ялutorовского района Тюменской области и г. Ханты-Мансийске (МБДОУ ЦРП №7 «Ёлочка», МБОУ СОШ № 2) позволили выявить условия наращивания социальной состоятельности у детей и подростков: превращение образовательного учреждения в пространство социального партнёрства; «преобразование школы в полифункциональное образовательное учреждение, где наряду с инвариантными образовательными функциями обучения, развития и воспитания с целью оптимальности удовлетворения образовательных и иных потребностей субъектов учебно-воспитательного процесса комплексно реализуются вариативные ампликативные функции. К ним относятся сервисная, здоровьесберегающая, социально-педагогического сопровождения, персонологическая, реабилитационная, правозащитная, педагогической поддержки, культурологическая, коррекционная, интеграционная функции» [9]; наличие первичного социального интеллекта; стимулирующее, эмоционально поддерживающее пространство; насыщенная предметно-развивающая среда; формирование коммуникативного поля с предоставлением возможности реализации социальных ролей и расширения поведенческого репертуара; создание возможности для реальной социальной практики «в решении трудных задач, ожидавших их на пути к взрослой жизни» (по Я. Корчаку); возможность проявления активности, самостоятельности – «всякий подлинный опыт, – как отмечал Д. Дьюи, – обладает активностью»; эффективное наставничество при дозированном влиянии и обеспечении социальным закаливанием, «проектированием и организацией совместных социальных действий» (по А. Г. Асмолову).

Приоритетность академических знаний в ущерб здоровью детей, игнорирование педагогами их лично и социально значимых потребностей приводит к незрелости социальных компетенций и «упущению социальной выгоды». Это означает, что большинство выпускников становятся неконкурентоспособными по причине их социальной несостоятельности, неспособности эффективно выполнять социальные роли и быть востребованными в сфере производства и оказания услуг.

Список литературы

1. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенческий подход)// СоцИС. 2002. № 1. – С. 34–40.
2. Материалы McRinsey and Company [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eval-net.org/library/learning_for_social_impact_ipen_rus.pdf.

3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления (курс лекций). М., 2010. – 210 с.
4. Голиков Н. А. Проблемы социализации личности в условиях инновационных образовательных учреждений // Философия образования. – 2011. - №3. – С. 38–42.
5. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм. Том четвёртый. Книга 1. Ноосферное или неоклассическое человековедение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома: КГУ. – 2006. – 540 с.
6. Здоровоохранение в Тюменской области 2010. – С. 64, 100 и данным Российского статистического ежегодника – 2011., Здоровоохранение в Тюменской области 2006. - С. 100; Здоровоохранение в Тюменской области 2010. - С. 64, 100.
7. Голиков Н. А. Качество жизни детей: социально-педагогические детерминанты // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2009. – № 4. – С. 67–70.
8. Ошеров В. В. В нравственном тупике // Новый мир. –1996. – № 9. - С. 23–35.
9. Голиков Н. А. Качество жизни детей: социальные технологии оптимизации // Образование и общество. – 2011. – №2.– С. 68–72.

Сведения об авторе

Голиков Николай Алексеевич, к. п. н., доцент, директор общеобразовательного лицея Тюменского государственного нефтегазового университета, тел.: 83452463772

Golikov N. A., Candidate of Sciences in Pedagogies, Director of general vocational education college of Tyumen State Oil and Gas University, phone: 83452463772

УДК 33.81

ЗАПАДНЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ WESTERN MODELS OF THE YOUTH POLICY REALIZATION IN THE CONDITIONS OF NATIONAL MODERNIZATION

Ю. П. Куликова

J. P. Kulikova

Ключевые слова: молодежная политика, государственно-частное партнерство, политическая социализация молодежи

Key words: youth policy, public-private partnership, political socialization of youth

Проанализированы ключевые позитивные формы проявления активности молодёжи в условиях модернизации общества.

In the paper the key forms of positive forms of the youth activities in the conditions of the society modernization are analyzed.

Молодёжная политика в США не является отдельной сферой деятельности государственных органов. Воспитание молодых людей является составляющей частью системы образования. Основными инструментами воспитания молодёжи можно назвать привлечение молодёжи к общественной деятельности (Youth Service) и активное обучение через опыт (Service Learning).

Кроме того, как правило, стратегии развития образования и вовлечения молодёжи в общественную деятельность формулируются на уровне отдельных штатов.

На каждом уровне, по мере того, как молодой человек развивается, есть реально действующие органы самоуправления: в школе есть школьный совет, в колледже студенческий совет, решения которого обязательны для всех. Существует несколько национальных программ, объединяющих общественные организации, которые действуют на уровне штатов, городов, каждая из которых свободна в выборе организации мероприятий.

В США активно внедрены механизмы привлечения коммерческого сектора, в том числе благотворительных частных организаций, к участию в реализации программ и проектов молодёжной политики. Концепция молодёжной политики, реализованная в США, основывается на минимальном участии государственных структур в социализации молодёжи.

Социальная поддержка молодёжи является делом благотворительных частных организаций. На государственную помощь могут рассчитывать лишь наименее социально защищенные и неблагополучные категории молодёжи при жесткой регламентации расходования средств и четком ограничении числа нуждающихся в помощи.

Опыт Украины. Молодыми гражданами Украины являются лица от 14 до 35 лет. Государство определяет общие основы создания организационных, социально-экономических, политико-правовых условий социального становления и развития молодых граждан в интересах личности, общества и государства, основные направления реализации государственной молодёжной политики.

С начала 1990 годов численность молодёжи Украины сократилась.

Молодёжь характеризуется следующими количественными и качественными показателями: юноши и девушки от 14 до 35 лет составляют примерно треть всего населения страны; 70% молодёжи проживает в городах, 30% — в селах; имеется около двух миллионов молодых семей, из них около 600 тыс. проживают в сельской местности; 100 тыс. человек — официально зарегистрированные безработные.

Две трети молодых граждан 14–35 лет хотели бы иметь более высокий уровень образования. Почти половина (47%) работающей молодёжи работает не по специальности. Среди основных причин — отсутствие вакансий, неудовлетворительные зарплаты и условия труда.

По данным социологических опросов, для молодых людей наиболее привлекательными являются профессии юриста, бизнесмена, предпринимателя, банковского работника. Одновременно специальности, на которые растёт спрос на рынке труда, имеют невысокий рейтинг среди молодёжи: фермер, специалист в области сельского хозяйства, инженер, работник торговли, учитель, преподаватель.

Главные направления государственной молодёжной политики Украины:

- развитие и защита интеллектуального потенциала молодёжи, улучшение условий и создание гарантий для получения молодёжью образования, специальной профессиональной подготовки и переподготовки;
- обеспечение занятости молодёжи, ее правовой защиты с учетом экономических интересов, профессиональных и социальных возможностей общества;
- создание условий для овладения духовными и культурными ценностями украинского народа и для непосредственного участия молодых людей в их возрождении и развитии, в охране и воспроизведении окружающей природной среды.

Функции формирования и реализации государственной молодёжной политики:

- принятие законодательных актов, решений государственных органов, направленных на реализацию государственной молодёжной политики;
- проведение в Верховной Раде Украины ежегодных слушаний о положении молодёжи и подготовка доклада по этому вопросу Верховной Раде Украины, Президенту Украины;
- деятельность в органах государственной власти и управления всех уровней структурных подразделений, занимающихся проблемами молодёжи;
- создание социальных служб для молодёжи и подготовка социальных работников;
- разработка и реализация государственных целевых программ по вопросам молодёжной политики;
- выделение в государственном и местных бюджетах целевых средств на финансирование государственной молодёжной политики, привлечение материальных и финансовых ресурсов предприятий, учреждений и организаций, объединений граждан, заинтересованных в работе с молодёжью;
- образование специальных фондов.

В Финляндии молодёжная работа делится на собственно гражданскую работу молодых людей и различные общественные меры, направленные на улучшение условий деятельности молодёжи, что дополняется сервисными услугами, связывающими эти два сектора.

Согласно Закону о молодежи (72/2006), за общую разработку молодёжной политики и работу с молодёжью отвечает Министерство образования. Работа с молодёжью акцентируется на сотрудничестве со школьными сообществами. Среди ключевых партнеров — отдел общего образования департамента Министерства образования и научной политики и Национальный совет по образованию. Их общая сфера деятельности охватывает жизнь школьников в свободное от уроков время, грамотность школьников в области средств массовой информации и демократии, а также

различные проекты по расширению возможностей молодёжи. Ответственность за образование и обучение в молодёжной работе лежит на отделах Министерства по университетскому, политехническому и профессиональному образованию.

В настоящее время законы страны, регулирующие высшее образование, кроме традиционных видов деятельности, ставят перед высшей школой новую задачу — контролировать окружающую среду и потенциальный рынок труда. Решение этой проблемы достигается усилением контактов с местными компаниями и фирмами, общественными и частными организациями как непосредственными заказчиками на подготовку соответствующих специалистов. Почти каждый вуз имеет специальную службу занятости для студентов, ее сотрудники обязаны изучать ситуацию на рынке труда. Кроме того, существуют национальные агентства, которые исследуют тенденции в этой сфере на национальном уровне. Усиление влияния государства на систему высшего образования, повышение требований к специалисту и его положению на рынке труда обусловило одну из ведущих тенденций университетского образования — возрастание его профессиональной ориентации.

В стране действует более 400 муниципальных учреждений, работающих с молодёжью. Их обязанности определены в Законе о молодежи Финляндии 2006 года.

В целях расширения гражданской и общественной активности молодых людей (цель определена в Законе о молодежи), созданы 69 национальных молодёжных организаций и национальных служб по организации молодёжной работы и 37 национальных организаций по молодёжной работе, получающих рабочие субсидии от Министерства образования. Кроме того, Министерство образования выделяет рабочие субсидии районным организациям.

В Финляндии ведется активная борьба с наркотиками, которая является важным аспектом молодёжной политики.

Молодёжь активно вовлекается в политическую жизнь страны. В Парламенте Финляндии регулярно один раз в два года (с 1998 года) собирается «Молодёжный парламент». «Молодёжный парламент» организован совместно с центром школьных клубов.

Во Франции разработкой молодёжной политики занимается Министерство по делам молодёжи, спорта и общественных организаций при участии Министерства национального образования, Министерства занятости и солидарности, Министерства культуры и коммуникаций. Министерство имеет департаменты и региональные управления, ответственные за реализацию молодёжной политики на местах.

Молодёжь рассматривается как единый возрастной массив от 15 до 26 лет без разграничений на социальные подгруппы.

На местном уровне осуществляется экспертиза и финансирование молодёжных инициатив — программа «Проект М» (реализуется от 15 до 20 тыс. проектов в год с участием свыше 100 тыс. молодых людей).

Уровень безработицы среди молодёжи составляет 23%, что в 2 раза превышает аналогичный показатель по иным возрастным группам. На законодательном уровне вопросам трудоустройства молодёжи уделяется особое внимание.

Сотрудничество власти и неправительственных организаций на всех трех уровнях реализации молодёжной политики является необходимым шагом. Одна из важнейших целей этого сотрудничества — уменьшение процента безработных молодых людей.

Во Франции общественные организации, добровольно зарегистрировавшиеся при Министерстве по делам молодёжи и спорта, рассматриваются как потенциальные партнеры и имеют право обращаться за материальной помощью для реализации конкретных проектов.

Национальный совет молодёжи, возглавляемый министром по делам молодежи и спорта и объединяющий представителей политических, гражданских, профсоюзных молодёжных структур, выступает инициатором многих проектов. Советы молодёжи действуют на уровне департаментов и в муниципалитетах.

Реализуется ряд министерских проектов по поддержке молодёжи: молодёжная программа, поощряющая чтение книг, как условие формирования полноценной культурной личности; поддержка молодёжного кинематографа; обеспечение доступа молодёжи к занятию спортом, особенно из малообеспеченных семей, выдача «спортивных купонов» для оплаты занятий в секциях, выделение средств Национального фонда развития спорта на региональный уровень для поддержки спортивной инфраструктуры; создание специализированных информационных центров для молодёжи, где предоставляются информационные и консультационные услуги.

В Швеции деятельность по реализации молодежной политики регулируется Министерством культуры. Государственный молодежный совет действует в Парламенте страны, молодежные советы также создаются и на муниципальном уровне.

В Швеции проблема трудоустройства и профессиональной переподготовки решается с учетом особенностей местных рынков труда и кадровых запросов бизнеса. Несмотря на последствия экономического кризиса, рынок труда увеличивается, открытая безработица остается на неизменно низком уровне. Это удалось сделать благодаря эффективной политике властей по регулированию занятости. Были расширены полномочия бюро по трудоустройству, которые большее внимание стали уделять проверке готовности к труду получающих пособие из страхового фонда.

В Швеции обучение в средней и высшей школах бесплатное, но стипендия для оплаты проживания и учебных пособий предоставляется в виде подлежащего возврату кредита (4% отчисления от заработка после завершения учебы и устройства на работу).

Местные власти играют важную роль в организации мероприятий в области активного отдыха, образования, искусства и культуры молодежи. налажена система спортивных клубов, оздоровительных центров, школ, колледжей, картинных галерей, музеев, концертных залов и библиотек. Организация досуга молодежи и всего населения того или иного района осуществляется через систему образования, совокупность услуг является результатом совместной деятельности местных властей и добровольных спортивных организаций.

Также развито движение студентов-волонтеров и наем работников через рекламу на телевидении и интернет.

Шведская система молодежной политики базируется на широком привлечении общественных организаций, являющихся полноправными партнерами государства.

Сведения об авторе

Куликова Юлия Павловна, политолог, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, тел.: 89088734455, e-mail: jp.kulikova@gmail.com

Kulikova Yu. P., political scientist, the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, phone: 89088734455, e-mail: jp.kulikova@gmail.com

УДК 316.74:37

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

FORMATION OF STUDENTS SOCIAL COMPETENCE IN THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION

А. А. Новикова

A. A. Novikova

Ключевые слова: **социальная компетентность, уровень сформированности
социальной компетентности студентов**

Key words: **social competence, level of development of the social competence of students**

Рассматривается вопрос, связанный с необходимостью формирования социальной компетентности студентов, анализируются результаты исследования.

The question related to the need to develop social competence of students, analyzes the results of the study.

В современных условиях нелинейной трансформации российского общества на фоне происходящих сложных социальных процессов перспективы развития личности приобретают особое значение. На снижение уровня социальной компетентности современной молодежи сегодня указывают руководители промышленных, производственных структур и образовательные институты. Имеется проблема адаптации личности студента-выпускника в социуме.

Как известно, в вузе осуществляется процесс самоопределения молодого человека в жизни, формируются его жизненная и мировоззренческая позиции, осваиваются индивидуализированные

приемы деятельности, межличностное общение и поведение, происходит непосредственное включение в определенные общественные отношения. Представляется, что задача современной высшей школы заключается в акцентуализации не только профессионального становления будущего специалиста, но и актуализации развития социально-значимых компетенций студента.

Еще в 1996 г. в докладе международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокрытое сокровище» Жак Делор, бывший председатель комиссии по образованию ЮНЕСКО, сформулировал «четыре столпа», на которых основывается образование: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить и определил основные глобальные компетентности [1]. Согласно Жаку Делору, одна из них гласит — научиться делать, с тем, чтобы приобрести не только профессиональную квалификацию, но и в более широком смысле компетентность, которая дает возможность справляться с различными многочисленными ситуациями и работать в группе.

На необходимость формирования социальных компетентностей на западе обратили внимание еще в 1970–80-х гг. с целью научить обучающихся самовыражаться, думать, искать, анализировать, сотрудничать (Н. Хомский, Р. Уайт, Дж. Равен).

В зарубежных глоссариях под социальной компетентностью понимается, как правило, приобретенная способность, включающая собственно компетентность и социальные навыки, применяемые в интеракции, то есть знание и владение социальными суждениями, эмпатией и сценариями коммуникации между людьми.

Наиболее системным и обобщенным определением социальной компетентности, которое часто цитируют в англоязычной литературе, является определение М. Е. Ford, который рассматривал ее как «способность достижения социально значимых целей в конкретном культурном контексте с использованием допустимых средств, в первую очередь, для решения стоящих на данный момент задач развития» [2].

В 90-х гг. Б. Оскарсон, приводя список базовых навыков (компетентностей), к ключевым отнес: способность эффективной работы в команде, планирование, разрешение проблем, творчество, лидерство, предпринимательское поведение, организационное видение и коммуникативные навыки [3].

Р. Сельман определяет социальную компетентность как социальный успех, ориентацию на сотрудничество [4]; Роуз Краснор — как способность достигать желаемых результатов, умение выбирать социальные ориентиры и действовать адаптивно, поддерживая при этом позитивные отношения с другими [5]; Р. Ульрих и М. Р. Ульрих социальную компетентность соотносят с характеристиками человека, которые позволяют ему принимать решения относительно себя самого, правильно понимая ожидания и требования других [6]; Дж. Спивак, М. Шур, Д. Харрис понимают социальную компетентность как систему знаний о социальной действительности, систему социальных умений и навыков взаимодействия, сценариев поведения в типичных социальных ситуациях [7].

Мнение практиков, профессионалов существенно дополняют понимание структуры социальной компетентности, однако, авторы часто выделяют только её коммуникационную направленность, что, на наш взгляд, значительно сужает понимание ее сущности. Например, Клаус Кобьелл по степени сложности различает следующие типы социальной компетентности: *выражение*: способность изъясняться, выражать свои знания, мнение и желания; *восприятие*: способность слушать, наблюдать за другими членами группы, воспринимать события и динамику процесса в группе; *открытость*: готовность воспринимать стимулы, способность выслушивать критику и спорить с другими; *сотрудничество*: способность осознавать и воспринимать возможности собственных действий и ответственность, умение понимать и приспосабливаться к действиям других; *формирование*: способность адаптироваться, налаживать контакты, находить свое место в группе, высказывать критику адекватно ситуации, последовательность в обучении, умение вести разговор, вести себя соответственно процессу динамики развития группы; *идентификация*: способность поставить себя на место другого и разрешать конфликты в соответствии с ситуацией, поддерживать баланс «близость и дистанция», осознавать собственные возможности и границы [8].

Р. Вундерер, П. Дик обосновывают, что при организационном развитии необходима целенаправленная ориентация на стимулирование социальной компетенции на уровне индивида (с помощью обучения и инструктажа в области коммуникации), на уровне команды (путем обучения в области становления команд, «кружков качества»), на уровне организации и отдельных организационных подразделений (посредством частично автономной групповой работы). При

целенаправленной ориентации, систематическом согласовании отдельных элементов и их надлежащей реализации организационное развитие дает хорошие шансы на глубокие изменения в социальной компетенции на предприятии [9].

Даже краткий обзор в ракурсе исследования проблематики показывает, что единого принятого определения социальной компетентности нет, поэтому часто выделяют отдельные задачи, которые решаются с использованием данного конструкта:

- способность индивида эффективно и адекватно разрешать различные проблемные ситуации, с которыми он сталкивается;
- эффективность индивида в повседневном взаимодействии со своим окружением; умение достигать поставленных социальных целей в специфических условиях с использованием соответствующих средств;
- способность пользоваться ресурсами социального окружения и личностными ресурсами для достижения высоких результатов;
- способность эффективно участвовать в сложных межличностных взаимодействиях, понимая и используя знания и опыт других людей и т.д.

Среди отечественных авторов, внесших значительный вклад в разработку проблем компетентности, необходимо назвать В. И. Байденко, Л. А. Петровскую, А. К. Маркову, И. А. Зимнюю. Все авторы акцентируют внимание на современной потребности формирования социальной компетентности обучающихся.

Ю. Г. Татур относит к категории социальной компетенции аутопсихологическую компетентность, готовность к критической самооценке, постоянному повышению квалификации [10]. По мнению И. Г. Захаровой, социальная компетентность — это свойство личности, возникающее в результате профессиональной подготовки выпускника, при котором уровень его подготовленности к жизни и деятельности в обществе, знания, умения, навыки освоения социальных норм и ценностных ориентиров позволяют прогнозировать и продуктивно взаимодействовать с профессиональной и социальной средой [11].

По мнению Г. П. Масыгиной, социальная компетенция определяется качеством личности, сформированным в процессе ее социализации, представляет определенный уровень интегрированных знаний, опыта деятельности человека, обеспечивающих эффективное выполнение заданных социальных ролей, определяет направленность личности и ее готовность к эффективному взаимодействию со средой. Это социально обусловленное обобщенное качественное новообразование личности, способствующее успешному выполнению ею социальных ролей, характерных для эффективной жизнедеятельности в условиях данного общества, социума [12].

На основании анализа сущностных компонентов представляется возможным определить социальную компетентность как интегрированную категорию, включающую: *совокупность социальных знаний, умений, навыков, способов деятельности, а также социально-значимых качеств и характеристик личности, необходимых для качественной продуктивной профессионально-общественной и личностной жизнедеятельности.*

Особенностью социальной компетентности является «включенность» во все сферы общественного взаимодействия социально активной личности и «имманентность», присущие внутренней организации личности.

Поскольку социальная компетентность представляет сложную комплексную систему компетентностей, представляется возможным выделять основные компетентности, овладение которыми позволяют личности успешно взаимодействовать, позиционировать и реализовывать себя в социуме: 1) *политическую и социально-экономическую компетентность*; 2) *поликультурную компетентность*; 3) *социально-коммуникативную компетентность*; 4) *информационно-инструментальную*;

5) *индивидуально-личностную компетентность.*

В ракурсе исследования проблемы формирования социальной компетентности студентов, автором проведены исследования: I) в сентябре-октябре 2011 г. — целевое анкетирование для апробации созданной автором «шкалы определения уровня социальной компетентности» студентов; применяя метод целевой выборки, опрошено 60 студентов (20 респондентов ТюмГНГУ, 20 — ТГУ, 20 — ТГСПА); II) в октябре 2011 г. — экспертный опрос. В качестве экспертов опрошено 50 представителей руководящего состава промышленных, производственных, образовательных структур Тюменской области в городах: Югорске, Тюмени, Тобольске, Надыме, Ямбурге, Ноябрьске для выявления компетентного мнения, удовлетворенности качеством профессиональной подготовки,

сформированными социальными компетентностями и личностными качествами выпускников вузов; получения рекомендаций, связанных с повышением эффективности формирования профессиональной и социальной компетентности специалистов вузов региона.

В рамках первого исследования в блоке политической и социально-экономической компетентности оценивались следующие компетенции: «социальная активность; понимание политического, социально-экономического развития». В блоке поликультурной компетентности: «взаимодействие с представителями других культур; принятие и интерес к культуре людей близкого окружения», в оценке социально-коммуникативной компетентности: «умение работать в команде; уровень самоконтроля, стрессоустойчивости; умение правильно реагировать на критику; коммуникативная компетенция (умение правильно выражать мысли, деловая переписка)». В информационно-инструментальном блоке: «информационно-инструментальные умения (способность адекватно воспринимать и анализировать информацию, умение применять современные информационные технологии в работе)». Индивидуально-личностная компетентность оценивалась на основе выявления уровня развитости следующих компетенций: «мотивация достижения; уверенность в своих силах, действиях; умение принимать решения; креативность, творчество; потребность личностного роста, в самообразовании, саморазвитии; личностные качества; приверженность здоровому образу жизни».

На основании шкал Е. Долла и методов «Ассесмент-центра», автором разработана анкета, шкала оценки уровня социальной компетентности студентов (табл.1). Уровень сформированности социальной компетентности оценивался согласно результатам положительного выбора из предложенных вариантов ответа: «всегда», «иногда», «никогда».

Таблица 1

Оценка и определение уровня социальной компетентности

Варианты ответов	Количество избранных баллы	Уровень сформированности социальной компетентности
Всегда	26–35 (включая 4 вопрос № ответа –1)	Социальная компетентность сформирована достаточно хорошо — «высокий»
Всегда	16–22	Социальная компетентность сформирована средне — «средний»
Всегда	Ниже 16	Социальная компетентность сформирована недостаточно — «низкий»

Результаты исследования продемонстрировали следующее распределение социальных компетенций по уровням (рис.1).

Анализ результатов исследования показал, что социально-коммуникативная компетентность: («умение работать в команде» — у 36% студентов сформировано данное умение; «уровень самоконтроля, стрессоустойчивости» — у 45% респондентов-студентов выявился высокий уровень; «коммуникативная компетенция» — у 76% опрошенных) — сформирована «средне».

Индивидуально-личностная компетентность сформирована также на «среднем» уровне: 45% опрошенных студентов демонстрируют уверенность в своих силах, возможностях. Компетенция «умение принимать решения» — развито средне — 58% способны принимать решения, согласно здравому смыслу и позиции «не навреди». Показатели результатов «креативной, творческой компетенции» — 36% говорят о недостаточном уровне сформированности данной компетенции.

Потребность в личностном росте, самообразовании, саморазвитии сформирована недостаточно: постоянно повышают свой профессиональный уровень — 20% респондентов, читают интересующую литературу, повышают культурный уровень, энциклопедические знания — 23,3% опрошенных студентов, проявляют интерес к непрофессиональным видам деятельности — 38,3%.

В оценке личностных качеств респондентов можно выделить, что такие качества, как мотивация на успех и доброжелательность выражены достаточно высоко — 85%. К среднему уровню сформированности отнесены: духовность, культура, гуманность — 48,3%, самообладание, толерантность — (46,6%). Остальные качества выражены недостаточно: приверженность

здоровому образу жизни продемонстрировали 41,7% опрошенных, творческое воображение — 35%, образованность, трудолюбие, работоспособность — 35%.

Уровень социальной активности в определении политической и социально-экономической компетентности охарактеризован как «слабо выраженный» — «недостаточный»: большая часть респондентов — «иногда» 38% или «никогда» 32% следят за политической и международной обстановкой, выражают активную гражданскую позицию, отслеживают события в стране, включая правовые и другие новшества, разбираются в происходящих социальных и экономических процессах.

Рис. 1. Уровни социальных компетенций студентов

Информационно-инструментальная компетентность сформирована достаточно высоко: 100% опрошенных респондентов способны адекватно анализировать и воспринимать информацию, 78,3% — всегда применяют современные информационные технологии в своей работе.

Поликультурная компетентность сформирована достаточно высоко: 78,4% опрошенных респондентов не испытывают нетерпимости к представителям других национальностей, 85%

принимают культуру людей группы общения. Согласно шкале определения уровня сформированности социальной компетентности, респонденты-студенты имеют оценку 17 баллов, что соответствует «среднему уровню» сформированности социальной компетентности, граничащей с низким порогом значений — 16 баллов.

На основании анализа исследования удовлетворенности экспертов-работодателей качеством подготовки специалистов, выпускающихся вузами Тюменской области, выявлено, что 100% опрошенных экспертов интересуются вузом, который окончил молодой специалист. Профессиональная подготовка молодых специалистов, окончивших вузы нашего региона, удовлетворяют полностью только 20% экспертов, 58% удовлетворяет частично и 22 % не удовлетворяют.

Вместе с формированием профессионализма, эксперты акцентируют внимание на необходимость развития социальных, личностных качеств студентов — будущих выпускников вуза, включая образованность, культурность, трудолюбие, активность, творческое мышление и т.д. (табл. 2).

Таблица 2

Мнение экспертов о качествах и компетенциях, которые должны быть сформированы у студентов в вузе, % от числа опрошенных

Варианты ответов	Количество, %
Теоретические, практические знания, умения — профессионализм	100
Культура поведения, образованность	90
Спокойствие, стрессоустойчивость	88
Умение реагировать на критику, работать в команде	94
Ответственность	100
Трудолюбие	88
Способность к самосовершенствованию	80
Активность, мобильность	70
Творческий подход	68

Большинство экспертов считают, что поликультурная (30% оценивают «достаточно высоко», 54% — «средне») и инструментально-информационная компетентности (36% оценивают «высоко» и 54% — «средне») сформированы в достаточной степени. В то время, как социально-коммуникативная (46% оценивают «средне», 44% — «недостаточно») и политическая, социально-экономическая компетентности (52% оценивают «средне» и 36% — «недостаточно») сформированы в недостаточной степени. Индивидуально-личностная компетентность, по мнению большинства экспертов, сформирована «средне» (58% удовлетворены уровнем сформированности данной компетентности).

Очевидна ситуация частичной удовлетворенности экспертов-работодателей качеством подготовки (профессиональной, социально-личностной) молодых специалистов вузами нашего региона.

Анализ результатов подводит автора исследования к выводу о необходимости внедрения инновационных методов, социальных техник в образовательном пространстве вузов нашего региона, способствующих формированию профессиональных знаний и развитию социальных умений, навыков студентов, что обеспечивает успешность жизнедеятельности личности в социуме.

Список литературы

1. Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище. UNESCO, 1996.
2. Ford M. Цит. по: Allen et al., 1989. - P. 458.
3. Оскарссон Б. Базовые навыки как обязательный компонент высококачественного профессионального образования // Оценка качества профессионального образования: Доклад 5 / Под

общ. ред. В.И. Байденко, Дж. ван Зантворта. Европейский фонд подготовки кадров. Проект ДЕЛФИ. - М., 2001.

4. Selman R. L. The growth in interpersonal understanding. - N.Y.: Askad. Press, 1980.

5. Rose-Krasnor L. // Social Development, 1997. V.6. №1. P.111-129.

6. Ulrich R., Ulrich de Muynck R. Diagnose und Therapie sozialer Störungen. Das Assertiveness-Trainings-Programme ATP. München: Pfeiffer, 1980. - P.170-186.

7. Spivac G. & Shure M. B. The cognition of social adjustment: Interpersonal cognitive problem-thinking. In: B. B. Lahey & A. E. Kazdin, (Eds.) Advanced in clinical child psychology. New York: Plenum, vol. 5. 1982.

8. Кобьелл К., Р. Бергер. Как стать лучше? Tune: новый путь привлечения и удержания клиента / К. Кобьелл, Р. Бергер. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. - 185с.

9. Вундерер Р., Дик П. Ключевая роль социальной компетентности в концепции сопредпринимательства // Проблемы теории и практики управления. 2003. №5. [Электронный ресурс].

URL: <http://victimolog.ru/index.php/articles/109-klyuchevaya-rol-cotsialnoj-kompet>. (дата обращения 22.09.2011).

10. Татур Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. - 2004. - №3. - С.20-26.

11. Захарова И. Г. Формирование социальной компетенции будущих инженеров: автор. дис.... канд. пед.наук / И. Г. Захарова. Саратов, 2010. - 26с.

12. Масягина Г. П. Формирование социальной компетенции будущих педагогов: автореф. дис... уч. степ. канд. пед. наук.- Астрахань, 2008. - 24с.

Сведения об авторе

Новикова Анжелика Ахметовна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Тобольский индустриальный институт, г. Тобольск, тел.: 8(3456) 255920, e-mail: Lika-malah@mail.ru

Novikova A. A., senior lecturer of the Chair of Humanities, Tobolsk Industrial Institute, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3456) 255920, e-mail: Lika-malah@mail.ru

УДК 37.012

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА: КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД HUMANITY TECHNOLOGIES IN DESIGNING THE EDUCATIONAL SPACE OF THE ENGINEERING HIGHER EDUCATION INSTITUTION: CLUSTER APPROACH

Д. Ю. Трушников, В. И. Трушникова

D. Yu. Trushnikov, V. I. Trushnikova

Ключевые слова: кластер, воспитание, инженер-интеллигент, высшее образование
Key words: cluster, education, engineer-intelligent, higher education

Излагается информация о применении гуманитарных технологий в высшем инженерном образовании, в условиях технического университета; раскрывается особенность кластерного подхода в проектировании воспитательных систем.

This article provides the information on use of humanitarian technologies in higher engineering education in the conditions of the technical university. A specific feature of the cluster approach in designing the educational systems is disclosed.

Эколого-экономические, социально-культурные и ресурсно-технологические проблемы современной цивилизации открыто свидетельствуют о системном кризисе. Как полагает ряд исследователей (Боткин Дж., Моисеев Н. Н., Печчеи А., Хантгтон С. и др.), он носит антропологический характер [1]. Его преодоление и переход общества к устойчивому развитию связаны, в первую очередь, с формированием качественно новой культуры человечества (Урсул А. Д., Мамедов Н. М., Глазачев С. Н. и др.). Культурологический подход переводит решение проблемы в сферу

образования, приоритетной задачей которого становится воспитание у каждого человека внутренней убежденности в необходимости добровольного следования стратегии устойчивого развития [2]. Это определяет роль системы высшего образования в преодолении кризисных явлений: формирование новой генерации специалистов с высоким уровнем общей и профессиональной культуры, глобальным мышлением и высоконравственным сознанием, способных практически осуществлять идеи коэволюции природы и общества – инженеров-интеллектуалов. Особую миссию при этом несут технические вузы, готовящие инженерные кадры для сферы промышленного природопользования.

Удовлетворение новых запросов общества в подготовке инженера-интеллектуала (Трушин В. Ф., 1952) требует перестройки всей работы современного технического вуза, прежде всего, за счет большей гуманитаризации и гуманизации образования [3]. Важнейшие требования, которые предъявляет к системе образования современность, – глобализация и интернационализация, стандартизация и унификация, открытость и доступность, высокое качество образовательных услуг, обеспечивающих конвертируемость образования, социальную и профессиональную мобильность выпускника, его конкурентоспособность [4].

Одной из наиболее перспективных форм реализации этих идей удовлетворения социального заказа являются региональные многоуровневые учебно-научно-производственные (Ghe Yu Fan, 2005) инновационные культурно-образовательные кластеры, включающие кластеробразующие предприятия, деятельность которых зависит от системы организаций и предприятий, работающих в едином экономическом направлении. Кластерный подход достаточно широко используется [5] для описания функционирования экономических систем и организации деятельности производственных комплексов. Кластеризация образовательного пространства вуза, расширение и углубление его внешних и внутренних связей создадут оптимальные условия для гуманизации и гуманитаризации инженерного образования, позволят гармонично вписать в него систему воспитания, направленную на развитие личности инженера-интеллектуала, обладающего высоким уровнем общей, профессиональной и экологической культуры, способного активно влиять на экологическую политику региона, его производственную и социокультурную сферы.

Университетский комплекс (рис. 1.), являясь частью регионального кластера [6] в определенной сфере промышленности, реализует принципы системности, научности, непрерывности, гуманизации и гуманитаризации образования, имеет возможность более рационально распределять выпускников, развивать контрактно-целевую и договорную формы подготовки специалистов, более целенаправленно осуществлять повышение квалификации, получить дополнительную учебно-лабораторную базу, отвечающую современным требованиям и максимально приближенную к условиям научно-производственного и образовательного комплексов региона.

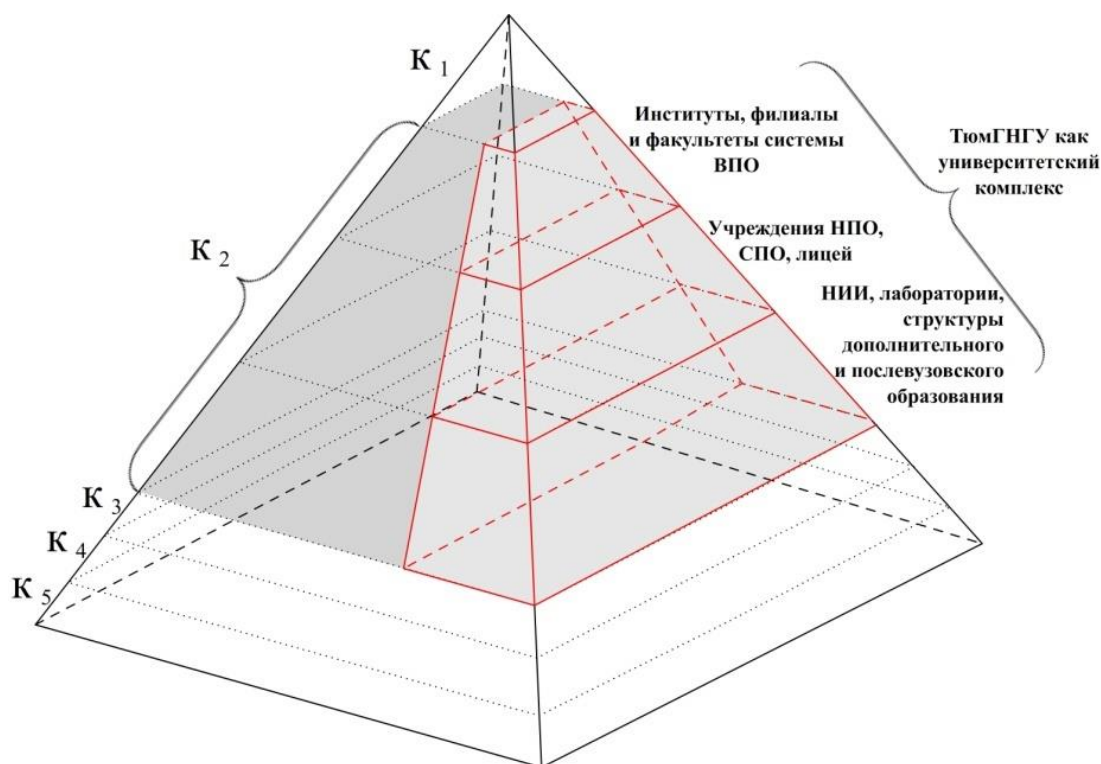

Рис.1. Университетский комплекс (ТюмГНГУ)

Университетский комплекс в структуре регионального кластера в сфере промышленного природопользования: K_1 — предприятия (организации), специализирующиеся на профильных видах деятельности; K_2 — образовательные и научно-исследовательские организации; K_3 — предприятия, поставляющие продукцию или оказывающие услуги для специализированных предприятий, обслуживающие отрасли общего пользования, включая транспортную, энергетическую, инженерную, природоохранную и информационно-телекоммуникационную инфраструктуры; K_4 — организации рыночной инфраструктуры (аудиторские, консалтинговые, кредитные, страховые и лизинговые услуги, логистика, торговля, операции с недвижимостью); K_5 — некоммерческие и общественные организации, объединения предпринимателей, торгово-промышленные палаты, организации инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства: бизнес-инкубаторы, технопарки, промышленные парки, венчурные фонды, центры трансфера технологий, центры развития дизайна, центры энергосбережения, центры поддержки субподряда (субконтракта).

Ввиду того, что специальности среднего и высшего профессионального образования представляют определенные локальные области знаний, которые могут быть использованы при выполнении различных видов деятельности (проектно-конструкторской, производственно-технологической, испытательно-исследовательской, управленческой на различных уровнях и должностях, занимаемых специалистами с высшим или средним профессиональным образованием), необходим специфический подход к построению образовательной среды учреждения профессионального образования. Кластерный подход к педагогическому феномену профессионального образования предполагает выделение и анализ подсистем-компонентов [7], входящих в систему, а также изучение связей между компонентами, обуславливающих появление новых, интегративных качеств системы, которых нет у ее отдельных компонентов. Таким образом, эволюционно новым этапом развития университетского комплекса является кластер, то есть специально организованная культурно-образовательная система, представляющая иерархически выстроенную совокупность образовательных, культурных, научных, инновационных, конструкторских, технологических, производственных, социальных и иных единиц, а также установленных тесных связей между ними.

Методологической основой построения воспитательной системы кластера [8] выступает комплекс идей о целостности человека, о духовности человека и роли рефлексии в развитии его

субъектности, его уникальной способности определять жизненные перспективы, искать смысл жизни, выбирать для себя нравственные ценности и ориентиры. Речь идет о сущности самосозидающего, трансцендирующего (выходящего за любые актуально данные пределы), открытого ко всяким возможностям человека, об открытости целостного педагогического процесса, направленного на создание условий саморазвития, самообразования человека, по обеспечению для него пространства выбора, возможностей свободного и творческого действия (табл. 1).

Таблица 1

Этико-эстетическое пространство воспитания

Эстетика		Знание	Отношение	Поведение	Цель
Э т и к а	Знание	Экоцентрическое сознание	Рациональное понимание общественных отношений (уважение позиции другого)	Эмоционально-ценностная гармония внутреннего мира	Легитимные представления о мире, обществе, себе
	Отношение	Принятие другого	Действенно-эмоциональное понимание (толерантность)	«Нравственное самостроительство»	Оспособление общественных норм поведения и нравственная саморегуляция
	Поведение	Осознанное отношение к миру, себе, обществу	Общественно-культурная идентификация	Осмысленность существования	Формирование качеств интеллигента
	Цель	Антропоэкологическое отношение к миру	Гармония «Я-в-мире»	Культурно-личностное отношение к жизни	«Я»

Данная методологическая основа построения аксиологической модели воспитания позволила сформулировать систему понятий, на которые ориентировано воспитание в кластере (табл. 2).

Таблица 2

Система понятий, на которые ориентировано воспитание в кластере

Эстетика		Знание	Отношение	Поведение	Цель
Э т и к а	Знание	МИР	ОБЩЕСТВО	КРАСОТА	Легитимные представления о мире, обществе, себе
	Отношение	ЧЕЛОВЕК	ДОБРО	ТВОРЧЕСТВО	Оспособление общественных норм поведения и нравственная саморегуляция
	Поведение	ИСТИНА	КУЛЬТУРА	ДУХОВНОСТЬ	Формирование качеств инженера-интеллигента

Цель	Антропо-экологическое отношение к миру	Гармония «Я-в-мире»	Культурно-личностное отношение к жизни	«Я»
------	--	---------------------	--	-----

Анализируя кластер вуза и его связи с кластерообразующим предприятием [9], обеспечивая технологическое, онтологическое, ценностное основания воспитания, проектируя воспитательную систему вуза с учетом принципов кластерного подхода, мы обеспечиваем реализацию цели и достижение результата воспитания: лично-профессиональную компетентность инженера-интеллекта (рис.2).

Система воспитания в данном контексте выглядит следующим образом (рис. 3). Данная система, построенная на базе классической образовательной системы [10], помимо традиционных компонентов — цель, содержание, методы и средства, формы, условия и результат, — включает интегрирующий и системообразующий центр — социальный заказ, связанный с комплексом «цель и результат» и со всеми компонентами данной системы.

Из детального анализа сущности педагогического процесса на основе системно-деятельностного подхода следует вывод о том, что воспитательный процесс является подсистемой педагогического процесса; цели воспитательного процесса социально детерминированы; все его элементы тесно взаимосвязаны между собой и взаимообусловлены; цели профессионального воспитания не могут быть достигнуты, если они не соотносятся с принципами воспитания, которые отражают основные требования к организации педагогической деятельности, указывают ее направление, а в конечном итоге помогают творчески подойти к построению педагогического процесса. Это принцип гуманистической направленности профессионального воспитания, целостности образовательного и воспитательного, демократизации процесса профессионального воспитания, индивидуально-личностной ориентации и дифференциации. Помимо этого в матрице принципов воспитания находит свое место принцип натурности, объединяющий идеи творческого начала, комплексного воздействия, последовательности и систематичности, цикличности, нравственности, эстетики и эстетизации среды. Содержание воспитания, отобранное с использованием принципа натурности, выступает основным средством воспитания гуманистического отношения к природе.

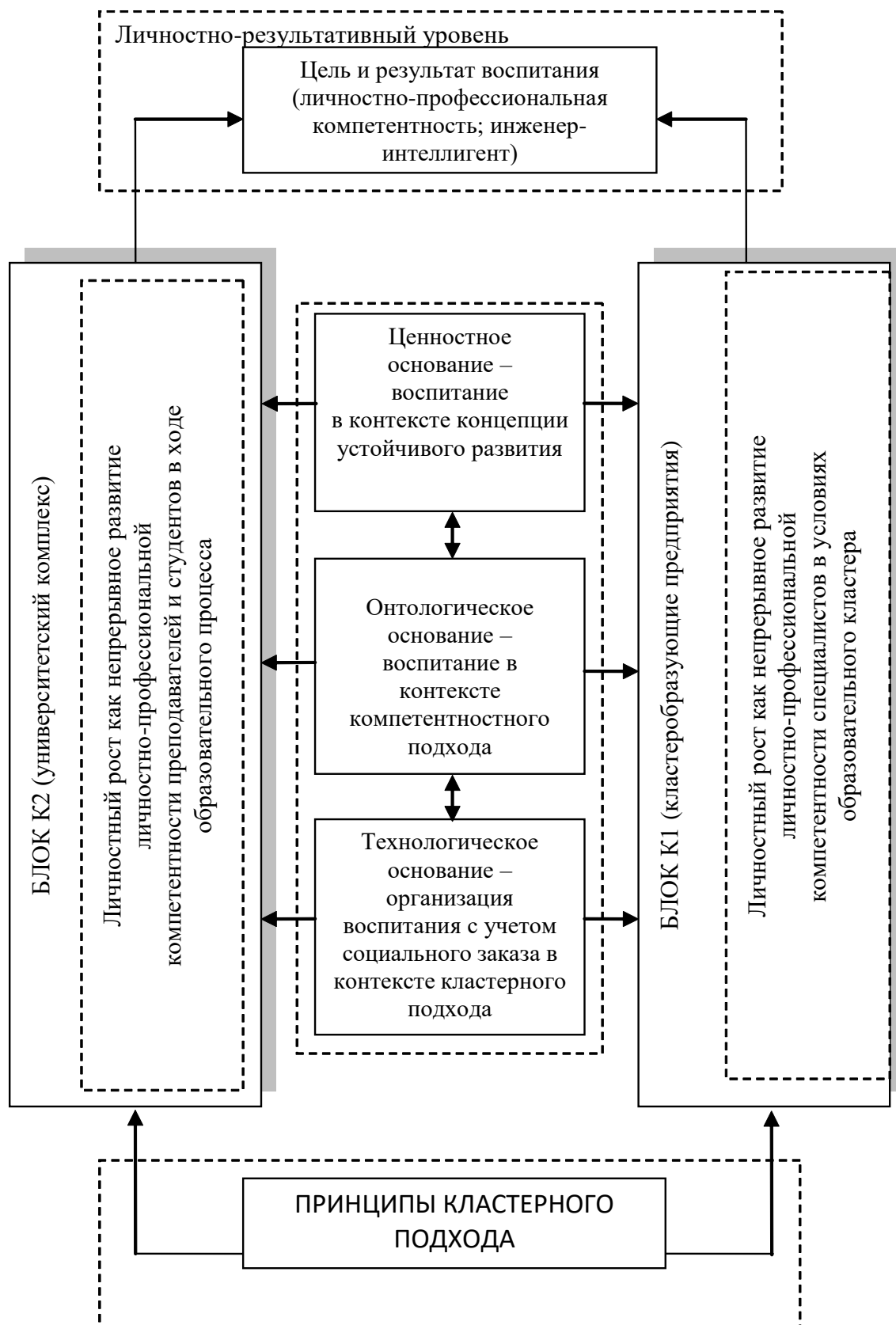

Рис.2. Взаимодействие между блоками K1 и K2 регионального кластера в сфере промышленного природопользования

Рис.3. Система воспитания в структуре образовательного кластера

При разработке содержания комплекса воспитательных мероприятий мы руководствовались следующими критериями значимости учебного материала: знаниевой значимостью, возможностью организации на основе обучения экспериментально-практической экоцелесообразной деятельности студентов и возможностью моделирования благоприятных условий, способствующих повышению эффективности воспитания гуманистического отношения к природе. Отбор материала, используемого в комплексе воспитательных мероприятий, производился в соответствии со следующими принципами: максимализации эмоциональности (способность факта вызвать мощный эмоциональный отклик), гуманистической направленности, доступности (учет психофизиологических особенностей), научности (использование признанных научных фактов и проверенных научных теорий и гипотез).

Среди условий эффективности профессионального воспитания будущих специалистов в вузе очень важными являются: культивирование гуманного стиля взаимоотношений между всеми участниками образовательного процесса; обеспечение дисциплины и порядка как условий защищенности студентов и преподавателей в образовательном пространстве вуза; инициирование, стимулирование и поддержка студенческих инициатив, нацеленных на улучшение организации студенческой жизни и быта, соотносенных с образом профессиональной деятельности будущего специалиста; неуклонное совершенствование методического мастерства педагогов; изучение потребностей общества в контексте коррекции образовательных задач. Цель, задачи воспитания, а также содержание компетентностной модели выпускника ТюмНГУ (рис. 4) определяют следующие направления воспитательной деятельности: профессиональное воспитание; духовно-нравственное воспитание; гражданско-патриотическое воспитание и развитие правовой культуры; культурно-эстетическое воспитание; экологическое воспитание; физическое воспитание.

Надо привлекать студентов в профессиональные общности, создающие атмосферу «цеха», культивирующие представления о профессиональных традициях, образе жизни, способах организации досуга и быта, формирующие жизненный опыт будущих специалистов. Необходимо при

этом использовать в воспитательной работе со студентами культурно-историческое наследие конкретного региона; при осуществлении профессионального воспитания студентов взаимодействовать с учреждениями культуры, творческими союзами и организациями, шире использовать натурностный подход; следует уделять внимание материальному, нормативно-организационному, кадровому, научному, информационно-методическому обеспечению воспитательной работы со студентами. Учебно-воспитательное пространство инженерного вуза в данном контексте приобретает специфические черты, раскрываемые нами.

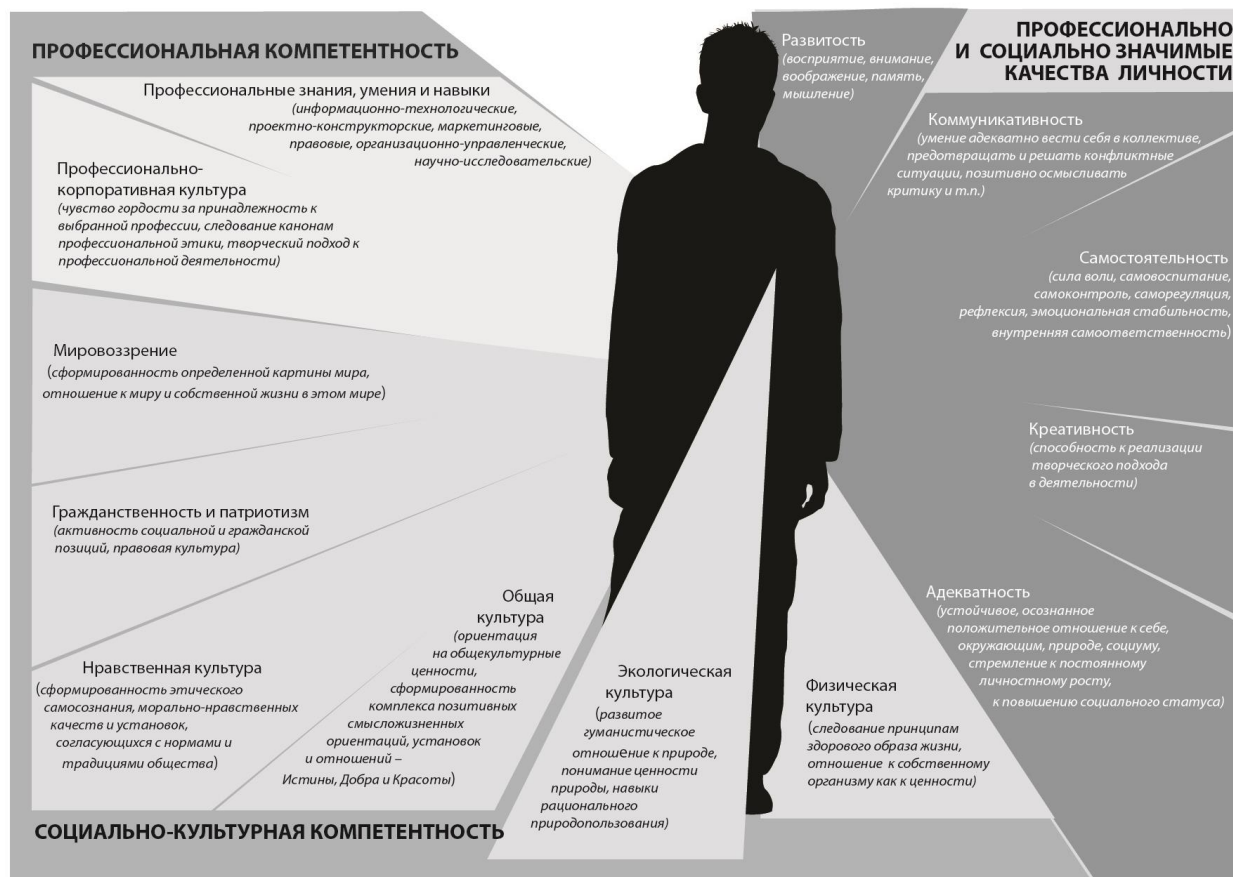

Рис. 4. Компетентностная модель выпускника ТюмНГУ

Анализ реальной образовательной практики инженерного вуза показывает очевидный «технократический крен» в подготовке, причем с введением ФГОС-3 эта проблема обретает угрожающий характер. Специфика воспитательного процесса в инженерном вузе определяется, с одной стороны, имеющей место быть инерционной политикой, позиционирующей систему воспитания как необязательную для выпускника-инженера. Профессорско-преподавательский состав инженерного вуза, согласно нашим исследованиям, отдает предпочтение формированию профессиональной компетентности, игнорируя или оставляя на самовоспитание формирование социально значимых качеств личности. Воспитательный процесс воспринимается большинством инженерных кадров как вспомогательный процесс в системе образования. С другой стороны, студенты инженерного вуза, участвующие в реализации овеянных историй традиционных мероприятий вуза, имеющих отношение к внеучебной работе, воспринимают воспитательный процесс в большей степени как культурно-развлекательный.

Такая позиция субъектов образовательного процесса не соответствует концепции устойчивого развития и не позволяет приблизиться к педагогическому идеалу воспитательной системы вуза – инженеру-интеллекту.

В наше время даже талантливый специалист, создающий проекты новых объектов, опираясь только на свои знания и опыт, безнадежно отстанет от подлинно современного инженера,

использующего при проектировании всемирно и мгновенно доступные, открытые для всех источники информации сети интернет и доступные только своим сотрудникам мощности локальных информационных сетей предприятия, от современного инженера, проводящего расчеты на современной компьютерной технике с использованием готовых объектов математического обеспечения и пользующегося для создания чертежей не традиционным кульманом, а компьютерными системами автоматизированного проектирования.

В новых социальных, экономических и информационных условиях небывалой доступности отечественных и зарубежных источников информации особое значение приобретает самостоятельность любого специалиста, его активность, способность дать собственную оценку найденному или появившемуся источнику информации.

Самодисциплина, самоконтроль, активность в избранной сфере деятельности, в повышении своей профессиональной компетентности — необходимые качества современного специалиста. Специалист сегодня — это во многом продукт самого себя. Однако эта разносторонняя самостоятельность особенно эффективна лишь тогда, когда она основывается на высокой культуре личности специалиста, обеспечивающей внутреннюю ориентацию в новых условиях и появляющихся возможностях. Специалист как личность характеризуется жизненными ценностями, испытываемыми и осознанными им потребностями, ценностными ориентациями, учитывающими социальные нормы, идеалами. Все это — продукт освоения им культуры, осознания общечеловеческих ценностей и идеалов.

С социально-экономической точки зрения, труд инженера — составная часть труда совокупного работника, его самая высококвалифицированная часть, занимающаяся научными изысканиями для повышения эффективности общественного труда. Таким образом, труд инженера — всегда производительный труд, поскольку инженер, даже работая в сфере науки, создает условия для повышения производительности труда.

Задача воспитания современного студента как человека профессионально и социально компетентного, нравственного и культурного предполагает в нашем вузе решение не всех, по крайней мере, следующих вопросов:

- философское переосмысление положений классического гуманизма применительно к необходимости жить в условиях быстро изменяющегося мира;
- определение компонентов гуманистически ориентированной образовательной среды, способствующей формированию у студентов профессиональной и социальной компетентностей, нравственности и культуры;
- разработка адекватного социально-педагогического подхода к компетентностному образованию применительно к конкретному вузу;
- разработка модели воспитательной системы нашего вуза с учетом региональных особенностей Западной Сибири, которые находят отражение в многонациональном и многоконфессиональном составе населения, богатом культурном наследии, уникальной природе и необходимости ее защиты, в нефтегазодобыче как регионообразующем факторе и др.;
- учет в воспитательной модели тех специфических черт, которые в последнее время приобрел ТюмГНГУ, претерпев ряд существенных преобразований. Это, в частности: широкая сеть филиалов, охватывающая всю территорию Западно-Сибирского региона; внутренние образовательные структуры (лицей при ТюмГНГУ, машиностроительный техникум, институты), позволяющие предоставить образовательные услуги на ступенях среднего общего, среднего специального, высшего и послевузовского образования; открытие гуманитарных кафедр и специальностей, создание гуманитарного факультета — института гуманитарных наук; уникальная структура координации научно-исследовательской работы студентов — Студенческая академия наук ТюмГНГУ и др.

Список литературы

1. Глазачев С. Н. Экологическая культура и образование в меняющемся мире // Экологическая культура и образование: опыт России и Югославии. – М., 1998. – С. 36.
2. Мазур И. И., Козлова О. Н., Глазачев С. Н. Путь к экологической культуре. – М.: Горизонт, 2001. – 194 с.
3. Епишева О. Б. Инновационные процессы в образовании / О. Б. Епишева, Д. Ю. Трушников. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. - 124 с.

4. Актуальные вопросы современного образования: коллективная монография / О. Б. Епишева, С. Н. Глазачев [и др.]; ред. Д. Ю. Трушников. – Тюмень, ТюмГНГУ, 2010. - 403 с.
5. Трушников Д. Ю. Кластерный подход в проектировании системы подготовки инженерных кадров в интенции устойчивого развития региона / Д. Ю. Трушников // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. - 2010. - № 4. - С. 91-97.
6. Трушников Д. Ю. Технический университет как культурно-образовательный кластер региона / Д. Ю. Трушников, В. А. Игнатова // Вестник Университета Российской академии образования. - 2008. - № 4. - С. 84-87.
7. Трушников Д. Ю. Тюменский государственный нефтегазовый университет как культурно-образовательный кластер региона / Д. Ю. Трушников // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. - 2009. - № 3. - С. 84-87.
8. Трушников Д. Ю. Аксиологическая модель воспитания в инженерном вузе / Д. Ю. Трушников // Высшее образование сегодня. - 2008. - № 6. - С. 66-71.
9. Трушников Д. Ю. Воспитание в вузе: гуманистический аспект: монография / Д. Ю. Трушников. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2006. - 132 с.
10. Трушников Д. Ю. Воспитание в техническом вузе: традиции и новые подходы / Д. Ю. Трушников // Вестник Университета Российской академии образования. - 2008. - № 2. - С. 147-152.

Сведения об авторах

Трушников Денис Юрьевич, к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел.: 89220725725, e-mail: tmpro@mail.ru

Трушникова Вера Ивановна, ведущий специалист центра организации воспитательной работы в учреждениях НПО и СПО, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень

Trushnikov D. Yu., Candidate of Sciences in Pedagogies, head of the Chair of theory and methods of professional education, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 89220725725, e-mail: tmpro@mail.ru

Trushnikova V. I., leading specialist of the Center of organization of educational work in the institutions of junior and secondary vocational education, Tyumen State Oil and Gas University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, Карнаухов Николай Николаевич — д.т.н., профессор кафедры транспортных и технических систем Тюменского государственного нефтегазового университета

Зам. гл. редактора, Хайруллина Нурсафа Гафуровна — д. с. н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета

Барбакова Клара Григорьевна — д. ф. н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета

Барбаков Олег Михайлович — д. с. н., профессор, заведующий кафедрой математических методов в экономике Тюменского государственного нефтегазового университета,

Белоножко Марина Львовна — заведующая кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, д.с.н., профессор

Влад Генин — декан факультета бизнеса, менеджмента и информационных технологий университета Феникс, содиректор международных программ Стэнфордского университета и университета UC Лос-Анджелеса, полномочный представитель Академии высшего образования в ООН, главный специалист фонда Фулбрайт, доктор бизнес-администрирования, Ph.D, профессор инжиниринга и международного менеджмента (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна — заместитель директора Института социологии РАН, д. ф. н., профессор

Левашов Виктор Константинович — руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, д. с. н., профессор

Нарбут Николай Петрович — заведующий кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов, д. с. н., профессор

Пленкина Вера Владимировна — д. э. н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета

EDITORIAL BOARD

Professor Karnaukhov, Nikolay Nikolayevich — Chief Editor, Doctor of Technical Sciences, professor of transport and technical systems of the Tyumen State Oil & Gas University

Professor Khayrulina, Nursafa Gafurovna — Deputy Chief Editor, Doctor of Sociological Sciences, Tyumen State Oil & Gas University

Professor Barbakova, Klara Grigoryevna — Doctor of Philosophical Sciences, Tyumen State Oil & Gas University

Professor Barbakov, Oleg Mikhaylovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Mathematical Methods in Economics, Tyumen State Oil & Gas, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Belonozhko, Marina Lvovna — Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil & Gas University, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Genin, Vlad — Doctor of Business Administration, Ph.D, Technical Sciences, Professor of Engineering and International Management Science, Chair of the College of Business, Management, and Information Technologies, University of Phoenix, General Editor and Program Co-Director, Stanford University, UCLA, Plenipotentiary Representative of the Academy of Higher Education in the United Nations, Senior Specialist, Fulbright Foundation, U.S. Department of State

Professor Golenkova, Zinayida Tikhonovna — Doctor of Philosophical Sciences, Deputy Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Professor Levashov, Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Head of the Laboratory, Research Institute of Society, Tyumen State Oil & Gas University

Professor Narbut, Nikolai Petrovich — Doctor of Sociological Sciences, Chair, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Professor Plyonkina, Vera Vladimirovna — Doctor of Economical Sciences, Tyumen State Oil & Gas University

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений РФ. Социология. Экономика. Политика» - это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Политические и правовые процессы
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, метаанализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков - все это может быть объектом исследований.

Журнал издается ежеквартально (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Каждая статья рецензируется. После положительной оценки рецензента, редакционная коллегия определяет возможность публикации статьи в журнале.

Отправленная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть отправлена для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнал, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

- Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь: аннотацию на русском и английском языках, содержащую название рукописи, данные автора обязательно (Ф.И.О.) полностью, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, краткое содержание рукописи объемом до 0,25 страницы машинописного текста, УДК, рецензию, протокол заседания кафедры с рекомендацией к публикации.
- Рукопись представляется в редакцию в виде файла на диске с использованием Winword, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1,25, страницы не нумеруются.
- Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. **Объем статьи 3-4 страницы.**
- Параметры страницы: Поля верхнее: 2,5 см; нижнее: 2 см; левое: 2,5 см; правое: 2,5 см.
- Название статьи должно содержать не больше 7-8 слов фамилии и инициалы авторов.
- Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки. В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников - фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, Стр.; б) для книг - фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, Стр. (ГОСТ 7.1 - 84). В список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати.
- Список литературы не должен превышать 10 наименований источников.
- Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.
- Диски со статьями не возвращаются.
- Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
- Корректур статей иногородним авторам предоставляется.
- Плата за публикацию не взимается.

Электронный вариант статьи, аннотация, подписка на журнал высылаются по e-mail: nur@tsogu.ru
Индекс Роспечати 19420. Для жителей Тюмени организована подписка на журнал в редакции.

Пожалуйста, отправляйте Ваши статьи:

профессор Нурсафа Хайруллина, заместитель главного редактора

Телефон/Факс: 8(3452)202046

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board of the «News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics» Journal welcome papers on original research findings and informed opinion on the theory and methodology of research of social processes and related fields.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted on the disk and via email. The electronic version of it should be sent to: nur@tngnu.tyumen.ru.

The paper should be typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman).

The body of the manuscript should be single space. DoubleSpace before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces. You must leave a space after each paragraph.

The margins should be as follows:

Left Margin: 1 inch or 2.5 cm Right Margin: 1 inch or 2.5 cm

Top Margin: 1 inch or 2.5 cm Bottom Margin: 1 inch or 2.5 cm

Do not insert page numbers.

References will appear at the end of the paper. Display only those references cited in the text. References should be listed and numbered alphabetically by the last name of the first author at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. References should be given in the following form: a) for Journal Articles - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages.

The length of the manuscript should not exceed more 4 pages. The title of the manuscript should be in all capital letters, boldfaced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. The size of the name(s) should be «LARGE.» (12 point). For Example:

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University

Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith

Kathy Matthews

Tyumen State Oil and Gas University

Each manuscript should be accompanied by an abstract of approximately 100-150 words. The word ABSTRACT should be typed in all capital letters, bold-faced, and centered on the third line following the author(s) and affiliation(s). The size of the heading should be «VERY LARGE». The text of the abstract should be in «ITALICS». An abstract should be sent in English language.

A list of keywords describing your manuscript should be provided after the abstract (for indexing and search purposes).

Your manuscript should be accompanied by a cover page, consisting of the paper title, author name(s), affiliation(s) of the author(s), purpose of submission and detailed contact information, including phone number(s) and email address(es).

All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes. The size of the heading for each table or graph should be «LARGE».

Appendices should immediately follow the body of the paper and precede the references. The term, APPENDIX, should be centered in all capitals above the appended material. The size of the term, APPENDIX, should be «VERY LARGE». If there is more than one appendix, they should be numbered consecutively.

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note that the computer disk will not be returned. It is essential that you comply with these instructions because we print from disk. Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

«News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics»

CALL FOR PAPERS

The «News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of social processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives.

The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome.

Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December.

Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

Please send submissions to:

Prof. Vlad Gennin

Telephone/Fax:

E-mail:

Deputy Editor-in-Chief

+1 (925) 937-92-88

vgenin@yahoo.com

Подписано в печать 14.09.2012. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,44. Усл.печ.л. 13,5 Тираж 500. Заказ №

Библиотечно-издательский комплекс
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.
e-mail:nur@tsoгу.ru